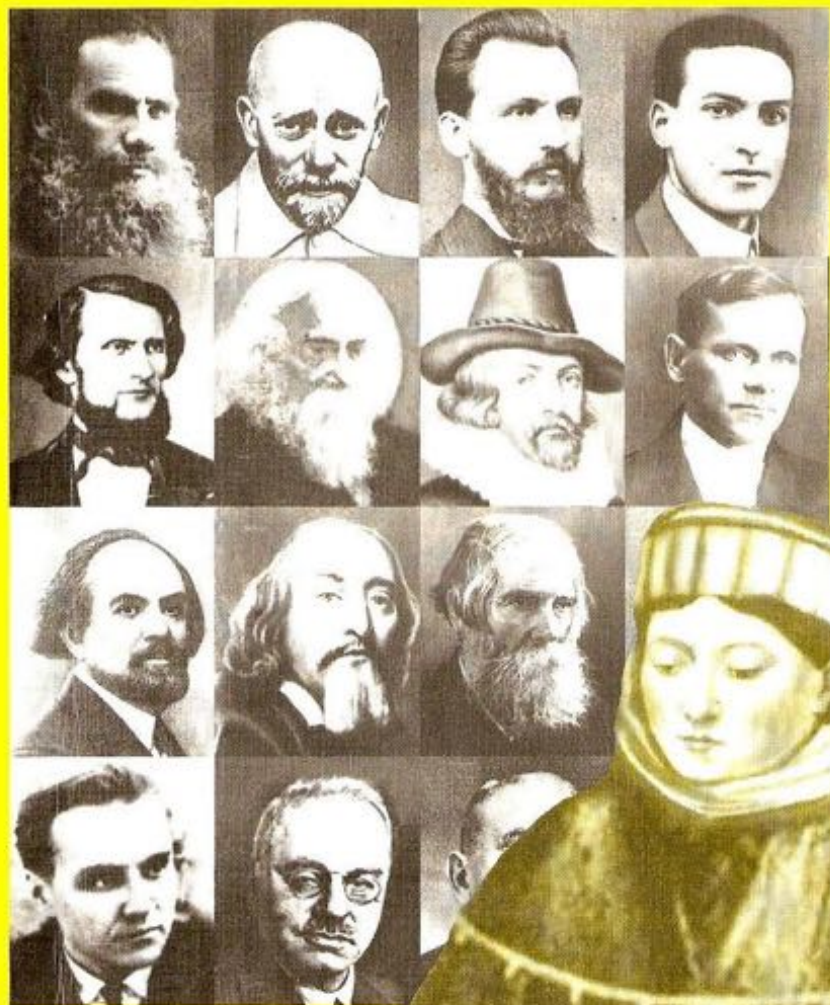

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ
БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Дарчия М.Д.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Неменский Б.М.

Ниорадзе В.Г.

Никандров Н.Д.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Саргания В.Ш.

Шадриков В.Д.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА

СОСТАВИТЕЛЬ И
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Безрогов
Виталий
Григорьевич**
Ведущий Научный
Сотрудник Р.А.О.
г. Москва

**Панченко
Ольга
Григорьевна**
Учитель,
доцент А.П.К.Р.О.
г. Москва

**АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ**

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА
2002**

ББК 86.37

Б 683

«Федеральная программа
книгоиздания России»

Блаженный Августин.— М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002.— С. 224 (Антология гуманной педагогики).

В книге представлены, не публиковавшиеся в России долгое время, основные педагогические сочинения Аврелия Августина, Отца Церкви IV—V веков. Они заложили основу всей средневековой системы образования. Для преподавателей педагогических вузов, учителей, работников образования, всех интересующихся гуманистическими традициями христианской педагогики.

УЧИТЕЛЬ ВЕРЫ

Аврелий Августин: рецептура для христианского образования¹

Августин (354—430) стоит у истоков христианской педагогики Запада. Его называют «учителем, сформировавшим интеллект христианской Европы»². Он жил в период, когда христианская школа делала свои первые шаги в мире нехристианской культуры и образованности. Августин начал педагогическую деятельность в качестве профессионального преподавателя грамматики и риторики в языческой школе.

Духовные поиски после долгих лет интеллектуальных странствий привели его к христианской вере. В 387 г. он крестился, вел монашескую жизнь, а в 391 г. был посвящен в пресвитеры и в 395 г. — в епископы североафриканского города Гиппона. Именно в это время Августин и проявил себя не только как великолепный практик образования, но и как теоретик христианской «науки обучения и воспитания».

Один из ближайших учеников Августина Поссидий подчеркивает в своих воспоминаниях об учителе его твердые устремления продолжить апостольскую наставническую традицию, стать проповедником Слова Божьего. К устному слову Августин добавляет письменное: «Тому же, что Бог открывал ему во время размышлений и молитв, он учил ближних в проповедях, а дальних — книгами... Учил он публично и частно, в домах и в церкви...» Августин «всегда был готов дать молящим знания о вере и надежде, которые в Боге, не только в своей области, но и везде, куда бы его ни просили приехать». Особое внимание он обращал на тех, кто мог впоследствии стать учителями.

Августин устраивает монашеское общежитие-школу для клира города Гиппона. Члены этого духовно-образовательного общежития делились на три группы: одна — священники и низший клир, а две другие — миряне. «Новобранцы Христовы», как называли младших клириков, проходили у Августина профессио-

¹ Предисловие написано при поддержке РГНФ (грант 02-06-00141а).

² *Newman J.H. Apologia pro vita sua. N.Y., 1908. P.264.*

нальную подготовку... По всей видимости, Августин взял за образец школьные кружки, которые образовывались вокруг епископа крупного города. В них юные клирики назидались в практике церковных служб, учили и комментировали священные тексты. Именно обучение, а не, скажем, физический труд, как во многих «классических» монастырях, определяло ежедневный распорядок дня. «Выпускниками» «протомонастырской школы» Августина стали около 10 епископов североафриканских городов. Исследователи по-разному оценивают роль этой полумонашеской школьной общины. Одни говорят о великом ее вкладе в историческое развитие североафриканской церкви, другие более скромно называют школу Августина «одной из первых теологических семинарий»¹. Начинание Августина в любом случае означало дальнейшее движение в сторону институционализации христианского образования, еще не ставшего к тому времени систематически организованным.

Августин был убежден в том, что образование для христианина не менее важно, чем для язычника. В условиях постоянных внутрицерковных споров оно становилось необходимым даже для мирян, а не только для клира. Как епископ Августин распределял свои педагогические усилия между подготовкой прихожан к крещению (катехизацией), практическим устройством их жизни, церковными проповедями, наставлением через письменные послания. Педагогическая тематика занимала его постоянно. Он стремился соответствовать всем тем высоким требованиям к епископу и учителю, которые были выдвинуты апостолом Павлом. Симпатия к ученикам, интуитивное их понимание, высокие интеллектуальные способности, умение объяснять самые сложные проблемы, готовность к дискуссиям в любое время — таковы были основные черты Августина как учителя.

Цель «школы клириков» Августином определена как «образованность для нужд церковных». Ученик обучался прежде всего доктрине через изучение Священного Писания как с точки зрения содержания, так и с точки зрения постижения учеником методик его преподавания. Центральные учебные дисциплины — толкование Писания (экзегетика) и церковное красноречие. Обучение начиналось с чтения учеником всех книг церковного канона. Он знакомился с текстами, правилами их чтения. Это было «обучение по букве». На первом этапе понимать прочитанное не требовалось. Ученик вслушивался в звучания слов, приучал свои глаза к манускриптам.

Затем ученики слушали объяснения текста учителем. Магистр выбирал те места Библии, которые, по его мнению, были наиболее важны для разбора. Слушатели конспектировали его

¹ *Bourke V.I. Augustine's Quest for Wisdom: Life and Philosophy of the Bishop of Hippo. Milwaukee, 1945. P.126.*

объяснения. Но знание Священного Писания было не самоцелью. Главные сокровища, которые должен был открыть для себя каждый ученик, — внутренняя религиозность, любовь к Богу, вера в Бога и надежда на Него.

Значительную часть учебного плана Августин посвящал тому, как языческую риторику применять к церковному красноречию. Так же как и в античной языческой школе ратора, ученики Августина упражнялись в сочинении речей. Только теперь это уже были проповеди. Неспособные сочинять сами учили сочинения других.

Августинова школа стала примером для многих вплоть до VI века. Она определила основной вид христианской школы на Западе, школы для клириков, куда поступали уже предварительно выучившись светским наукам.

Следующий шаг в деле развития христианской педагогической парадигмы — соединение преподавания богословских и мирских наук в одном образовательном учреждении — сделал в VI веке Кассиодор.

Творческое наследие Августина огромно. Полное его издание составляет 40 томов. Это 113 трактатов, 218 писем и свыше 500 записанных проповедей. Хотя круг обсуждаемых вопросов чрезвычайно широк, практически все работы Августина имеют педагогическую направленность, — ведь как личность он сложился, занимаясь преподаванием, ища истину вместе с учениками.

В данном томе читатель найдет два наиболее важных сочинения Августина: «Об обучении христианина» (букв. пер.: О христианском учении; *De doctrina Christiana*, 396 г., 426 г.) и «Об обучении оглашаемых» (букв. пер.: О катехизации неподготовленных; *De catechizandis rudibus*; 399—400 гг.). Они дополнены образцами «учебных проповедей» Августина готовящимся принять крещение. Здесь видно, как он использовал на практике многие свои дидактические рекомендации. Завершают книгу фрагменты из «Исповеди», в которых Августин рассказывает о своем детстве, анализирует и оценивает его.

Трактат «**О христианском учении**», по словам Августина, «помогает понимать книги Писаний», «содержит истинный путь общения с другими». Каковы причина и повод написания трактата? Какому слушателю и читателю он был адресован? Августин поясняет, что он дает наставление «людям латинской речи», стремящимся к совершенному владению каноном Ветхого и Нового Заветов. То есть — «учащимся и способным молодым людям, боящимся Бога и ищущим счастливой жизни». Ориентация на молодую аудиторию определяет многие педагогические характеристики сочинения. Августин подробно рассматривает дисциплины, подготовительные к изучению Библии, утверждает необходимость изучения риторики.

Помимо явного адресата (молодое поколение, приступающее к христианскому образованию) есть и второй, более скрытый, — люди в возрасте, готовые стать священниками. Трактат также адресован учителям и тем, кто «по долгу службы» ответствен за планирование обучения и назидания, за надзор над учителями.

Всем своим слушателям—ученикам—читателям Августин стремился преподавать правила изучения человеческих и божественных наук. Он считал, что трактат об этих правилах необходим изучающим канон. Как учитель чтения (начальный учитель в античной системе литературного образования) преподает правила чтения, так и учитель Августин преподавал правила «духовной герменевтики», т.е. правила интерпретационного чтения и понимания смыслов Священного Писания: «Тот, кто изучает педагогические правила, которым мы стараемся обучить в этой книге, не будет более ни в ком нуждаться, чтобы раскрывать скрытый смысл».

Путь к мудрости состоит, по Августину, из семи ступеней. Третью ступень на этом пути занимает знание, процесс получения формального образования. Августин проясняет различные типы правил и процедур, которым следуют учителя, развивающие в своих учениках системную методику правильного понимания Писания. Это Августиново обучение подготавливало каждого студента к становлению в свою очередь учителем, т.е. тем, «кто толкует и учит Священному Писанию» (*Divinarum Scripturarum tractator et doctor*).

В тексте есть общие установки по организации обучения Писанию, есть и правила и рекомендации по конкретной преподавательской практике. Книга «Об обучении христианина» создана с целью реформировать образовательную систему классической античности, дополнить основные предметы христианской интерпретацией, ввести новые дисциплины.

Поясним вкратце содержание и композицию трактата. Во введении Августин говорит, что хочет развить в своих слушателях (читателях) понимание метода постижения Писания и способность его применения. Учитель Августин не собирается читать своим ученикам, он стремится обучать их чтению. Введение определяет с самого начала суть всего трактата как сочинения обсуждающего прежде всего педагогические вопросы. Христианам уже не хватало просто провозглашения Христа новым Учителем человечества, а христианства — единственной истинной образованностью. Им требовалось систематическое образование, назидание верующему на протяжении всей его жизни. Августин берет за эту задачу и разрабатывает систему, которая приложима к любому возрасту. Каждый читатель, от ученика до учителя, найдет для себя в трактате советы, ответы на многие вопросы. Ведь научение и обучение — процессы взаимные: обучающиеся учат в школе и вне ее других тому, что им открылось с помощью

наставника в Писании и в полезной светской литературе. А учащие не перестают одновременно и обучаться в процессе совместного с учениками обсуждения христианского вероучения. Обучающийся как учитель, обучение ученика ради тех, кто столкнется затем с ним в жизни, — такова концепция трактата.

Книга первая посвящена содержанию веры. Даны цели и определены ценности процесса христианского обучения. Во второй книге показано в деталях, как искусства и науки должны и могут быть очищены от языческого и от мирского. Это возрождает и обновляет их, и они становятся эффективными инструментами для образовательного процесса, который осуществляется в рамках сформулированного в первой книге его назначения. Науки и искусства, в том числе риторика и философия, становятся «преддверием» для более высокого уровня образования, для постижения явленной Богом истины с помощью Библии.

Книга третья посвящена интерпретации Священного Писания. Под «интерпретацией» Августин подразумевает использование преподавателем всех нехристианских академических и педагогических процедур, прежде всего грамматических, но использование их по отношению к новому объекту занятий. Священная книжность «народа Божьего» в значительной степени заменяет языческую словесность старой системы образования, «Гомера и классических авторов». Августин подчеркивал литературную ценность текстов Священного Писания, исходя из своего нового учебного плана и педагогических задач христианского наставника. Епископ был убежден, что Библия вполне подходит для того, чтобы занять в программе центральное место. «С самого начала трактата Августин подчеркивает, что путь христианского образования есть *tractatio Scripturarum*, обучение Писанию и посредством его»¹.

Четвертая книга рассказывает о способах и нюансах работы преподавателя, т.е. о методах и приемах убеждения, обучения, проповедования истинной веры и ее идеалов.

Трактат стал удивительно ясным обоснованием литературной и педагогической ценности Священного Писания. Однако он не поддается однозначной интерпретации. С одной стороны, это первое из руководств по библейской герменевтике, своего рода введение к Писанию. С другой стороны, — шире — «ясное и самодостаточное наставление по всему образованию христианского учителя»². Предмет сочинения — обучение педагогическому инструментарию по организации такого образовательного процесса, который формирует в человеке и обществе христианскую культуру. С одной стороны, трактат текстуально — руководство

¹ Eggersdorfer F.X. Der heilige Augustinus als Pädagoge und seine Bedeutung für die Geschichte der Bildung. Freiburg i.Br., 1907.S.141.

² Laistner M.L.W. Christianity and Pagan Culture in the Later Roman empire. N.Y. — Ithaca, 1951. P.68, 69, 71.

учителям. Сочинение, писал Августин, объяснит «определенные правила для обучения Писанию». С другой стороны, трактат привлекал в систему образования новые тексты и новую словесность вообще, новый педагогический инструментарий, новое содержание учебного плана, прежде всего Священное Писание, а с ним и определенные сочинения Отцов Церкви. Трактат сосредоточивает все обучение каждого социального слоя и каждого ученика вокруг Библии, заменяющей Гомера и всю греко-римскую литературу. Августин представляет ученикам новый образец человеческого совершенства — Господа Иисуса Христа. Этому образцу соответствует новый комплекс моделей и примеров, принципов и идеалов христианского гуманизма. Это не только новое содержание образования, сформулированное в первой книге трактата, но и новая педагогика в принципе. Христианское педагогическое начало преобразовывает античный гуманизм заканчивающейся античной цивилизации. Августин оформляет в образовании новую традицию христианского гуманизма, которой принадлежит будущее.

Конкретную систему и методику начального христианского обучения Августин изложил в трактате «**Об обучении оглашаемых (катехуменов)**»¹. Катехумены, т.е. те, кто заявили о своем желании вступить в состав церкви, но еще не сделали это, будучи не вполне готовыми к такому шагу, — проходили перед крещением специальный курс подготовки под руководством учителя-катехизатора. Посредством слушания и объяснения Священного Писания приходила к ним вера, через веру — надежда, через надежду — любовь к Богу и ближнему. Радостное и терпеливое настроение учителя, учитывающего индивидуальные состояния учащихся, привязывающего наставления в Священной теории и в Священной истории к тому, что ученикам уже знакомо, пробуждающего заинтересованное внимание, — основа методики христианского воспитания и обучения догматам веры, основа педагогического идеала христианского учителя в системе Августина. Данное сочинение теории и практики педагогики до сих пор рассматривают не только исторически, но и с точки зрения современного религиозного воспитания и религиозной дидактики.

Постоянное использование идей Августина учителями религиозных и нерелигиозных школ свидетельствует об актуальности наследия этого христианского учителя-гуманиста, жившего более чем полторы тысячи лет тому назад. Уже в то время им были заложены основы христианского педагогического гуманизма, активно развиваемые на протяжении веков как церковными, так и светскими преподавателями. В нашей стране, наследие Августина восемьдесят лет было недоступно учителям. Составитель стремился включить в книгу наиболее важные с педагогиче-

¹ Название трактата было бы вернее переводить «О катехизации неподготовленных».

ской точки зрения тексты. Некоторые из них были переведены с латинского в XIX столетии. Тогда были свои термины, свои обороты речи, свои правила перевода. Немного осовременив и исправив некоторые ошибки, мы представляем Августиновы тексты читателю в том несколько архаическом стиле переводов, который придает им дыхание исторического времени, но не делает достоянием только истории.

Гуманизм Августиновой программы, как и античный, заключался в рассмотрении образования как процесса совершенствования учащегося. В христианском гуманизме наука, обучение включены в религиозную жизнь. Августин прошел через обращение в веру во Христа, а не в светскую философию. Поэтому для него наука и обучение существуют только под авторитетом Библии, исполняя десять заповедей и подчиняясь вере. Но это не означает, что они не являются инструментами, подчас единственными, для достижения тем или иным человеком, особенно способным к интеллектуальному развитию, идеала христианской совершенной личности. Педагогическая антропология Августина, несомненно, гуманистична, поскольку обращена к каждому ученику и наполнена глубочайшей верой в него и вниманием к нему.

В. Г. Безрогов

¹ *Weidman F. Geleitwort // Reil E. Aurelius Augustinus «De catechizandis rudibus»: Ein religionsdidaktisches Konzept. St.Ottilien, 1989. S. VII—IX.*

ОТ ПЕРВОГО ЧИТАТЕЛЯ

Имя Августина Аврелия (или Блаженного) до недавнего времени было нам знакомо только по тем редким переводам его отдельных статей, что включались в хрестоматии по истории философии. С него начинался раздел средневековой философии Западной Европы. Как родоначальник западной ветви в патристике, то есть литературе отцов церкви, Августин редко переводился на церковнославянский язык, а уж тем более на русский. Все изменилось за последнее десятилетие. Труды Августина активно переводятся и издаются. И теперь мы — без идеологических посредников — можем сами оценить духовный потенциал этих трудов. Перед нами предстает мудрая личность, в корне изменившая функцию и значение философии образования накануне гибели древней римской культуры и, может быть, спасшая тем самым эту область общественного сознания от забвения. Августин призвал философию к общественному служению на почве христианского просвещения.

Данный том Антологии заинтересовал меня именно потому, что я сама занимаюсь философией образования и воспитания, веду в старших классах разработанный мною предмет «Образ человека в истории философии», знаю, насколько важно говорить с детьми на эту тему. И в лице Августина я нашла интересного собеседника.

О.Г. Панченко

ОБ ОБУЧЕНИИ ХРИСТИАНИНА (О христианском учении)*

ВСТУПЛЕНИЕ

I. Есть известные правила, способствующие к уразумению смысла Св. Писания; вижу на опыте, что их не без пользы можно преподавать любителям слова Божия, дабы сии люди не только с успехом могли читать толкователей Св. Писания, но и сами объясняли бы оное другим. Сии-то правила решился я изложить для желающих и могущих принимать наставления, — если только Господь благословит перо мое счастливо раскрыть те мысли,

AB *Это о типах людей, которые по-разному понимают Священное Писание. Это учение они читают согласно своему замыслу, забывая, что есть его великий смысл. Одни учителя живут и учат согласно букве, другие согласно Учению. Три типа познания — рациональное, религиозное, божественное (интуитивное) — отвечают трем типам людей.*

кои Он обыкновенно внушает мне в минуты моего размышления о Св. слове Его. Но прежде нежели приступлю к моему предмету, почитаю за нужное ответить тем из моих читателей, кои захотят или же захотели бы порицать меня, когда бы я предварительно не успокоил их. Если и после этого найдутся люди, кои станут упрекать меня, по крайней мере они не успеют других соблазнить и не отвлекут их от полезного занятия к невежественной праздности, а это могли бы они сделать, если бы нашли их беззащитными и не готовыми к ответу.

II. Одни будут порицать настоящий труд мой потому, что не поймут хорошо преподаваемых мною правил. Другие, понявши их, захотят воспользоваться и на основании сих правил станут делать опыты: изъяснения Писания, но, не успев открыть и изъяс-

* Приводится по изданию: *Августин. Христианская наука, или Основания св. герменевтики и церковного красноречия*. Киев, 1835. В текст внесены некоторые изменения и уточнения. Использованы: *S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi. De doctrina christiana libri quatuor* // *Patrologia latina*. T. 34; *Augustine. De Doctrina Christiana*. Ed. R.P.H. Green. Oxford, 1995. Когда данная книга была закончена, вышел новый русский перевод фрагментов 2-й и 3-й книг трактата (см. библиографию). Сопоставления с ним мы поместили в постраничных примечаниях.

нить то, чего желали, тотчас заключат, что я трудился напрасно и что труд мой никому не принесет пользы потому только, что они не умели им воспользоваться. Третий род критиков моих составитя из таких людей, кои или в самом деле хорошо объясняют Писание, или только так думают о себе.

Если сии люди приобрели способность (истинную или мнимую) изъяснить Писание без пособия тех правил, кои я намерен изложить, то будут вопиать, что мои правила ни для кого не нужны и что все в них преподаваемое касательно изъяснения темных мест Писания может быть узвано и постигнуто при посредстве одного Божественного дара свыше.

III. Всем моим критикам в немногих словах ответствую следующее: не понимающие настоящего моего сочинения, конечно, не меня должны порицать за то, что не понимают его; так же точно, как не в праве были бы они сердиться на меня в таком случае, когда бы им хотелось, напр., увидеть новую луну или какую-нибудь неясную звезду, и я с своей стороны пальцем указывал бы им на оные, а у них между тем не доставало бы остроты зрения не только для луны и звезды, но даже для того, чтобы хоть перст мой увидеть. Те, кои узнают и хорошо поймут мои наставления, а между тем при помощи их изъяснить темные места Писания будут не в состоянии, те пусть заключат из сего, что у них есть способность только на то, чтобы видеть один перст мой, но недостает сил на то, чтобы усматривать звезды, этим перстом указуемые. А посему как те, так и другие должны удержаться от невыгодных суждений о моем труде и для озарения очей своих должны испрашивать Божественного света свыше. Ибо я могу двигать перстом моим для того, чтобы указывать известные предметы, но отнюдь не в состоянии дать человеку глаз на то, чтоб он ясно мог видеть и средство, которым я указываю, и предмет, который хочу указать.

IV. Наконец, чтобы смягчить неудовольствие против меня людей, похваляющихся Божественным даром и самонадеянно усваивающих себе способность разуметь и объяснять Писание без таких правил, какие здесь будут преподаваны, и потому готовых почитать труд мой излишним, — я могу и должен сказать этим людям, что хотя они имеют право восхищаться великим даром Божиим, но не должны забывать, что они по крайней мере азбуке научились не от Бога, а от людей, и учась ей, несколько не думали, что поступают худо, не подражая примеру Антония Великого, египетского инока, о коем рассказывают, будто он вовсе без науки, по одной наслышке, знал все Писание на память и при помощи одного здравого размышления совершенно разумел оное; — или примеру одного благочестивого раба из варваров, который, по недавним известиям, полученным мною от почтенных и достойных вероятия людей, ни у кого не учился грамоте, а только молил Бога, да откроет ему разумение письмен, и получил полное сведение в оных, так что после трехдневной молитвы

к удивлению присутствовавших вдруг начал ясно и скоро читать принесенную ему Библию.

V. Если последнее покажется кому-либо не совершенно вероятным, я не буду упорно прекословить, ибо не вижу никакой нужды в том. Для моей цели довольно, что имею дело с христианами, кои хвалятся возможностью знать Писание без руководства человеческого и кои неоспоримо обладают в сем отношении великим благом, если только в самом деле обладают им. Как бы ни судили таковые, но необходимо должны согласиться со мною по крайней мере в том, что каждый из нас от самого детства научился своему природному языку через постоянную привычку слышать оный от других, — научился и еще какому-либо языку, например греческому, еврейскому и т.п. или также понаслышке, или при помощи известного наставника, — не Бога, а просто человека. Спрашиваю: зачем мы поступили и поступаем таким образом? Почему, имея в виду, что апостолы, по сошествии Св. Духа, в одно мгновение не учась заговорили языками всех народов, давно не начнем советовать всем братьям, чтобы они не учили детей своих ни своему, ни чужому языку, — в ожидании чуда? А с кем не последует того же чудесного события, какое было с апостолами, тот вследствие сего пусть не почитает себя полным христианином, или по крайней мере должен сомневаться в получении Св. Духа! ... Не думаю, чтобы кто-либо согласился с сими мыслями. Пусть же каждый без гордости учится у человека тому, чему должно учиться от людей; равным образом и наставляющий других пусть без гордости и зависти преподает то, что сам приобрел. Не станем искушать Того, в Кого мы уверовали, дабы лукавый не обольстил нас своею хитростью и злобою до такой степени, что мы не захотим ходить и в храмы Божии даже для слушания и изучения самого Евангелия, не захотим читать Св. кодекс, не захотим внимать чтущему или проповедующему доброму человеку в напрасном ожидании, что вот восхитят нас до третьего неба, «если в теле или вне тела», как говорит Апостол¹, и что там услышим мы неизреченные глаголы, которые не позволяют человеку произносить, или увидим Господа Иисуса и будем слушать Евангелие лучше от Него самого, нежели от человека.

VI. Будем, говорю, остерегаться сих чрез меру надменных мыслей, как весьма опасных искушений. Помыслим, что и сам апостол Павел, хотя первоначально повергнут на землю и наставлен был Божественным гласом с неба², но впоследствии послан к человеку для принятия таинств и соединения с Церковью. Вспомним, как Корниил Сотник, хотя был извещен от ангела, что молитвы его услышаны и милостыня принята, однако ж послан был к Петру не только для принятия таинств, но и для на-

¹ 2Кор. 12:2.

² Деян. 9:7.

учения тому, чему должно верить, чего надеяться и что любить. Нет сомнения, что и всякий способ научения мог и может совершаться через ангела, но в таком случае участь человечества была бы весьма низка, если бы Бог не благоволил сообщать людям слова Своего через людей же. Каким образом оправдалось бы изречение Писания: «храм Божий свят есть, тот, который есть вы»¹, если бы Господь не открывал воли своей из сего храма, а все нужное для научения человека сообщал бы с неба и через ангела? Самая любовь, связующая людей союзом единства, не имела бы ближайшего средства к теснейшему соединению и, так сказать, взаимному переливанию и сорастворению душ, если бы люди ничему не научались от людей же.

VII. Упомянутый в апостольских Деяниях евнух, который читал пророка Исаию, не понимая его, был послан не ангелом к апостолу; и не через ангела, не через внутреннее озарение открыто ему то, чего он не понимал, но Божественным внушением приведен был к нему Филипп, который знал пророка Исаию, — который сед с ним и изъяснил ему человеческими словами непонятное для него пророчество. С Моисеем не сам ли Бог беседовал? Однако же Моисей без гордости принял совет тестя своего, иноплеменника, касательно управления многочисленным народом Иудейским: ибо знал, что кто бы ни подал истинный и полезный совет, его должно относить не к лицу советующего, а к Тому, Который есть сама истина, — к предвечному Богу.

VIII. Наконец, положим, что тот правильно думает, кто почитает себя в состоянии объяснять темные места Писания без человеческих правил, с помощью одного Божественного дара, ибо в самом деле таковая способность, если есть, не есть собственная естественная его способность, а сообщенная Богом, особенно если он ищет славы Божией, а не собственной. Но, читая и понимая Писание, зачем он сам старается объяснить оное другим, а не предоставляет их Богу, дабы и они, подобно ему, были наставлены в Писании не человеком, а непосредственно самим Богом? Затем, конечно, что страшится услышать от Господа: «Злой раб и боязливый, надлежало тебе серебро мое дать менялам»²! Таким образом, если эти люди устно или письменно сообщают другим то, что сами знают, то и я не заслуживаю порицания, намереваясь сообщить другим не только то, что им нужно знать, но и то, как поступать в приобретении познания известных предметов, хотя, само собою разумеется, никто из нас не должен хвалиться чем-либо как своею собственностью, исключая, может быть, одной только лжи. Ибо все истинное происходит от Того, Который сказал о Себе: Азь есмь истина³. И что мы

¹ 1Кор. 3:17.

² Мф. 25:27.

³ Ин. 14:6.

имеем, чего бы не получили? А если получили, то что хвалиться, как будто не получили?¹

IX. Кто читает слушающим что-либо написанное, тот показывает, что он умеет читать; напротив, кто учит самим письменам, тот передает другим уменье читать, хотя тот и другой сообщает только то, что сам приобрел от других. Равным образом, кто излагает слушателям то, что он понимает в Писании, тот как бы читает им письма, ему известные, но кто научает, как понимать Писание, тот подобен обучающему самим письменам. Как умеющий читать не имеет нужды в другом человеке для прочтения написанного в книге, так и знакомый с правилами, кои я намерен преподавать, не будет иметь нужды в другом для уразумения какого-либо темного места Писания, но сам, как бы по готовым уже следам, без всякой погрешности, дойдет до смысла, скрывающегося в слове Божиим; по крайней мере, никогда не впадет в нелепость какого-либо ложного и вредного мнения.

Заключаю: настоящее творение мое само может достаточно показать, справедливы ли чьи бы то ни было возражения против трудного предприятия, на которое решаюсь. Между тем мне не показалось излишним поместить здесь предупреждение, дабы, с одной стороны, дать в нем приличный, по моему мнению, ответ некоторым из самых упорных критиков моих, с другой, — чтобы сделать оное началом пути, на который в следующей книге я намереваюсь вступить.

КНИГА ПЕРВАЯ

I. Два главных предмета, кои должно иметь в виду, занимаясь ученым образом Св. Писанием: 1) способ находить истинный смысл оного, и 2) способ сообщать, или излагать, сей смысл другим. Посему и я сначала буду рассуждать о том, как находить смысл, а после о том, как сообщать оный.

Решаясь на сие великое и трудное дело, боюсь, не безрассудно ли предпринимаю его, когда соображаю, как не легко мне выполнить это. Точно не легко, если надеяться на одни собственные силы! Но я всю надежду совершить мой труд возложил на Того, Кто благоволил уже много внушить мне благих истин в минуты моего размышления о Его Св. слове: живо помню сии истины, и нечего бояться мне, чтобы Господь стал отказывать и в прочих необходимых для меня сведениях, если только я благо-разумно начну употреблять на пользу других то, что мне уже дано от Него. Ибо если вещь такова, что чрез разделение ее с другими людьми нисколько не оскудевает, то если нам дают ее, а мы, напротив, имеем и не даем ее другим, — мы пользуемся сею вещью ненадлежащим образом. Господь сказал: имеющему дано

¹ 1Кор. 4:7.

будет¹. Следовательно, Он даст имущим, т.е. таким людям, кои с любовью употребляют на пользу других то, что сами получили от Него, умножит и преумножит дары свои. Упомянутых в Евангелии² хлебов было только пять, а в другом случае только семь, пока их не начали раздавать алчущему народу, а как скоро начали, то сими хлебами насытилось несколько тысяч человек, и сверх того наполнено было немало корзин и мешков. Верую, что как хлеб чудесно умножился в ту пору, когда его преломляли, так и мои сведения, дарованные мне Господом для предпринимаемого мною сочинения, Его же всемогущею силою умножатся, когда я стану обсуждать их с ближайшими³, — и настоящее служение мое не окажется скудным, а утешит меня и моих братьев чудесным изобилием.

II. Всякая наука (*doctrina*) занимается либо предметами, либо знаками. Нет сомнения, что предметы мы вообще познаем посредством знаков. Здесь предметом или вещью (*res*) собственно я называю то, что само по себе не употребляется к означению чего-либо другого, напр.: дерево, камень, животное. Надобно, однако, заметить, что иногда одни и те же предметы служат вместе и знаками для выражения других предметов, как например: то дерево, коим, по Писанию, Моисей усладил горькие воды Мерры⁴, тот камень, который Иаков положил себе в возглавие⁵, то животное, которое Авраам принес вместо своего сына на жертву⁶. С другой стороны, есть знаки (*signa*), коих все употребление именно состоит только в означении или выражении предметов: таковы наши слова и вообще язык человеческий; ибо слова употребляем мы только для того, чтобы выразить и означить ими известный предмет. Отсюда видно: что такое называю я знаками? Именно то, что употребляется к означению предметов. Впрочем, в смысле отвлеченном, всякий знак есть вместе и предмет, ибо что не есть предмет, то собственно есть ничто, но не всякий предмет есть знак. Различая таким образом предметы и знаки, я при рассуждении впоследствии о предметах буду говорить так, что хотя бы некоторые из них могли вместе служить и знаками других предметов, то это не помешает главному разделению моего исследования на две части, по коему в одной буду рассуждать я о самих предметах, а в другой о знаках. Пусть только читатель твердо помнит, что в первой части моего Трактата мне следует рассматривать, что такое предметы сами в себе, а не что они могут еще означать кроме самих себя.

¹ Мф. 13:12.

² Мф. 14:17, 15:34.

³ Другой вариант перевода: «истолковывать их ближним».

⁴ Исх. 15:25.

⁵ Быт. 28:11.

⁶ Быт. 22:15.

III. Предметы вообще суть троякого рода: одними из них должно наслаждаться, другими пользоваться, а иными и наслаждаться, и пользоваться вместе. Те, коими должно наслаждаться, делают нас блаженными, а те, коими — пользоваться, помогают нам достигать блаженства, т.е. вспомоществуют к достижению таких вещей, кои делают нас блаженными, и к теснейшему соединению с ними. Что касается до нас, наслаждающихся и пользующихся, то, будучи поставлены как бы в середине между теми и другими предметами, мы затрудняем свое шествие, если начинаем наслаждаться теми из них, коими только должно пользоваться, а иногда и совсем совращаемся таким образом с пути своего, так что обладание вещами, коими должно наслаждаться, замедляется, или и вовсе уходит от нас, по причине любви нашей к другим, низшим предметам.

IV. Наслаждаться значит не иное что, как сильно любить известную вещь для нее самой; пользоваться же вещью значит употреблять оную средством к достижению того, что любим, если, впрочем, оно достойно любви, ибо непозволенное и незаконное употребление есть злоупотребление, а не употребление. Так, например, если б кто-нибудь из нас был странник, не могущий жить благополучно нигде, кроме отечества, и если бы, желая окончить бедственное свое странствование, он решился возвратиться в отечество, то для него в таком случае нужны были бы колесницы или корабли, коими надлежало бы ему пользоваться, дабы возвратиться в отечество для наслаждения в нем счастливою жизнью. Но если бы приятности пути и самое движение колесниц заняли его так, что он стал бы наслаждаться тем, чем надлежало только пользоваться, и не думал уже о скорейшем окончании своего пути, то, занятый превратным удовольствием, он отчуждился бы от своего отечества, приятности коего одни могли доставить ему истинное блаженство. Равным образом и мы, странствующие в удалении от Господа в настоящей смер-

NB Мы все странники!
Что такое возвращение в отечество? Что это: видимое и чувственное или вечное и духовное?

ной жизни, если желаем возвратиться в отечество, где можем быть блаженными, должны пользоваться сим миром, а не наслаждаться, дабы невидимое Божие видимо было для нас сквозь сотворенные вещи, т.е. дабы посредством видимых и чувственных

вещей приобрести нам познание о вечном и духовном.

V. То, что долженствует быть предметом нашего наслаждения, есть Отец, Сын и Дух Святой — достопоклоняемая Троица, составляющая один некий высочайший предмет, общий для всех наслаждающихся Ею, — если, впрочем, можно назвать Ее предметом, а не причину всех предметов, хотя и сие последнее название ниже Ее. Ибо нелегко найти имя, приличное такому Величеству, как разве сказать только: Троединый Бог, из Которого все, чрез Которого все, и в Котором все; Отец, Сын и Дух Св. —

каждый Бог, и все вместе — один Бог; каждый полное Существо, и все вместе — Одно Существо. Отец не есть ни Сын, ни Дух Св.; Сын не есть ни Отец, ни Дух Св.; Дух Св. не есть ни Отец, ни Сын: но Отец есть только Отец, Сын — только Сын, Дух Св. — только Дух Св. Все три равно вечны, равно неизменяемы, имеют одинаковое величие, одинаковую силу. В Отце единство; в Сыне равенство; в Духе Св. согласие единства и равенства; и сии три — все едины ради Отца, все равны ради Сына, все соединены ради Св. Духа.

VI. Говоря таким образом, сказал ли я, однако, что-нибудь достойное Бога? Нет, вполне чувствую, что я хотел только сказать; если же сказал, то сказал не то, что хотел. Это я знаю потому, что Бог неизглаголан, а сказанное мною, если б было неизглаголанно, то и не было бы сказано. По сей причине Бога даже неизглаголаным нельзя называть; ибо уже говорится о Нем нечто, когда говорится, что Он неизглаголан. Отсюда происходит, не знаю, какое-то противоречие в словах: ибо, если неизглаголаным называется то, о чем и говорить нельзя, то нельзя уже называть неизглаголаным то, о чем по крайней мере можно сказать, что оно неизглаголанно. Противоречие это лучше, может быть, предотвращать благоговейным молчанием, нежели примирять на словах. Впрочем, Бог, хотя о Нем ничего нельзя сказать достойно Его, благоволил, чтобы Ему служило слово человеческое и чтобы мы на похвалу Его отверзали наши уста и употребляли наш язык. Вследствие сего самого Он и Богом назван. Звук сего слова, конечно, далеко не дает нам истинного понятия о Нем; однако всякий, знающий наш язык, услышав оный звук, тотчас представляет в уме своем некое Существо Высочайшее и Бессмертное.

VII. В самом деле, когда представляется в уме оный Единый Бог богов, то даже те, кои признают и почитают других богов на земле или на небе, стараются представить Его высочайшим и превосходнейшим всего, что ни есть. Поелику люди пленяются двоякого рода благами, частью относящимися к телесным чувствам, частью же принадлежащими разумной душе, то преданные телесно-чувственному почитают Богом богов или самое небо, или то, что есть блистательнейшего на небе, или наконец самый мир. Если же простирают взор свой за пределы мира, то представляют Бога чем-либо светлым и притом или беспредельным, или заключенным в самую прекрасную форму, например почитающие всем прочим вид человеческий представляют Его в образе человека. Если же не признают одного Верховного Бога, а допускают многих и бесчисленных богов равного достоинства, то представляют всех их в том виде, какой кажется им самым лучшим. Что касается до тех, кои идут к познанию Бога путем ума, то они представляют себе Бога выше всех существ, не только видимых и телесных, но и невидимых и духовных, — превыше всего изменяющегося и временного. Все единогласно защищают

В *Что есть бессмер-
тие? Что есть Бог? Что
есть разумная душа? Что
есть красота? Возвышен-
ность, идеальный план.
Через символ Веры мы
приближаемся к символу
знания, к познанию совер-
шенства.*

превосходство естества Божия, и никто не почитает за Бога то, что не есть самое лучшее. Бог, по признанию всех, есть Существо самое совершенное.

VIII. Далее, поелику все размышляющие о Боге представляют Его существом живым, то те только не могут иметь нелепых и недостойных понятий о нем, кои имеют точное понятие о самой жизни; кои, в каком бы виде ни представлялось им тело, отличают живое тело от неживого, и первое предпочитают последнему; кои понимают, что и живое тело, сколько бы ни было оно светло, величественно и красиво, все же есть одно, другое — самая жизнь, которая взращивает оное тело, и что сия последняя несравненно превосходнее массы, ею одушевляемой и взращиваемой; наконец — кои различают самую жизнь, т.е. жизни растительной, живущей без чувства, какова, например, в деревьях, предпочитают жизнь чувствующую, какова в животных, жизни чувствующей — жизнь разумную, усматриваемую в людях, и опять жизни разумно-изменяемой предпочитают разумно-неизменяемую, т.е. такую, которая не по временам только разумна, а есть сама в себе Премудрость (ipsa sapientia). Ибо мудрый ум, т.е. достигший мудрости, прежде нежели достиг оной, не был мудр; но Премудрость сама в себе, то есть высочайшая Премудрость, и не была, и не будет никогда немудрою. Если бы наш ум не провидел такой мудрости, то не предпочитал бы с такою уверенностью жизнь вечно мудрую жизни изменяющейся в мудрости. Самый закон истины, в силу коего первая решительно почитается лучшею, ум наш, находя неизменяемым, где находит его таким? Где-то вне и превыше нашей природы, ибо себя самих мы все находим изменяемыми.

IX. Нет ни одного настолько бессмысленного человека, который бы стал спрашивать: откуда ты знаешь, что жизнь вечно мудрая должна быть предпочитаема не вечно мудрой? Ибо то самое, о чем он спрашивал бы меня, откуда я знаю, есть всем общий и неизменно для всех данный предмет ведения и созерцания. Кто этого не видит, тот подобен слепцу среди дня, которому блеск лучей солнечных прямо падает на то место, где у него должны быть глаза, но без всякой для него пользы; а кто видит и закрывается, чтоб не видеть, тот явно, злонамеренно ослабляет остроту умного взора своего мраком чувственным. Развращенные нравы, точно как противные ветры, прогоняют людей от собственного их отечества; — и потому они увлекаются предметами гораздо худшими и низшими тех, кои — по их же свободному признанию — несравненно лучше и возвышеннее.

X. Таким образом, если существенный предмет наслаждения для нашей души должна быть та Истина, которая вечно живет:

NB *Эволюция духовная — это промыслитель или перводвижитель всех вещей через наше духовное, животное, разумное начало. Мудрость духовная во все времена идет к нам. А мы? Делаем ли мы ей шаг навстречу?*

Бог в Троице, Творец и Зиждитель вселенной и Промыслитель всех вещей, то мы необходимо должны очистить душу свою от мрака чувственности, дабы можно было нам зреть сей небесный Свет и погружаться в него — в этот Свет совершенный. Мы должны почитать сие очищение как бы неким путешествием, неким корабельным плаванием к нашему отечеству, ибо до Вездесущего можем мы достигать не переходом с места на место, но благочестивым рвением и постепенным усовершенанием нравственности нашей.

XI. Таковое внутреннее очищение было бы для нас вовсе невозможно, если бы сама Премудрость не благоволила снизойти и, так сказать, умерить себя до нашей слабости; если бы Она не представила нам в Самой Себе образца жизни, соделавшись для сего сама человеком, потому что и мы все человеки. Когда мы идем к сей Премудрости, то мы мудро делаем; когда, напротив, Она к нам пришла, то люди гордые возомнили, что Премудрость поступила немудро (*stulte*). Когда мы к ней идем — делаемся сильными, а когда Она пришла к нам, то почли Ее немошною. Но «тупое Бога мудрее людей есть; и слабое Бога сильнее людей»¹! Поелику Она сама есть истинное Отечество, то и соделала Себя путем для нас к Отечеству. Наконец, поелику Она везде присуща только здоровому и чистому оку сердца, то для тех, у коих внутреннее око сие слабо и омрачено, Она благоволила явить Себя и чувственным очам. «Так как в мудрости Бога не узнал мир Бога мудростью, счел за благо Бог глупостью (буйством) проповеди спасти верящих»².

XII. Не через пространство мест пришла к нам Премудрость, но через принятие на Себя смертной плоти нашей: пришла туда, где была; ибо Она «в мире была, и мир через Нее был»³. Но поелику люди пожелали наслаждаться, вместо Творца, сотворенным, то преданные миру и оттого справедливо названные миром, не познали Ее. Посему-то евангелист сказал: «и мир Его не познал». Посему-то «в мудрости Бога не узнал мир Бога мудростию». Но зачем Она пришла, будучи прежде здесь, если не за тем, что благоугодно было Богу спасти верующих буйством (глупостью) проповеди? Каким образом пришла, если не так, что «Слово плоть бысть, и вселися в нас»? Как при разговорах мысль, существующая в глубине души нашей, облекается в известные звуки голоса, бывает словом, изречением самой себя, дабы

¹ 1Кор. 1:25.

² 1Кор. 1:21.

³ Ин. 1:10. Другой вариант перевода Августиновой цитаты: Она «в мире была, и мир был в Ней».

в этом состоянии переселиться в душу слушателя, падая на внешний, телесный слух его, между тем сия мысль, обращаясь в звуки, не поглощается оными, напротив, сама в себе пребывает целою, неприкосновенною и только принимает форму слова, необходимую для действия на внешний слух, нисколько не изменяя своей сущности, так и Бог-Слово отнюдь не изменилось, а только соделалось плотию, чтобы вселиться в нас.

XIII. Как средство к исцелению есть врачевание, так и воплощение Слова есть средство врачевания, предпринятое для исцеления и восстановления грешников. И как обыкновенные врачи, перевязывая раны, не поступают без разбору, а приспосабливаются к ранам, дабы в перевязях была соединена польза с некоторою приятностью, так и врачевство Премудрости, принявшей на Себя человечество, приспособлялось к нашим ранам, одни из них врачюя противоположными, другие — подобными средствами. Как телесный врач употребляет иногда противоположные средства, например: в простудных болезнях горячительные, в мокротных — иссушающие мокроту и т.п., а иногда подобные, например: к круглым ранам прикладывает круглые частички полотна, к продолговатым — продолговатые, и вообще не одну и ту же употребляет перевязку для различных членов, а соображается со свойством и различием каждого члена порознь, так поступила и Премудрость Божия при врачевании человека, будучи Сама и лекарем и лекарством. Поелику человек пал чрез гордость, Она употребила лекарством смирение. Мы обмануты лукавою мудростью змия, а спасаемся сумасшествием Божиим. Как хитрость змия прослыла мудростью у людей, противляющихся Богу, хотя она есть совершенное безумие, так, напротив, буйство Божие почитается высочайшею премудростью у людей, побеждающих Дявола, хотя от мира и называется помешательством. Мы во зло употребили бессмертие, чтоб умереть, Христос во благо употребил смерть, чтоб мы ожили. Поврежденная душа женщины произвела в мир болезнь, из неповрежденной плоти женщины возникло здравие. К сим же противоположным средствам относится и то, что наши пороки врачуются примером добродетелей Христовых. С другой стороны, кроме средств противоположных, употреблены и подобные средства, как бы некоторые перевязи, соответствующие повреждению наших членов, как например: обольщенных женщиною освободил Родившийся от женщины; смертные исцелены смертью; люди спасены Человеком. Прилежные изыскатели, не имеющие нужды, подобно мне, спешить совершением предпринятого труда, легко могут найти в медицине Христианской (*medicina Christiana*) много и других служащих к назиданию средств, как противоположных, так и подобных.

XIV. Но я не могу здесь не упомянуть о воскресении Господа из мертвых и вознесении Его на небо — двух важнейших событиях, укрепивших веру нашу великою надеждою. Оба сии со-

бытия ясно показывают, с какою свободою положил душу свою за нас Тот, Кто имел полную власть вновь принять ее. После сего как сладостно утешается надежда верных, в живом уповании помышляющих, — Кто и что потерпел за нас, еще неверовавших! С другой стороны, мысль, что Судья живых и мертвых еще придет на землю, заставляет страшиться беспечных и побуждает их к бодрствованию, дабы они лучше желали Его пришествия, творя дела правые, нежели страшились оно, творя зло. Но какими словами выразить или какую мысль объять можно ту награду, которую Он даст в скончание века, если теперь, для облегчения нашего странствования, Он столь много дал нам от Духа Своего, дабы в несчастиях жизни не оскудела в нас вера и любовь к Тому, Которого еще не видим, и сообщил дарования, каждому доставшиеся, для назидания Церкви своей, дабы мы, члены сей Церкви, творили повеленное не только без роптания, но с охотою и наслаждением?

XV. Ибо Церковь, по учению апостольскому¹, есть тело Господа, и называется невестою Его. Посему члены Своего тела, управляющие различные должности, Господь связует союзом единства и любви, составляющей здравие для них. Впрочем, Он укрепляет и очищает Церковь Свою на земле и некоторыми горькими лекарствами, дабы, освободив ее от уз мира сего, соединиться с нею навеки, как с невестою, «не имеющей пятна, или морщины, или что-либо такового»².

XVI. Далее, поелику мы находимся на пути к вечной жизни, который измеряется не пространством мест, а расположениями сердечными, и который загражден был прошедшими грехами нашими, как бы некоею тернистою оградой, то можно ли сделать что-либо человеколюбивее и милосерднее того, что сделал для нас Господь, благоволивший соделаться нашим путем? Он простирает обратившимся все грехи их, и Крестом Своим разрушил преграды, останавливавшие нас на пути обращения нашего.

XVII. Для сего-то и дал Он Церкви Своей ключи царствия, да все, разрешаемое ею на земле, будет разрешено и на небе³, и все, связываемое ею здесь, будет связано и там, т.е. чтобы все неверующие в отпущение своих грехов не получали прощения в них, — напротив, верующие и исправляющиеся, будучи приняты в союз с Церковью, по сей самой вере, сопровождаемой исправлением, исцелялись бы. Ибо кто не верует, что грехи его могут быть отпущены, тот чрез отчаяние делается худшим: сомневаясь в плодах своего обращения, он думает, что ему ничего не остается лучшего, как только быть злым.

XVIII. Как оставление прежней греховной жизни и нравов, совершаемое покаянием, есть некоторая смерть для души, так

¹ Еф. 1:23; Рим. 12:4.

² Еф. 5:25.

³ Мф. 16:19.

разрешение от ветхой животности нашей (pristinæ animationis) есть смерть для тела; и как душа, после покаяния умерщвляющая прежние худые склонности, делается лучшею, так должно верить и надеяться, что и тело после смерти, коей грех подвергнул всех нас, соделается лучшим в день Воскресения, дабы не плоть и кровь наследовали царствие Божие (что невозможно), но тленное сие тело облеклось бы в нетление и смертное в бессмертие, и таким образом, чуждое всяких страстей (ибо не будет иметь никаких недостатков), спокойно было бы управляемо святою и блаженною душою.

XIX. Напротив, чей дух не умирает для века сего и не начинает сообразовываться с истиною, тот чрез смерть тела подвергнется тягчайшей смерти и оживет не для небесного жительства, а для мучения.

NB *Расположение сердечное, его отзыв сохраняет и душу, и тело.*

Ибо вера внушает нам — да так и должно быть, — что ни душа, ни тело человека не уничтожаются совершенно,

но, нечестивые воскреснут для несказанных мук, а праведные для вечной жизни.

XX. Таким образом, из всех вообще предметов только теми должно наслаждаться, кои выше назвал я вечными и неизменяемыми, прочими же должно только пользоваться как средствами, способствующими к достижению наслаждения первыми. Но и мы — люди, наслаждающиеся и пользующиеся предметами, — мы сами по себе составляем тоже предмет. Мало сего: человек, созданный по образу и по подобию Божию, есть нечто весьма великое и важное, — не в том отношении, что имеет смертное тело, но в том, что разумною душою своею он превосходит все прочие животные. Отсюда вытекает важный вопрос: наслаждаться ли собою должны люди, или только пользоваться, или наслаждаться и пользоваться вместе? Нам заповедано любить взаимно друг друга, но спрашивается: должны ли мы любить человека для него самого или для чего-либо другого? Если для него самого, то мы наслаждаемся им, т.е. полагаем в нем свое блаженство; если же для другого чего, то пользуемся. Мне кажется, что не должно любить человека для него самого: ибо что мы любим ради его самого, в том поставляем свое блаженство, коим утешаемся в сей жизни, если не на самом деле, то по крайней мере надеждою, но тот проклят, кто полагает надежду свою на человека!

XXI. Если зрело рассудишь, то увидишь, что и самим собою никто не должен наслаждаться для себя самого, поелику никто не должен любить себя ради себя самого, но ради Того, Коим наслаждаться должно. Тогда только человек истинно велик и превосходит, когда он всю жизнь своею стремится к неизменяемой жизни Божией, и всем сердцем прилепляется к ней; напротив, если человек любит себя ради себя, то он стремится не к Бо-

¹ Иер. 17:5.

гу, но, обращаясь к себе самому, очевидно, обращается к предмету изменяемому, непостоянному. Посему он и наслаждается собою в таком случае с чувством некоторого недостатка; ибо он совершеннейшим бывает только тогда, когда всецело прилепляется к неизменяемому благу, а не тогда, когда отвращается от него к самому себе. Итак, если ты должен любить и самого себя не ради себя, но ради Бога, который есть истинный предмет любви твоей, то пусть не гневается на тебя ближний твой, когда ты любишь и его ради Бога. Ибо вот правило любви, свыше постановленное: «возлюби ближнего твоего как самого себя»¹, «Господа же — всем сердцем, всею душою, всею мыслию»; т.е. все мысли, всю жизнь твою, все разумение твое посвящай Тому, Который дал тебе все сие. Слова: «всем сердцем, всею душою и всею мыслию» объемлют собою все существо наше, так что для наслаждения другою какого-либо вещью уже не остается в нас никакого места. Посему, кто любит ближнего своего надлежащим образом, тот должен стараться о том, чтобы и сей ближний любил Господа всем сердцем, всею душою, всею мыслию. Ибо истинно любящий ближнего как самого себя всю любовь, и свою и его,

NB *Любя — возвышай! Но не себя, а ближнего — вечный Образ в нем.*

полагает в той любви к Господу, которая не любит уволить от себя потоки, этим умаляющие ее.

XXII. Таким образом, не все то должно любить, чем должно пользоваться, но только то, что или вместе с нами стремится к Богу, например: человек, ангел и проч., или чрез нас имеет нужду в благодеяниях Божьих, как, например, наше тело. Так мученики не любили беззаконие своих мучителей, однако ж воспользовались им для приобретения Господа. Посему четыре предмета должны быть предметами любви нашей: один из них — выше нас; другой — мы сами; третий — подле нас, или равный нам;

NB *Как просто и красиво сказано о том, над чем ломаем голову мы сегодня.*

последний — ниже нас. О втором и последнем не нужно давать заповеди: ибо человек, сколько бы ни удалялся от истины, всегда по естеству любит самого себя и тело свое. Душа, удалившаяся от вечного света, Владыки и

Правителя всяческих, только к тому и стремится, чтоб управлять самой собою и телом своим, а посему не может не любить себя и тела своего.

XXIII. Такая душа почитает великим приобретением, если удастся ей господствовать еще над другими людьми. Ибо в поврежденной душе есть сильное желание, как должное, присваивать себе то, что собственно принадлежит единому Богу. Но такую любовь к себе справедливее назвать можно ненавистью. Ибо несправедливо желать, чтобы служили нам низшие нас, тогда как

¹ Мф. 22:37; Лев. 19:18.

мы сами отказываемся служишь Высшему нас. Весьма справедливо сказано: «Любящий неправду ненавидит свою душу»¹. Посему-то и бывает таковая душа немощна и мучится смертностью тела своего: она любит его, а посему не может не тяготиться поврежденным его состоянием, но не в состоянии помочь ему. Ибо бессмертие и неповрежденность тела зависят от здоровья души, а душа бывает здорова тогда, когда самым теснейшим образом соединена с совершеннейшим, т.е. неизменяемым Богом. Стремиться же к господствованию над равными себе по естеству, т.е. над людьми, есть нестерпимая гордость.

XXIV. Что никто себя не ненавидит, об этом ни с какою сектою и спора не было. Но никто, равным образом, не ненавидит и тела своего, как справедливо сказал апостол: «никто ведь когда-либо свою плоть возненавидел»². Если некоторые говорят, что они решительно желают остаться без тела, то они решительно обманываются, ибо им не тело ненавистно, но его болезни и тяжесть. Собственно им не того хочется, чтоб не иметь никакого тела, а чтоб иметь самое легкое и ничем не поврежденное, какое тело, по их понятию, не было бы уже телом, а было бы некоторым образом самою душою. Что же касается до тех, кои удручают тело свое воздержанием и трудами, — и они, если только надлежащим образом поступают в сем случае, не того домогаются, чтобы не иметь у себя тела, но того, чтобы подчинить его своему духу и соделать способным к надлежащему образу действия. Ибо, упражняя тело свое изнурительными трудами, они стараются уничтожить в себе не тело, а похоти, вредные для тела, т.е. привычки и склонности к наслаждению предметами низшими. Таковые люди не губят себя в отношении к телу, как может подумать кто-либо, напротив, заботятся об истинном благосостоянии его.

XXV. Но кто поступает в сем деле превратным образом, тот, очевидно, враждует на тело свое, как бы на некоторого врага своего. В таковое заблуждение вводят некоторых слова апостола Павла: «плоть желает против духа, дух же против плоти, эти ведь друг другу противостоят»³. Между тем слова сии просто указывают на необузданные плотские склонности, против которых восстает дух, не для того, чтоб уничтожить тело, но чтобы через укрощение похотей его, т.е. греховных склонностей, подчинить оное себе, чего требует и естественный порядок вещей. Ибо если по воскресении тело будет наслаждаться бессмертием не иначе, как будучи совершенно подчинено духу, то еще в настоящей жизни должно заботиться о том, чтобы чувственные склонности были, сколько можно, лучшими и не противоборствовали духу. До известного времени точно плоть похотствует на духа, дух же

¹ Пс. 10:5.

² Еф. 5:29.

³ Гал. 5:17.

на плоть, но дух противоборствует плоти не по ненависти, а по праву своего первенства: любя свое тело, дух естественно желает подчинить оное себе, как лучшей части природы человеческой. И плоть противоборствует духу так же не по ненависти, а по несчастливой привычке, которая, будучи занята от родителей вместе с бытием, обращается потом через повторение в натуру. Посему, укрощая тело, дух наш действует только в том намерении, чтобы разорвать, так сказать, незаконный договор со злыми привычками плоти и заключить мир с добрыми. Впрочем, я уверен, что и те, кои, по ложным понятиям, совершенно гнушаются телом своим, без крайней необходимости не согласятся добровольно лишиться даже одного глаза, хотя бы сие лишение могло совершиться без всякой боли и хотя бы в другом глазе столько же осталось способности и удобства видеть, сколько было в обоих. Отсюда видна всем, беспристрастно ищущим истины, достоверность слов ап. Павла: «Никто никогда свою плоть не возненавидел, но вскармливает и обогревает ее, как и Христос Церковь»¹.

XXVI. Итак, должно предписывать человеку только способ любви к самому себе, т.е. показывать, как он должен любить себя, чтобы сия любовь была ему полезна, а то несомненно, что человек всегда любит себя и не желает себе вредить. Далее, должно показывать способ, как надобно любить свое тело, дабы уметь надлежащим образом заботиться о нем, а то опять несомненно, что человек естественно любит свое тело и заботится о сохранении его благосостояния и целостности. Можно некоторые вещи любить более, нежели сколько мы любим здоровье и целостность своего тела, ибо есть примеры, что многие добровольно подвергались и болезням, и лишению некоторых членов для достижения того, что они любили более тела. Но отсюда не следует, что тот не любит здоровья и благосостояния своего тела, кто любит некоторые вещи более, нежели тело свое. Так скупой, хотя весьма любит деньги и старается об умножении их, однако ж покупает себе хлеб, потому что деньгам предпочитает здоровье своего тела, которое поддерживается пищею. Излишним почитаю входить здесь в более пространное рассуждение об этом весьма известном всякому предмете, хотя, впрочем, заблуждения безрассудных людей очень часто делают необходимым такое рассуждение.

XXVII. Итак, поелику нам не нужна заповедь о том, чтоб каждый любил себя и свое тело, т.е. поелику себя самих и то, что ниже нас, но принадлежит нам — наше тело, мы и без заповеди любим, по непреложному закону самой природы, который простерт даже на животных (ибо и животные любят себя и свое тело), то нам оставалось принять заповедь только о том, что выше нас, и о том, что подле нас. Посему Спаситель и сказал: «Будешь любить Господа Бога твоего во всем сердце твоим, и во всей душе твоей, и во всем разуме твоим», и «будешь любить ближнего

¹ Еф. 5:29.

твоего как тебя самого. В этих двух заповедях весь Закон объявлен и все Пророки¹. Предмет сей заповеди есть любовь, и любовь только двоякая: к Богу и ближнему. Но если ты здесь будешь разуместь и самого себя всецело, т.е. и тело и душу свою, если будешь так же разуместь притом и ближнего всецело, т.е. душу и тело его (ибо человек состоит из души и тела), то найдешь, что в этих двух заповедях Господа не опущен ни один род предметов, которые должны быть любимы. Поелику любовь к Богу предшествует здесь, как нечто главное, и явно предписан самый образ Его, так что любовь ко всему другому сливается с нею, то кажется, что о любви к тебе самому здесь ничего не сказано, но если сказано: «возлюби ближнего твоего как тебя самого», то этим самым сказано и о твоей любви к себе самому.

XXVIII. Праведно и свято живет тот, кто все предметы ценит надлежащим образом, по их достоинству. Он имеет ко всему любовь правильную, основанную на следующем порядке: не любит того, чего не должно любить; любит то, что должно быть любимым; не любит слишком много то, что надобно любить меньше; не любит в равной мере те вещи, одну из которых должно любить больше, а другую — меньше; и наоборот, не любит больше или меньше то, что по существу своему должно быть любимым в равной степени. Всякий грешник, поколику грешник, не должен быть любим, но всякий человек, поколику человек, должен быть любим ради Бога, Бог же — ради Его Самого. Если Бог должен быть любим более всякого человека, то каждый должен любить Бога более самого себя. Равным образом и ближний наш должен быть любим более нашего тела, ибо хотя оба сии предметы мы должны любить только для Бога, но ближний наш может и сам вместе с нами наслаждаться Богом, а тело не может, поелику оно живет не само по себе, а душою, посредством которой мы наслаждаемся Богом.

XXIX. Все люди, как люди, должны быть любимы в равной степени. Но поелику ты не можешь быть полезен всем, то промыслий преимущественно о тех, кои, как бы неким жребием, теснее соединены с тобою либо временем, либо местом, или другими какими-либо обстоятельствами. Например, положим, что ты имеешь в чем-нибудь изобилие и хочешь поделиться оным с неимущим, но не можешь дать двоим; в таком случае при встрече с двумя человеками, имеющими равное право на твое подаяние, ты ничего справедливее не можешь сделать, как решить

NB Кто для учителя ближний? Мать, отец, сын, дочь, директор? Или тот ученик, который перед тобой здесь и сейчас?

жребием, кому из двух отдать то, чего обоим дать нельзя. Так же точно и по отношению к людям вообще: всем помогать ты не можешь, — помогай тем из них, кои находятся ближе к тебе по времени и обстоятельствам; в этом

¹ Мф. 22:37.

случае временная теснейшая связь твоя с ними будет для тебя вместо жребия выбора.

XXX. Из людей, кои вместе с нами могут наслаждаться Богом, мы обыкновенно любим частью тех, кому сами помогаем, частью тех, которые нам помогают, частью тех, кому и мы помогаем, и они нам, частью же, наконец, — тех, кому мы несколько не помогаем и от которых не надеемся никакой помощи. Но мы должны желать, чтобы все люди, без изъятия, вместе с нами любили Бога и чтобы к этой одной цели все было направляемо, — помогаем ли мы кому, помогает ли нам кто. Ибо, смотри, как бывает на зрелищах мирских! Кто полюбил известного актера, коего искусством он услаждается, как великим, или даже высочайшим благом, тот любит и тех, которые любят этого шута, и любит не ради их самих, но ради того, кого они любят. И чем сильнее любовь его к актеру, тем сильнее он старается всеми возможными способами собрать как можно большее число почитателей вокруг своего любимца. Он указывает на него всем; ежели находит кого холодным к нему, старается воспламенить его похвалами комедианту; если находит противника ему, питает к сему противнику величайшую ненависть за ненависть к любимцу своему и всячески силится уничтожить ее. Каких же не обязаны мы употреблять усилий к тому, дабы все участвовали в любви Господа, наслаждение Коим составляет блаженство жизни нашей, от Которого любящие Его получают все — и то, что они суть, и то, что они любят Его, за Которого нечего нам бояться, чтобы Он мог кому-нибудь не понравиться, Который желает быть любимым не для того, чтобы Себе приобрести что-либо от нас, но чтобы предложить Себя Самого в вечную награду любящим Его? Отсюда следует, что мы должны любить и врагов своих, — не по страху, ибо они не могут отнять у нас того, что мы любим, а из сострадания к ним, потому что они, чем более ненавидят нас, тем более удаляются от Того, кого мы любим. Если бы они обратились к Нему, то, по необходимости, возлюбили бы и Его, как высочайшее благо, и нас, как участников в сем благе.

XXXI. Здесь рождается немаловажный вопрос об ангелах. Явно, что они блаженны, поколику уже наслаждаются тем же Богом, которым мы только еще желаем наслаждаться, предвкушая сие наслаждение в этой жизни, как от зеркала в гадании, впрочем, так, что чем больше предвкушения, тем легче становится для нас настоящее странствование наше и сильнее желание окончить оное. И так спрашивается: заключается ли в двух вышеозначенных заповедях о любви к Богу и ближнему и любовь к ангелам?

Что из сих заповедей ни один человек не исключен Господом, повелевшим любить ближнего, это показал и сам Господь в Евангельской притче, и апостол Павел. Когда законник, коему изречены были заповеди о любви к Богу и ближним, как сущ-

ность всего Закона и Пророков, спросил Господа: «кто есть ближний мой?»¹, то Господь предложил ему притчу о некоем человеке, шедшем из Иерусалима в Иерихон, на пути впадшем в руки разбойников, израненном, избитом и брошенном замертво. Сею притчею Спаситель научил нас, что ближний этого несчастного есть тот, кто оказал ему милосердие, поднявши его и приложив старание об его излечении, в чем сознался и сам законник, когда в свою очередь вопрошен был Господом. В заключение притчи Спаситель сказал Законнику: «Иди и ты делай подобно». Сими словами Он дает нам разуметь, что ближний наш есть такой человек, которому тотчас надобно оказывать долг милосердия, когда он действительно имеет нужду в нем, а если не имеет нужды, то по крайней мере быть готовым к оказанию ему помощи. Отсюда же следует, что и тот человек равным образом есть ближний наш, который обязывается оказывать нам долг милосердия: ибо самое выражение «ближний» показывает взаимность, и ближним нельзя быть без близости по какому бы то ни было отношению. Если же так, то ближний нам есть всякий человек, ибо кто станет сомневаться в том, что долг любви и милосердия простирается на всех людей без исключения, когда сам Господь простер долг сей даже на самых врагов наших, заповедуя нам: «любите врагов ваших, добро творите ненавидящим вас?»²

XXXII. Такое же учение о любви преподает и апостол Павел, говоря: «Не будешь прелюбодействовать, не будешь убивать, не будешь красть, не будешь вожделеть, и если есть какая-нибудь другая заповедь в слове этом [любовь] озаглавляется: будешь любить ближнего твоего как тебя самого, любовь к ближнему зло не производит»³. Если кто думает, что в сих словах апостол предписал заповедь не о каждом человеке, тот по необходимости должен дойти до того весьма нелепого и отвратительного заключения, что апостол не почитал за грех ни прелюбодеяние с женщиною нехристианина или врага своего, ни умерщвление сего последнего, ни преступное желание завладеть его вещью. Поелику же, повторяю, заключать таким образом свойственно только глупцу, то очевидно, по заповеди апостольской, каждого человека должно почитать ближним своим, ибо никому не должно делать зла.

XXXIII. Итак, если ближний наш есть не только тот, кому мы должны помогать, но и тот, кто нам обязан оказывать долг милосердия, то явно, что заповедь о любви к ближнему простирается и к св. ангелам, поелику они, как видно из многих мест Писания, весьма многие оказывают нам дела милосердия.

В сем отношении и сам Бог Господь наш благоволил называть Себя нашим ближним. Ибо Иисус Христос Себя разумел

¹ Лк. 10:29.

² Мф. 5:44.

³ Рим. 13:9.

под именем самаритянина, который оказал помощь человеку едва живому, лежавшему на пути, израненному разбойниками. И пророк говорит: «ближнему, как брату нашему, так поступал»¹. Но поелику Божественная природа несравненно превосходит и выше нашей, то заповедь о любви к Богу отлична от заповеди о любви к ближнему. Ибо Бог оказывает нам милосердие по своей собственной благодати, а мы помогаем друг другу ради Него, а не ради своей благодати, т.е. Он милосердует о нас для того, чтоб мы Им наслаждались, а мы милосердуем друг о друге для того, чтобы опять Им же, а не собою наслаждаться.

XXXIV. Замечу здесь: когда мы говорим, что наслаждаемся таким только предметом, который любим ради его самого, что тем только предметом должно наслаждаться, который делает нас блаженными, а прочими должно пользоваться, то отсюда выходит некоторая двусмысленность. Ибо и сам Бог любит нас, как весьма часто говорит о сем Св. Писание. Но для чего любит? Для того ли, чтобы наслаждаться нами, или для того, чтобы пользоваться? Если для того, чтобы наслаждаться, то Он имеет нужду в нашем благе, чего ни один здравомыслящий не скажет, ибо все наше благо или в Нем, или от Него.

В *Так человек — средство или цель? Смотря для кого! С точки зрения христианской педагогики, человек — средство для самого себя, если ты — образ Божий.*

И кто может думать, чтобы свет имел нужду в блеске вещей, им освещаемых? Пророк весьма ясно говорит: «Я сказал Господу: ты Бог мой; блага мои Тебе нужны»². Итак, Бог не наслаждается нами, а пользуется, т.е. употребляет нас как средство: ибо если он и не наслаждается, и не пользуется

нами, то я не могу понять, каким же образом Он любит нас.

XXXV. Впрочем, Он и пользуется не так, как мы: ибо мы, пользуясь предметами, имеем целью наслаждение благодатию Божиею, а Бог пользуется нами по собственной благодати. Поелику Бог благ (bonus), то мы существуем, и поколику существуем, потолику и мы хороши (boni). Далее, поелику Он правосуден, то мы не злы от безнаказанности; и если мы злы, в такой степени менее существуем. Один только Бог в высочайшей степени существует, ибо от века в век неизменяемый, Он только мог в обширнейшем смысле сказать о Себе: «Я есть Который есть и о Котором скажи: Который послал меня [Моисея] к вам»³. Все прочие существа от Него только могли получить бытие свое и потолику хороши, поколику от Него получили бытие. Таким образом, употребление, какое мы приписываем Богу в рассуждении нас, бывает у Него не для своей, а для нашей пользы, для своей только благодати. Мы же, хотя благодетельствуем для пользы того

¹ Пс. 34:14.

² Пс. 15:1.

³ Исх. 3:14.

собственно, кому благодетельствуем, и смотрим на одну его выгоду, но, не знаю, как это случается, только следствием нашего благодеяния другим всегда бывает и собственная наша польза; ибо Бог никогда не оставляет без награды ту помощь, которую мы оказываем нуждающимся. Высочайшая же польза и награда для нас всегда есть одна — наслаждаться самим Богом, и в Нем наслаждаться взаимно друг другом.

XXXVI. Если мы вне Бога наслаждаемся чем-либо, то остаемся неподвижны на пути к небу, возлагая в таком случае или на человека, или на ангела надежду своего блаженства. И гордый человек, равно как и гордый ангел, с охотою восхищают у Бога сию честь, ибо любят, чтобы на них надеялись. Напротив, святой человек и св. ангел, хотя любят доставлять помощь и покой утружденному человеку, но не останавливают его на самих себе, а, доставив ему отраду и отдохновение теми способами, кои они для нас ли, или для самих себя получили, побуждают потом бедного, но ободренного человека обращаться и продолжать шествие к Тому, наслаждение Коим составляет общее блаженство всех. По сей-то причине и апостол восклицает: «Разве Павел распят за вас, или во имя Павлово вы крещены?» — «Не сажаящий что-либо, не поливающий, но растящий есть Бог!»¹. По сей же причине и ангел повелел некогда человеку, поклонившемуся ему, поклониться наче Тому, под владычеством Кого он сам находился².

XXXVII. Но если будешь наслаждаться человеком в Боге, то будешь наслаждаться более Богом, нежели человеком. Ибо будешь наслаждаться Тем, Который составляет твое блаженство, будешь утешаться, что пришел к Тому, в Котором заключается твоя надежда, заставляющая тебя идти к Нему. Посему-то и апостол говорит к Филимону: «Да, брат, я тобой давай воспользуюсь в Господе!»³ Если бы он не прибавил «в Господе», а сказал бы только «да (воспользуюсь) тобою», это значило бы, что он полагал в Филимоне надежду своего блаженства.

Впрочем, это выражение *fruo* «пользоваться, наслаждаться» может означать почти то же, что и выражение «пользоваться с любовью» (*uti cum dilectione*). Ибо, если предмет, который мы любим, присущ нам, то он, по необходимости, приносит с собою и удовольствие (*delectatio*)⁴. Если ты не смотришь на удовольствие как на цель и относишь его к предмету, на котором должно

¹ 1 Кор. 1:13; 3:7. Смысл второй цитаты, что Бог — не тот, кто сажает и поливает, но тот, кто дает рост.

² Откр. 19:10.

³ Флм. 1:20. Другой вариант — «наслаждаюсь»; Августин применяет в библейской цитате глагол *fruo* — «наслаждаться, пользоваться, извлекать доходы, эксплуатировать».

⁴ Августин использует для сближения смыслов игру слов: *delectio* — «любовь», *delectatio* — «удовольствие, увеселение, забава, наслаждение».

постоянно останавливаться, то ты пользуешься в таком случае удовольствием, употребляя оное как средство к чему-либо, а не наслаждаешься собственно. Если же, напротив, привязываешься и останавливаешься на самом удовольствии, так что в нем именно полагаешь цель своих отрад, то ты в собственном смысле и действительно наслаждаешься. Такое понятие о наслаждении нигде не должно осуществляться, кроме Св. Троицы, потому что Она одна есть Добро высочайшее и неизменяемое.

XXXVIII. Смотри, как Св. Павел рассуждает о сем. Хотя сама Истина и Слово, которым существует все, стали плотью, каковая могла бы жить среди нас¹, однако ж апостол говорит: «И если узнали по плоти Христа, но теперь уже не узнаем»². Это значит: Христос восхотел принять плоть для того, чтобы не только достигавшим Его дать Себя Самому в обладание, — но и грядущим к Нему предложить Себя началом путей, по оному слову Писания: «Господь имел меня началом пути Своего»³, — дабы от сего начала начинали все, желающие идти. Посему апостол хотя находился еще на пути, «не считал себя достигшим» и только еще стремился к Богу, зовущему «к награде высшего звания»; однако же, «забывая то, что позади» и «простираясь за тем, что впереди», он прошел уже начало путей⁴, т.е. уже не имел нужды задерживать себя там, откуда, впрочем, должны начинать путь свой все желающие достигнуть истины и пребывать в вечной жизни. Ибо Спаситель сам говорит о Себе: «Азъ есмь путь, истина и жизнь»⁵, — т.е. только Мною можно идти ко Мне, ко Мне приходить, во Мне пребывать. А приходя к Нему, мы приходим и к Отцу (поелику чрез равного постигается и тот, кому он равен), и действием Св. Духа связуемся и как бы спаиваемся (*vinciente et tanquam adglutipante*) с Богом, дабы иметь возможность нам пребывать в Нем, как высочайшем и неизменяемом благе. Отсюда очевидно, как никакой предмет в мире не должен задерживать нас на пути, когда и Сам Господь, благоволивший соделаться путем нашим, даже Собою в этом отношении не восхотел задерживать нас навсегда, но желает, чтобы мы проходили чрез него далее! Тем паче на событиях и действиях временных, хотя для нашего же спасения Им предпринятых и совершенных, не должно нам, как совершенно немощным, слишком долго останавливаться. Напротив мы должны спешно протекать через оныя, дабы, продвигаясь и продвигаясь, наконец, прийти к Тому, который освободил нашу природу от всего временного и посадил ее одесную Отца.

XXXIX. Заключаю: сущность доселе продолжаемого мною исследования о предметах состоит в раскрытии той важной исти-

¹ Ин. 1:14.

² Кор. 5:16.

³ Притч. 8:22.

⁴ Флп. 3:13.

⁵ Ин. 14:6.

ны, что полнота и цель Закона и всего Св. Писания есть любовь, и именно: 1) любовь к тому единственному предмету, которым должно наслаждаться, 2) любовь к тем существам, которые вместе с нами могут оным предметом наслаждаться (ибо о любви к самому себе заповедь не нужна). К сей цели, то есть чтобы мы знали сие и могли сообразно тому действовать, Божественный Промысел направил все временное свое о нашем спасении домостроительство, коим самим должны мы пользоваться не как постоянным (*mansoria*) неким предметом любви и наслаждения, но более как преходящим распоряжением (*transitoria*); должны, говорю, пользоваться подобно тому, как пользуемся приятностями обыкновенного пути — колесницами или другими какими-либо орудиями. Одним словом, все то, что возводит нас к Богу, мы должны любить не само по себе, а ради Того, к Кому оно возводит.

XI. Отсюда, — кто при истолковании слова Божия думает, что он уразумел Св. Писание или некоторую часть оного, а между тем его разумение никого не назидает в вышеизложенной двоякой любви к Богу и ближнему, тот еще не уразумел Писания. Напротив, кто извлек из оного мысли, полезные для назидания в любви, тот, хотя бы иногда и не то именно говорил, что изъясняемый им Писатель хочет сказать в известном месте, однако же ошибка его безвредна; он, конечно, обманывается, но не лжет. Ибо лжет тот, кто охотно и с намерением говорит ложь, почему и находим мы многих охотников лгать, но обманываться — никого. Если первое делают зная, а последнему подвергаются не зная, то очевидно, что в одном и том же случае обманывающийся лучше обманывающего. Лучше потерпеть несправедливость, нежели сделать оную; а всякий лжец именно делает несправедливость; и если кому кажется полезным иногда солгать, тому может показаться полезным сделать иногда и несправедливость. Ни один лжец, когда лжет, не сохраняет верности; ибо он желает, чтобы верили ему, а между тем, говоря неправду, сам нарушает верность; всякий же нарушитель верности есть несправедливый человек. Следовательно, или несправедливость иногда полезна, чего быть не может, или ложь всегда бесполезна.

XII. Таким образом, кто при истолковании Писания выводит другой смысл, нежели какой имел изъясняемый им Писатель, тот, конечно, обманывается, хотя виною сего обмана не Писание, которое никогда не обманывает. Но если этот смысл, неверно извлеченный при изъяснении, назидает в любви, которая есть конец Закона, то изъяснитель обманывается точно так, как обманывается путник, который по ошибке, оставив прямую дорогу, идет полем, впрочем туда же, куда ведет и самая дорога.

Само собою разумеется, что ошибочного толкователя надобно поправлять, ясно показывая ему, что несравненно выгоднее вовсе не сбиваться с надлежащего пути, дабы привычка уклоняться с дороги не завела его или в слишком дальнюю, или даже

в совершенно противоположную сторону. Ибо, безрассудно утверждая такой смысл, какого нет у Св. Писателя, толкователь нередко в таком случае встречается у Писателя другие мысли, коих никак не может связать с найденным от него смыслом. Если он чувствует, что сии последние мысли в полной мере истинны и точны, то чувствует в то же время и то, что никак не может быть истинным тот смысл, который он прежде нашел у Писателя. Отсюда, не знаю, право, каким образом происходит, только происходит то, что истолкователь, пристрастившись к собственному ошибочному смыслу, вдруг начинает быть недовольнее и сердитее на слово Божие, нежели на самого себя. Это зло погубит его, если он допустит в себе усилиться ему. Никогда не надобно забывать, что мы ходим здесь верою, а не видением, но ослабеет вера там, где потеряется уважение к Св. Писанию; если же осла-

ВВ *Сегодня вера, надежда и любовь некоторыми нашими академиками РАО возведены в ранг педагогических категорий философии воспитания. Оказывается, им уже две тысячи лет.*

беет вера, — ослабеет и самая любовь. Ибо кто теряет веру, тот по необходимости теряет и любовь: нельзя любить того, чему не веришь. Напротив, кто верит и любит, тот, творя дела правды и повинуюсь законам ее, поставяет себя в состоянии несомненной надежды достигнуть когда-либо того, что любит. Посему вера, надежда и любовь составляют основание как всяко-

го истинного знания вообще, так в особенности науки изъяснения Св. Писания.

XLII. Но место веры заступит видение, место надежды — самое блаженство; любовь же и по упразднении их еще более усилится. Ибо если мы по вере любим то, чего еще не видим, то не более ли будем любить оное, когда станем действительно видеть? И если по надежде любим то, чего еще не достигли, то не паче ли будем любить тогда, как достигнем? Между временными и вечными благами кроме другого та разность, что первые мы любим более тогда, когда еще не обладаем ими, по достижении же оных любовь наша к ним охладевает, потому что они не насыщают души, предназначенной для вечности. Напротив, блага вечные возбуждают пламеннейшую любовь к себе тогда, когда достигам их, нежели тогда, когда только желаем, ибо никто из желающих достигнуть вечных благ не может представить их себе такими, каковы они сами в себе, и сколько бы кто ни старался постигнуть их мыслию, но получивши оные, всегда найдет в них более, нежели сколько воображал.

XLIII. Посему кто имеет веру, надежду и любовь и постоянно пребывает в них, тот имеет нужду в самом Писании не столько для себя, сколько для того, чтобы назидать других. Так, многие живут в пустыне, вовсе не имея у себя Библии, а вместо оной руководствуются верою, надеждою и любовью. Над ними, кажется, уже исполнилось то, что сказал апостол: «Если же пророчества

будут упразднены, если языки умолкнут, если знание будет упразднено»¹. Вера и любовь так умудрила сих людей, что, держась совершенного, они уже не ищут того, что отчасти; — совершенного, говорю, потолику, поколику возможно это в настоящей жизни; ибо в отношении к жизни будущей никакой праведник на земле не может назваться совершенным. Посему-то сказано: «Остается вера, надежда, любовь, — три эти; большая же из этих любовь»², ибо достигнув вечности, когда упразднятся вера и надежда, любовь наша соделается и полнее и совершеннее.

XLIV. По сей причине, кто совершенно постигнет, что «цель Закона есть любовь от чистого сердца, и совесть благая, и вера нелицемерная»³, и кто все разумение Св. Писания будет основывать на сих трех добродетелях, тот смело приступай к изъяснению Слова Божия. Ибо, когда апостол сказал: «любовь от чистого сердца», то сим самым показал, что должно любить одно достойное любви. К чистому сердцу он присовокупляет «благую совесть» — для надежды: поелику тот не может надеяться достигнуть предмета своей веры и любви, кто имеет худую, мятушуюся совесть. Наконец он говорит: «и вера нелицемерная», ибо если мы искренно веруем, то, с одной стороны, не любим ничего такого, что не должно любить, с другой, — проводя жизнь правильную, надемся твердо, так что надежда наша никоим образом не может обманывать нас.

Я сказал здесь о предметах относительно веры столько, сколько почитал нужным сказать по обстоятельствам; подробнейшие же исследования об этом можно найти в иных сочинениях, как мною, так и другими писателями написанных. Теперь окончу первую книгу мою о предметах и с помощью Божиею начну исследование о знаках.

КНИГА ВТОРАЯ

I. Говоря о предметах, я предварительно заметил, что в них надобно искать только того, что они суть сами в себе, а не того, что они еще могут означать. Приступая теперь к исследованию о знаках, я замечу наоборот, именно: здесь надобно смотреть не на то, что такое знаки сами в себе, а только на то, что они суть знаки, т.е. что ими означается. Ибо знак вообще есть предмет, который, сверх собственного вида (species) или формы, действующей на наши чувства, возбуждает в уме нашем представления других известных предметов, — так например: увидевши след, мы представляем себе животное, которое проложило этот след; увидевши дым, воображаем огонь, произведший его; услышав вопль животного, заключаем о внутреннем состоянии его; услышав звук

¹ I Кор. 13:8.

² I Кор. 13:13.

³ I Тим. 1:5.

трубы, воины уже знают, что им делать, — идти ли вперед, или отступать, или что-либо другое производить по правилам военной науки.

II. Знаки вообще суть двоякого рода: одни естественные, другие искусственные (data). Естественные знаки суть те, которые, кроме представления о себе, возбуждают в нас понятие о другой вещи, сами по себе, а не по чьему-либо произволу, соединившему с ними значение сей вещи: таков, например, знак — дым, предполагающий огонь. Ибо не от произвола человеческого зависит то, что первым всегда предполагается последний, но по опыту и наблюдениям люди узнали, что где есть дым, там есть и огонь, хотя бы виден был один только дым. К сему же роду знаков относится и след проходившего животного, так же — вид человека, разгневанного или опечаленного, без всякого со стороны его желания обнаруживающий внутреннее, скорбное состояние его, и другие движения души, выражающиеся на лице нашем тогда, когда мы и не думаем выражать их. Впрочем, о знаках естественных я не намерен теперь подробно рассуждать и коснулся их здесь только потому, что они вошли в главное разделение трактата моего, — почитая достаточным сделанное теперь об них замечание.

III. Знаки искусственные, или условные¹, суть те, которыми существа живые, по взаимному согласию, выражают свои душевные движения, чувствования и мысли. Цель употребления их состоит в том, чтобы посредством их передать и напечатлеть в душе другого то, что находится в уме человека, дающего знак. Сей-то род знаков, поколику они употребляются у людей, составляет предмет настоящего моего рассуждения, ибо и знаки, свыше данные, заключающиеся в Писании, сообщены нам посредством

ВВ Язык рожден из человеческой природы, то есть божественной.

людей же, написавших оные. Есть и у животных некоторые знаки для взаимного выражения своих ощущений. Так петух, когда найдет пищу, голосом дает знак курице идти к нему; голубь стеснением прикликает к себе голубку, а голубка — голубя. Много есть и других подобных знаков у животных, но какого рода сии знаки, так ли они следуют у них за душевным ощущением, как изменения в лице и в голосе огорченного человека, без всякого со стороны его произвола и намерения, или условно даются для выражения известных предметов, — это другой вопрос, который к моему предмету не относится и потому оставляется здесь без разрешения.

IV. Знаки, употребляемые людьми для взаимного выражения своих чувствований, принадлежат — некоторые к чувству зрения, большая часть к чувству слуха, очень немногие — к прочим чувствам. Так, например, когда мы рукою указываем на что-либо, то

¹ По переводу С.С.Неретинной — «[условно] данные» (Антология, т. I. С. 67).

даем знак одним только глазам того, кого хотим сделать участником нашей воли и мыслей. Есть люди, кои многое означают одним движением рук: комедианты делают известные знаки пред знатоками движением всех членов и говорят как бы с глазами их; военные знамена также глазам воинов сказывают волю вождей; все сии знаки суть как бы некоторые видимые слова. Знаки, относящиеся к слуху, составляют, как я сказал, многочисленнейший класс и главным образом состоят в словах. Конечно, и военная труба, и флейта, и гитара издают не только приятные, но и знаменательные звуки, но все сии знаки в сравнении со словами составляют очень небольшое количество, слова, напротив, служат у людей первым и главнейшим средством для означения всего, что чувствует душа и что желает обнаружить другим. Правда и то, что сам Иисус Христос дал известное знаменование драгоценному мирру, коим помазаны были ноги Его¹, дал знаменование, какое Сам благоволил, таинству вкушаемого тела и крови Своей², но без знаменования остались и края одежды его, к коим жена кровоточивая, прикоснувшись, исцелилась от болезни³, но несмотря на все сие, бесчисленное множество знаков преимущественно заключается в словах, коими люди выражают свои мысли. Ибо все роды знаков, о коих мною кратко теперь упомянуто, мог я, если бы захотел, выразить словами, но слов оными знаками выразить не мог бы никаким образом.

V. Но поелику слова, по сотрясении воздуха, тотчас исчезают, и столько же не продолжительны, как самый звук их, то для овеществления их⁴ установлены буквы. Таким образом слова представляются глазам уже не сами собою, а через известные свои знаки, т.е. буквы. Сии последние знаки не могли, однако ж, быть у всех народов одни и те же, по причине постоянного некоего раздора и зависти в человечестве, по коей всякий народ себе присваивает первенство изобретения письмен. Разительным памятником подобной гордости человеческой служит известный столп на небо, возведший нечестивых вместо неба к тому, что они заслужили наказание быть между собою разногласными не только в мыслях, но и в словах⁴.

VI. Отсюда последовало, что и само Св. Писание, врачующее многообразные болезни души человеческой, и написанное на одном таком языке, на котором оно весьма удобно могло распространиться по лицу всей земли, должноствовало потом быть перелагаемо на разные языки, дабы служить всем народам во спасение. Читающие слово Божие для своего спасения ничего более не желают, как только найти в нем мысли и волю тех, коими оно написано, а таким образом най-

¹ Ин. 12:3—7.

² Мф. 26:28.

³ Мф. 9:21.

⁴ Речь идет о Вавилонской башне и смешении языков.

ти волю Божию, по которой говорили, как мы верим, все богодухновенные писатели.

VII. Между тем читатели нерассудительные, читая не надлежащим образом, по тому самому часто обманываются, встречая множество темноты в Писании и двусмысленности, неправильно поставляя один смысл вместо другого, а в некоторых местах вовсе не находя никакого смысла. (Такой мрак представляют в себе для таковых людей некоторые места Писания, темновыраженные!) Не сомневаюсь, что Промысел, допустив некоторую темноту в Писании, имел при сем мудрую цель, — дабы трудностью в изыскании точного смысла его смирить гордость человеческую и чтобы наш рассудок предостерег от брезгливости, — этот рассудок, который по большей части почитает неважным то, что легко можно открыть. Доказательством последнего может служить следующий пример: скажите слушателю, что весьма святы и совершенны те люди, коих жизнь и нравственность служат для Христовой церкви к отсечению суеверия у людей, приходящих к ней из иноверия и чрез подражание добрым делам оных святых делающихся действительными членами его тела, — те люди, кои, как благие и верные рабы истинного Бога, сложив с себя заботы мирские, пришли ко святой купели крещения и, отродившись в ней наитием (conceptione) Св. Духа, постоянно дают потом плод сугубой любви, т.е. к Богу и к ближнему; — скажите все это слушателю: вы увидите, что ваша речь не много понравится ему. Но изъясните ту же самую мысль не совсем ясным местом из Песни песней, где о церкви, похваляемой, как некая прекрасная жена, сказано: «зубы твои как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, у которых по паре ягнят и нерожденных нет между ними»¹: такое изъяснение более понравится. Отчего же это? Неужели мысль, выраженная подобными и сравнениями, научает слушателя другому чему, не

жели та же мысль, выраженная самими ясными и собственными словами? Совсем нет. А между тем, не знаю почему, на святых взираю я с большою приятностью, когда вижу, что они, как будто зубы Церкви, отделяют и освобождают людей от заблуждения и, смягчивши жестокость их, обращают их в тело Церкви, как бы принятую и пережеванную пищу. Равным образом особенно приятными представляются мне святые, когда я взираю на них, как на агнцев остриженных, заботы

NB *Понимание смыслов аллегорий часто гораздо важнее, чем просто мысль, выраженная самыми ясными и собственными словами. У сегодняшних учителей, как правило, есть только второе, а наличие первого составляет другую эффект — когда «словам тесно, а мыслям просторно».*

святые сбросивших с себя, как агнчую волну, восходящих из купели, т.е. от Св. Крещения, двоеплодных, т.е. исполняющих две

¹ Песн. 4:2.

заповеди о любви; и несть неродящих в них, т.е. лишенных святого плода любви.

VIII. Почему изъяснение, заимствованное в Писании от подобия, кажется мне гораздо приятнее простого раскрытия мысли, несмотря на то, что и предмет и познания о нем в обоих случаях сообщаются одни и те же? Это трудно изъяснить, и это другой вопрос. По крайней мере, никто не станет сомневаться в том, что есть предметы, кои гораздо охотнее познаешь, если они представлены в подобиях, и что те истины вообще гораздо приятнее, коих открытие сопряжено с некоторою трудностью. Ибо,

ИВ *Плохо учится и тот, кто ничего не понимает, и тот, кто все понимает: один отчаивается, а другому скучно. Это ли не творческая задача для учителя, у которого на уроке сидят и те и другие? А есть еще и третьи — жаждающие его слова.*

кто вовсе не находит, чего ищет, тот томится голодом, а кто несколько не ищет, потому что все имеет готовое, тот часто вянет от скуки и бездействия. В обоих случаях надобно опасаться совершенного измождения сил душевных. По сей-то причине Дух Святой поступил достойным его и благотворнейшим для нас образом, дав Писанию такой вид, что оно ясными местами может удовлетворять душев-

ному голоду, а темными — истреблять гордость и небрежность людей. Ибо эта темнота почти ничего не скрывает в себе такого, что бы не было открыто самым ясным образом в других местах Писания.

IX. Посему для уразумения воли Божией, предписывающей, чего мы должны желать и чего удаляться, прежде всего нужно иметь страх Божий¹. Сей страх необходимо возбуждает в нас мысли о нашей смертности и самой смерти; смиряя плоть нашу, он приговораждает, как бы к древу крестному, всякое кичение гордости нашей. Потом должно соделаться кроткими, посредством духа благочестия, не противоречить Божественному Писанию, понятно ли оно, когда обличает наши пороки, или (в других случаях) не понятно — так, что нам казалось бы, будто мы сами можем лучше рассуждать и лучшие преподавать правила. Должно думать и верить всегда, что все заключающееся в Писании, хотя иногда темное для нас, лучше и вернее всех мудрований наших.

X. За сими двумя степенями — страха Божия и благочестия, следует третья, именно степень знания, о которой я предположил говорить особенно. Ибо сей-то степени и должен домогаться всякий, изучающий Писание, ничего так не ища в нем, как следующих двух заповедей: должно любить Бога для Бога; и ближнего так же для Бога; должно любить Бога всем сердцем, всею душою, всем разумением, — а ближнего как самого себя, т.е. чтобы всецелая любовь к ближнему, равно как и к себе самим, относилась потом к Богу. О сих двух заповедях любви я го-

¹ Ис. 11:2.

ворил в предшествующей книге, когда рассуждал о предметах (gebus). Теперь же скажем, что всякий, обращаясь к Писанию, по необходимости прежде всего, по указанию его, находит в себе привязанность к настоящему миру, т.е. к временным благам его, — а вместе с сим видит себя далеким от той любви к Богу и ближнему, которой требует Слово Божие. После того дух Страха, напоминающий о суде Божиим, и дух Благодетельства, побуждающий верить и повиноваться учению Писания, заставляют человека плакать о самом себе. Ибо спасительный дух ведения естественно располагает к скорбным чувствам, а не к тщеславию. Но чтобы не быть жертвою отчаяния, человек в сие время посредством неусыпных молитв испрашивает себе утешение Божественной помощи и поставляется на четвертую степень, которая есть степень силы, или крепости, где он алчет и жаждет праведности. В сем расположении сердца человек оставляет всякое смертоносное наслаждение преходящими благами; отвортив от них взор свой, он обращается к любви вечных благ, то есть неизменяемого единства в Троице.

XI. Как скоро он по возможности узрит сию Троицу, как бы в некоей дали лучезарно сияющую, и вместе почувствует, что по слабости своего зрения он не может объять оною света, то старается очистить душу свою, недовольную на себя за желание недостойных предметов и еще мятущуюся нечистыми помыслами, и действительно очищает ее на пятой степени, то есть в совете милосердия. Здесь он уже со всем усердием упражняет себя в любви к ближнему и усовершенствуется в ней. Далее, полный надежды и крепкий силами, достигнув того, что бывает в состоянии любить своего врага, он восходит на шестую степень — чистоты сердца, где очищает у себя самое внутреннее око, способное видеть Бога столько, сколько могут видеть Его все, по возможности умирающие миру сему. Ибо Бога потоплику можно видеть, поколику мы умираем миру, и потоплику нельзя видеть, поколику живем для мира. Таким образом, по мере удаления от мира видение света вечного начинает казаться более знакомым, и не только удобносносным, но и приятным, хотя сей свет видим бывает все еще только гадательно и как бы сквозь тусклое стекло, ибо человек вообще ходит здесь более в вере, нежели в видении, — поелику мы пришельцы в сей жизни, и жительство наше на небесах¹. Ищущий мудрости на шестой степени так очищает око сердца своего, что не предпочитает истин, и даже не равняет с нею самого ближнего своего, а следовательно не равняет и себя самого, послему не равняет того, кого любит как самого себя. В сем состоянии человека можно почитать уже святым, если он столько добр и чист по сердцу своему, что не уклоняется от истины — ни из человекоугодия, ни из желания избегать невыгод настоящей жизни. И такой только сын церкви достигает мудрости, которая

¹ Флп. 3:20.

NB *Во времена Августина восхождение по ступеням духовной эволюции начиналось не с физиологических потребностей, а со святой истинной веры, направляющей к совершенству. Мы сами выбрали путь технократической цивилизации вместо восхождения человека к совершенству.*

составляет седьмую и последнюю степень и которую он наслаждается в тишине и мире. Таким образом начало мудрости есть страх Господень, потому что достигают мудрости не иначе, как начиная с сего страха и проходя через все прочие степени.

XII. Но обратимся к третьей степени, ибо мы о ней предположили здесь особенно рассуждать и говорить, сколько Бог поможет. Ревностнейший испытатель Писания прежде всего

должен прочесть и заметить все Писание, то есть все канонические книги, и таким образом ознакомиться с ними, если еще не разумением их, по крайней мере — одним чтением. Другие книги Писания, не канонические, с безопасностью он может читать после, будучи уже озарен светом истинной веры; после, а не прежде, из опасения, чтобы они не предзаяли собою неопытной души его и чтобы, увлекши его некоторыми приятными по наружности, но не безопасными в себе мыслями не внушили ему вместо истины — того, что противно здравому разумению. В рассуждении же канонических книг Писания испытатель оного должен следовать власти и руководству соборных церквей, и особенно тех, кои удостоились иметь у себя престолы самих апостолов (sedes Apostolica), и получить от них послания. Вот главное правило, которого должно держаться касательно канонических книг: книги, принятые всей вселенскою церковью, должны быть предпочитаемы не принятым некоторыми из церквей; книги, принятые не всеми, но приняты многими и важнейшими церквами, должны быть предпочитаемы принятым не многими, и притом не столь важными церквами. Но если бы нашлось, что одни из книг принимаются множайшими, а другие — важнейшими церквами, хотя это нелегко может случиться, то такие книги, по моему мнению, должно почитать за Писания одинакового достоинства.

XIII. Весь канон Писания, которым должно преимущественно заниматься, составляют следующие книги: пять книг Моисеевых — Бытие, Исход, Левит, Чисел, Второзаконие; одна книга Иисуса Навина; одна Судей; одна небольшая, известная под именем книги Руфь, которая, кажется, служит началом книгам Царств; далее, четыре книги Царств, и две книги Паралипоменон, составляющие не продолжение, а повторение и дополнение событий, изложенных в книгах Царств. Все доселе исчисленные книги содержат в себе историю, излагающую события и предметы в связи и хронологическом порядке. Но, кроме оных, есть книги, которые не имеют подобного порядка и взаимной между собою связи, таковы: книга Иова, Товита, Есфири, Юдифи, две книги Маккавейские и две Ездры, кото-

рые, кажется, суть продолжение истории, заключающейся в книгах Царств и Паралипоменон. Потом книги пророческие, между коими одна книга Псалмов Давидовых; три книги Соломона, а именно: книга Притчей, Песнь песней и Екклесиаст; еще две книги, из коих одна известна под именем Премудрости, а другая под именем Екклесиастика. Написание сих двух последних книг приписывают иные, по некоторому сходству в слоге, Соломону, но более постоянное мнение относительно сего то, что их написал Иисус Сирах¹; как бы то ни было, только и они, как заслужившие уважение от церкви, должны быть отнесены к числу книг пророческих. Прочие книги суть собственно пророческие; и во-первых — двенадцати пророков, коих книги в списке находятся все вместе, — ибо никогда и не были отделяемы, а потому и почитаются как бы за одну книгу. Имена самих пророков, написавших оные, суть: Осия, Иоиль, Аввакум, Софония, Аггей, Захария, Малахия. За сим четыре книги пророческих больших: как-то, пророка Исая, Иеремии, Даниила и Иезекииля. Все сии сорок четыре книги составляют Ветхий Завет. Книги же Нового Завета суть следующие: четыре книги евангелия — от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна; четырнадцать Посланий апостола Павла, а именно: к Римлянам, два к Коринфянам, к Галатам, к Ефессянам, к Филиппийцам, два к Фессалоникийцам, к Колоссянам, два к Тимофею, к Титу, к Филимону, к Евреям; потом два Послания апостола Петра, три Иоанна, одно Иуды, одно Иакова; одна книга Деяний Апостольских, и наконец одна книга Откровения Иоаннова (Апокалипсис).

XIV. Вот все канонические книги, в коих люди кроткие и боящиеся Бога ищут воли Божией. Но первое правило в сем святом деле есть, как я уже сказал, предварительно узнать сии книги, если еще не разумением, по крайней мере памятью — затвердив их через чтение; ибо совершенное неведение о них в сем отношении непростительно. Потом надобно со всем тщанием и ревностью углубляться в познание того, о чем ясно говорят они, правила ли то жизни, или правила веры. В сем случае, чем кто способнее понимать, тем более найдет ясного в Писании, ибо все, относящееся к вере и нравам, т.е. надежде и любви, о коих рассуждал я в предыдущей книге, слово Божие предлагает ясным образом. Наконец, ознакомившись сколько-нибудь теснее с самым языком Божественного Писания, должно приступить к открытию и рассмотрению того, что в нем темно, объясняя невразумительные выражения вразумительными, неизвестные мысли известными. В сем отношении очень много помогает память, недостаток которой никак не могут заменить представленные здесь правила.

¹ Впоследствии Августин переменил свое мнение о писателе книги Премудрости и перестал приписывать ее Сираху.

XV. Всякое сочинение бывает непонятно от двух причин: или от совершенной неизвестности некоторых слов, или от двойственности значения их. Слова же вообще имеют значения или собственные, или переносные. Собственное значение слов бывает тогда, когда ими означаются именно те предметы, для выражения которых они изобретены: так, например, мы говорим — вол, — и разумеем под сим словом известное животное, которое так называют все, говорящие нашим языком (латинским). Переносное значение слов бывает тогда, когда самые предметы, выражаемые собственными словами, употребляются для означения чего-либо другого: так, под словом «вол» собственно мы разумеем известное животное, обыкновенно этим словом называемое, но можем разуметь и человека, занимающегося проповедью Слова Божия, которого сим именем назвало само Писание, по изъяснению апостола, в следующем месте: «Не закрывай рот быку молящему»¹.

XVI. Знание языков есть лучшее средство к уразумению неизвестных, хотя и собственных слов. Людям, знающим язык латинский, для которых и решился я писать сии правила, кроме собственного языка, нужно для большего уразумения Божественного Писания знать еще два других языка — еврейский и греческий: это для того, чтобы в случае какого-либо сомнения при столь различных между собою латинских переводах всякий мог сам прибегать к подлинникам. К тому же в переводах Св. Писания мы часто находим некоторые слова еврейские не переведенными, каковы: аминь, аллилуиа, рака, осанна — и, может быть, некоторые другие. Два первых, т.е. аминь и аллилуиа, хотя могли бы быть переведены, но остаются досель в первоначальном своем вид, по причине священного к ним уважения; а два последние, т.е. рака и осанна, даже, как говорят, не могли быть переведены: ибо в каждом языке есть слова, которые не могут быть переведены на другой какой-либо язык. Таковы особенно междометия, выражающие сильное чувство души, а не какую-либо обыкновенную мысль. К сим междометиям относят некоторые и представленные нами слова — рака и осанна: первое², говорят, выражает чувство негодования, второе — радости. Впрочем не для сих только и подобных сим слов нужно знание языков еврейского и греческого (подобные слова можно заметить и спросить об них у других), а нужно еще по причине разности многих переводов. Число греческих переводчиков довольно ограничено, но латинских — чрезвычайное множество. Ибо еще с первых времен христианства всякий латинянин, кому толь-

¹ I Кор. 9:9—10.

² Греч. гака, у Августина — gacha. В греческом языке gакos — «рубище, доскут, кусок, лохмотье». Слово гака употреблено в Евангелии от Матфея (5:22).

ко доставалось иметь в руках своих греческий текст Писания и который сколько-нибудь создавал себя сведущим в языках латинском и греческом, — всяк тот смело брался за перевод Св. Писания.

XVII. Впрочем, такое положение дела более помогало бы, чем затрудняло разумение Писания, если бы только читатели были не ленивы. Ибо в таком случае одно простое сличение многих переводов легко может объяснить многие темные места Писания. Например: один из переводчиков перелагает 7-й стих 67-й главы пророка Исаии так: «Не презирай домочадцев семени твоего»; а другой так: «Не презирай плоти твоей». Но оба сии переводчика не противоречат один другому; ибо каждого из них можно изъяснить — одного другим: слово «плоть» можно принять в собственном смысле, и мысль будет такая: никто не должен презирать тела своего; а слова «семени твоего» могут быть приняты в смысле переносном, и означать христиан, которые рождены вместе с нами от одного семени Слова Божия. Таким образом, по сопоставлении мысли одного переводчика с мыслию другого становится достовернейшим то мнение, что здесь запрещается презирать сродников, ибо по приложении слов «которые одного семени с тобою» к словам «плоти твоей» ближайшим значением тех и других будет значение сродников; и мне кажется, что сии слова выражают то же, о чем говорит и апостол: «Если как-нибудь сделаю ревностной мою плоть и спасу некоторых из них»¹, т.е. не уверуют ли и они, возымев ревность к тем, которые уже уверовали. Здесь апостол, очевидно, под именем плоти своей разумеет иудеев по родству своему с ними. Таким же образом различно переводят и следующее место пророка Исаии, гл. 7, стих 9, — один переводчик: «если не поверите, не постигнете»; другой: «если не поверите, не сохранитесь». Хотя, не прибегнув к подлиннику, нельзя знать, кто из двух переводчиков точнее перевел место сие. Несмотря на то, умному читателю тот и другой перевод сами по себе раскрывают очень многое, так как и вообще трудно найти таких переводчиков, которые не имели бы между собою вовсе никакого отношения и потому не научали бы читателя ничему. А именно, поелику полному разумению место только там, где постоянное видение, а вере, напротив, свойственно питать нас, как бы млеком детей в колыбели времени понемногу; и мы ходим теперь в вере, а не в видении, и если не будем верить, не достигнем видения, которое не преходит, но постоянно продолжается в чистом уме при вечном соединении его с истинною, то — в сем смысле — один мог перевести означенное место так: «если не поверите, не продолжитесь»; а другой: «если не поверите, не поймете».

XVIII. Двухзначные слова самого подлинника очень часто обманывают переводчика, и он, не поняв хорошо мыслей, да-

¹ Рим. 11:14.

ет им такое значение, которое вовсе несообразно с намерением писателя. Так, некоторые перевели следующее место в книге псалмов Давидовых: XII, 3 «ноги их остры на пролитие» крови. Греческое слово *hozus* имеет два значения: острый и скорый. Переведший сие слово вторым значением: «ноги их скоры на пролитие крови», лучше понял мысль писателя. Первые погрешили именно от двузначности слова, приняв его здесь не в надлежащем значении. Подобные переводы не темны, а не верны, и их надобно исправлять, а не понимать. К подобным неисправностям в переводах были поводом для некоторых следующие слова греческие: *moskhos* и *mokheumata*. *Moskhos* значит «телец» (*vitulus*). Производя оба слова от одного корня и не зная, что *mokheuma* значит «сажание в землю» (*plantatio*), переводчики дали и сему слову значение тельца (*vitulamem*), и ошибка сия вкралась в столь многие переводы, что едва ли хотя один можно найти правильный. Между тем мысль здесь очень ясная, и последующие слова открывают ее в полном свете, ибо лучше сказать: «прелюбодейные насаждения не дадут корения во глубину», нежели «прелюбодейные тельцы» и проч. Тельцы ходят только по земле, а не утверждаются в ней корнем своим. Перевести слово *mokheuma* в значении сажания заставляют и прочие, дальнейшие слова текста.

XIX. Поелику, не справляясь с языком подлинника, часто нельзя видеть самой мысли переводчиков, которую они, каждый по своей способности и разумению, стараются передать нам, и поелику переводчик, если он не вполне учен, сбившись с прямого пути, отдалается большею частью от самых мыслей переводимого им писателя, то читатель или должен стараться о познании тех языков, с которых перелагается Писание на язык латинский, или должен иметь переводы более буквальные, — не потому чтобы сии переводы были вполне удовлетворительны, но потому что они могут читателю показать исправность или погрешность державшихся в переводах своих не столько слов, сколько мыслей. Ибо в буквальных переводах перелагаются не только все слова, но даже частные обороты речи, которые не употребительны в языке латинском, без нарушения издревле установленных правил речи. Такие переводы большей частью ничего не отнимают у ума, только оскорбляют вкус тех, для которых приятнее читать истины, выраженные чистым и правильным языком. Ибо так называемый солецизм, коим такие переводы изобилуют, есть не что иное, как только странное и неправильное сочинение слов, противное тому, которому мы научились у людей, говоривших прежде нас нашим языком и в сем отношении заслуживших себе уважение. Но для того, кто старается узнать самую вещь, неважно — скажут ли ему: меж людей (*inter homines*), или: между людьми (*inter hominibus*). Подобным образом и варваризм, встречающийся

обыкновенно в буквальных переводах, есть не что другое, как погрешность против правописания или произношения слов, установленного примером людей, так, а не иначе известные слова писавших или произносивших. Но для того, кто молит Бога о прощении грехов своих, неважно знать, как должно произносить слово *ignoscere* (прощать), — сокращая ли третий слог сего слова или продолжая, он только молит Бога о прощении, каким бы образом ни произносил слова молитвы своей. Да и что такое есть самая чистота языка, нарушаемая сими и подобными погрешностями, как не одно только подражание образу речи древних, заслуживших в сем отношении себе уважение?

XX. Нечистотою в языке люди оскорбляются, более или менее, всегда почти смотря по тому, чем они малосведущее, — а тем обыкновенно бывают малосведущее, чем более желают казаться учеными, — не в отношении к познанию самых истин, которое назидает, но в отношении к познанию одного языка, при коем почти невозможно предохранить себя от некоего надмения, когда и познание самых истин нередко надмевает нас, если мы не смирены игом Господним. В самом деле, что вреда для испытующего Писание, когда он читает следующее место переведенным словом в слово с подлинника так: «Какова земля, на которой живут они (хананеане) на ней, добра ли или зла, — каковы города, в которых обитают они в них?»¹ Такой перевод, конечно, содержит в себе обороты свойственные чуждому языку, а не нашему, но смысл от сего не нарушается нисколько. Таким же образом и то, что народ поет в словах: «на нем же расцветет освящение мое»² (*floriet* — вместо *florabit*) и чего мы уже не можем воспретить поющим, нимало не нарушает целостности мысли, хотя опытный в языке слушатель желал бы исправить сие и слышать вместо *floriet* — *florabit*. Такому исправлению ничто и не препятствует, кроме одной привычки поющих. Но подобные недостатки в переводах, как совершенно безвредные для смысла, можно оставлять без внимания тому, кто ищет не изящества, а истины. Совсем иное перевод следующих слов апостола: *quod stultum est Dei, sapientius est hominibus; et quod infirmum est Dei, fortius est hominibus* («Глупое Бога мудрее людей есть и слабое Бога сильнее людей»³). Если бы кто, ближе держась греческого языка, представил слова сии в следующем виде: *quod stultum est Dei, sapientius est hominum; et quod infirmum est Dei, fortius est hominum*,⁴ то внимательный и рассудительный читатель нашел

¹ Чис. 13:20.

² Пс. 131:18.

³ 1 Кор. 1:25.

⁴ На русском языке сложно выразить ту обоюдность, которую здесь находит автор. Смысл примерно такой: «Глупое Бога, мудрое человека; слабое Бога, сильное человека».

бы, конечно, в сих словах настоящую мысль, но всякий другой или бы вовсе не понял их, или бы понял превратно. Ибо такой перевод на латинском языке, при очевидной своей неисправности, был бы еще, двусмыслен: ибо из него может выходить, якобы безумное человеческое было мудрее Божиего, и немощное — сильнее Божьего. Да и первый перевод: sapientius hominibus (мудрее людей) хотя не заключает в себе солицизма, но также несколько обоюден: ибо, не поняв мысли Писателя, нельзя знать, как разуметь слово hominibus (людей): означает ли оно просто «людей», или «у некоторых людей». Посему слова апостола лучше перевести можно было так: «мудрее, нежели люди, и сильнее, нежели люди».

XXI. Но о двусмысленных (ambigua) знаках Писания мы будем говорить после; теперь же скажем о знаках неизвестных (incognitus), которые, если разуметь под именем их слова, суть двойного рода. Ибо останавливает читателя или одно какое-либо неизвестное слово, или целое неизвестное изречение (locutio). Если сия неизвестность зависит от незнания чужого языка, то для разрешения его должно или спрашивать людей, знающих оный язык, или самим учиться ему, когда позволяют то время и способности, или наконец советоваться с различными переводами, сопоставляя одни из них с другими. Но мы и в своем языке можем находить некоторые слова и даже целые речения, неизвестные для нас; в таком случае надобно стараться как можно чаще встречаться с ними при чтении и в разговорах. Ничего столько не нужно затверживать в своей памяти, как сии неизвестные нам слова и речения, надобно всегда держать их, так сказать, наготове, дабы можно было пользоваться всеми случаями к узнаванию их истинного значения, например: спросить о них, если встретится человек знающий, или найти целые место в писаниях других, где значение оных слов ясно открывается из предыдущего, или последующего, или из того и другого вместе. Ибо привычка учить на память имеет вообще такую силу, что, например:

NB *Каждому учителю следует искать вместе с учениками истинное значение привычных слов. А такой прием, как заучивание, мало что дает. Ибо развитие памяти связано со смыслами слов, а не с их повтором. Тогда ученик по прошествии многих лет будет помнить не только текст, но и его смысл. Хотя и тот и другой способ — по принципу дополнительной — важен.*

люди, начитанные Св. Писанием и воспитанные на нем, скорее удивляются всем другим выражениям и прочитают их менее латинскими, нежели те, которые они заучили из Писания, хотя эти последние вовсе неупотребительны у латинских писателей. Между тем во всяком случае весьма полезно сопоставлять между собою как можно более различных переводчиков, углубляясь в их разности: только при сем должно употреблять все речение, как бы не обмануться неверностью кодексов, ибо есть кодексы, которые нужно еще предварительно исправлять.

Желающий познать Божественное Писание должен обратить на сие обстоятельство особенное внимание, дабы, при самом рассмотрении кодексов, верным из них не предпочесть неверных.

XXII. Что касается самых переводов, то должно предпочитать всем прочим Италу, потому что она и точнее и яснее прочих¹. Для исправления же недостатков в переводах латинских надобно прибегать к переводам греческим, между коими самый важный, что касается до Ветхого Завета, есть перевод семидесяти толковников (Септуагинта), кои, по мнению всех более знающих в сем деле церквей, когда перелагали Писание, такого удостоены были вдохновения от Св. Духа, что имели как бы одни уста. Если еще они, как говорят многие не недостойные вероятия люди, во время самого перевода заключены были каждый в особую комнату, и несмотря на то перевод каждого из них нашелся согласным с переводами других не только в словах, но и в расположении слов, то кто осмелится сравнивать со столь важным переводом, а тем более предпочитать ему какой-либо другой перевод? Если некоторые, для произведения полнейшего согласия в мыслях и для большего единства в самых выражениях, сравнивали уже перевод семидесяти с другими, по крайней мере не должно и неприлично кому-либо одному, в надежде на свою опытность, покушаться исправлять что-либо в сем переводе, утвержденном единодушным согласием столь древнейших и ученейших мужей, каковы семьдесят толковников. Даже если бы в переводе их нашлось что-либо несогласное с еврейским подлинником, то это, по моему мнению, должно приписать особенным намерениям Божиим, через них совершившимся, т.е. чтобы книги, которых иудеи не хотели открывать другим народам, или из уважения к своей религии, или по ненависти к сим народам, — заранее, при посредстве и власти царя Птолемея, сделались известными язычникам, имевшим просветиться верою в Господа. Очень, то есть, могло статься, что семьдесят толковников, переводя Писание, соображались притом по местам с состоянием язычников по воле Св. Духа, руководившего их и даровавшего им уста единые.

Кроме того, для большей ясности известного места не бесполезно, как я сказал выше, свериться и с теми переводчиками, кои в своем переводе держались самых слов подлинника. И что касается латинских переводов Ветхого Завета, то они — если нужно — должны быть исправляемы, как выше замечено, переводами греческими и особенно переводом семидесяти толковников, каковые, несмотря на свою многочисленность, перевели, как повествуют, все в одно слово. Подобным образом и в книгах Нового Завета, если по различию латинских переводов встретится что-либо сомнительное, то без всякого сомнения надобно прибегать к подлинникам греческим, а особенно принятым церквами, более в сем деле опытными и разборчивыми.

¹ Латинский перевод Библии, созданный до Вульгаты Иеронима.

XXIII. Если в Писании останавливают читателя какие-либо переносные, неизвестные ему знаки, то для уразумения их нужно знание частью языков, а частью самых предметов, ими означаемых. Так купальня Силоам, где Господь повелел умыться слепому после того, как помазал ему глаза брением, из плюновения сделанным, без сомнения, имеет в собственном своем значении нечто таинственное, но таинственный смысл ее при всей важности своей оставался бы неизвестным, по причине неизвестности значения слова, если бы евангелист не объяснил его. Подобным образом многие слова еврейские, — необъясненные самими св. писателями, — без сомнения, весьма способствовали бы к разрешению многих тайн Писания, если бы кто мог изъяснить их, как должно; и те из знающих язык еврейский немало важную оказали услугу потомству, которые уже изъяснили, что, например, значат слова: Адам, Ева, Авраам, Моисей, или что значат: Иерусалим, Сион, Иерихон, Синай, Ливан, Иордан и многие другие. По открытию значения сих слов делаются ясными и многие фигуральные речения Св. Писания.

XXIV. Если мы не знаем свойства самых предметов, например известных животных, камней, трав и других вещей, употребляемых в Св. Писании по какому-либо сходству их с предметами высшими и духовными, то от этого, по необходимости, бывают для нас темными и все те фигуральные речения Писания, в которых о них упоминается. Но как, напротив (скажем для примера), делается для нас ясною мысль Спасителя, повелевающего нам быть мудрыми, подобно змиям¹, когда мы знаем о змии, что он, для сохранения головы своей, уступает нападающим на него все тело свое, или, пользуясь теснотою своей пещеры, сбрасывает с себя прежнюю кожу свою и таким образом получает новые силы! Сие повеление Господа явно означает то, что мы должны, во-первых, для сохранения главы нашей, которая есть Христос, предавать в жертву врагам тело свое, не щадить его, если сохранение сего тела ведет нас к удалению от Бога и — так сказать — убивает в нас веру Христианскую; во-вторых, подражая мудрости змия в последнем отношении, должны совлекаться, по слову апостола, ветхого человека и облекаться в нового², то есть — посредством тесноты и скорбей, как учит сам Господь: «войдете, говорит Он, тесными вратами»³. Таким образом, как полезно знать свойства змия для уразумения многих несобственных речений Писания, в которых об нем упоминается, так напротив неизвестность свойства некоторых других животных, приводимых Писанием, по некоторому сходству их с предметами высшими, очень часто затрудняет читателя. Нужно также знать свойство камней, трав и вообще растений. Знание, например, карбункула, светящего во

¹ Мф. 10:16.

² Еф. 4:14.

³ Мф. 7:16.

XXVII. Не надобно слушать тех суеверных языческих бредней, по сказанию которых девять муз суть дочери Юпитера и Мемории. Сказание сие отверг еще Варрон, с которым, как мне кажется, едва ли кто из язычников может сравниться по учености и склонности к изысканиям касательно подобных предметов. Он говорит, что один город (не знаю, как назывался он, да и не в имени дело) поручил трем художникам сделать по три изображения муз с уговором купить для посвящения во храме Аполлоновом те из них, кои будут сделаны лучше. Художники кончили свою работу с одинаковым успехом, девять изображений равно понравились городу и все были куплены для предназначенной цели. А поэт Гесиод в последствии времени дал им имена. Таким образом, не Юпитер родил девять муз, а три художника — каждый по три — произвели их. И город поручал каждому художнику сделать по три изображения не потому, чтобы музы в таком числе являлись кому-либо во сне или видимы были от кого-либо необыкновенным образом, но вследствие всеобщего, постоянного наблюдения, что всякий звук, как материя пения и музыки, по существу своему бывает тройкого рода: а именно, издается или голосом, когда т.е. поют гортанью, без всякого инструмента; или посредством дуновения, когда, например, играют на трубах и флейтах; или через известное ударение, когда, например, играют на кифарах, литаврах и других музыкальных орудиях, которые издают звук при удареии в них.

XXVIII. Справедливо ли оное повествование Варрона или нет, только мы по причине подобного суеверия язычников не должны презирать музыки, сведения о которой иногда могут быть полезны к уразумению Писания, не должны пренебрегать и самими театральными вещами, когда при рассуждении нашем об арфах и других музыкальных орудиях они могут открыть нам что-либо, способствующее к познанию духовных вещей. Иначе мы не должны были бы учиться и азбуке, изобретателем коей язычники почитают Меркурия; не должны были бы любить самой правды и добродетели, потому что язычники правде и добродетели посвящали храмы, предпочитая чтить в камнях то, что наипаче должно было носить и питать в сердце. Напротив, добрый и истинный христианин должен знать, что истина, где бы он ни находил ее, есть достояние его Господа; исповедуя и признавая ее в Св. Писании, он должен отвергать одни суеверные вымыслы, должен оплакивать и опасаться тех только людей, которые, «узнавшие Бога, не как Бога они прославили или поблагодарили, но осуетились в рассуждениях своих, и помрачилось неразумное их сердце. Называющие себя мудрыми поглупели и изменили славу нетленного Бога в подобие образа тленного человека и птиц, и четвероногих, и пресмыкающихся»¹.

¹ Рим. 1:21—23.

XXIX. Но чтобы лучше раскрыть сии слова апостола, которые очень важны, надобно обратить внимание на два рода наук, известных у язычников и тесно соединенных с самою нравственностью. Науки первого рода имеют предметом своим то, что изобретено людьми, а науки второго рода то, что не изобретено, а вследствие наблюдения принято как уже готовое или свыше учрежденное. Основанное на установлениях человеческих, частью соединено с суеверием, частью свободно от оногo.

XXX. Делать и почитать идолов, боготворить тварь или какую-либо часть ее, советовать и входить в ближайшиe и тесные сношения с злыми духами, к чему способствует магия, о которой поэты впрочем более упоминают, нежели говорят что-либо определенное, — все таковое учение, основанное на установлении человеческого, исполнено суеверия. К сему разряду относятся и различные книги гадателей по внутренностям животных и прорицателей по полету птиц, которые впрочем, при всей суетности их, не столько еще предосудительны, как другие. Сюда же принадлежат и различные перевязки и лекарства, осуждаемые самою медициною и состоящие в заговариваниях или каких-либо знаках, кои называются характерами; также употребление различных привесок, привязок и оберток, кои делаются не для исправления членов тела, а по причине их особенной какой-то силы и значения, кои иногда содержатся в тайне, а иногда объявляются. Все это называют скромным именем физики, желая тем показать, что лечат как будто естественным образом, а не по суевию: так, например, привешивают серьги на верхней части каждого уха, советуют иметь на пальцах кольца из костей страуса, держать во время икоты правую рукою большой палец левой руки и пр.

XXXI. Подобных суеверных замечаний чрезвычайное множество. Так еще почитают знаменательным, если какой-либо член тела приходит в необыкновенное движение и свербит; если случится друзьям, идущим вместе, увидеть меж себя лежащий камень, или если между ними проходит собака или дитя. В последнем случае достойно сожаления не столько то, что друзья попирают обыкновенно ногами своими оный камень, как предвестник разрывающейся дружбы, сколько то, что они бьют и невинное дитя, пробегающее между ними. Но за детей отмщают часто собаки; некоторые, по суевию, бьют и собаку, проходящую между ними, но это не всегда проходит им без наказания: собака иногда вдруг от мнимого лекарства препровождает врага своего к истинному медику. К сему же роду суеверий относятся и следующие: бить ногою об порог, когда проходишь мимо своего дома; опять ложиться на постель, когда, обуваясь, начнешь чихать; возвращаться в дом, когда, вышед из оногo, споткнешься обо что-либо; трепетать от представления будущего несчастья, почти не сожалея о настоящей потере, когда мыши точат платье. По сему последнему случаю прекрасно сказал Катон од-

ному человеку, который просил у него совета, жалуясь на то, что сапоги его источены мышами: то не чудо, сказал он, что мыши точат сапоги, то было бы чудо, если бы сапоги начали точить мышей.

XXXII. От подобных столь вредных суеверий не свободны и те, которые по причине наблюдений по звездам, делаемых относительно дней рождения, названы предсказывателями судьбы новорожденных (*genethliaci*), а ныне вообще называются математиками. Ибо какие бы они ни делали наблюдения в рассуждении истинного положения звезд тогда, когда кто-либо рождается, и сколько бы ни успевали в сем, но, силясь на основании опытов своих предсказывать нам будущие наши действия или следствия наших действий, этим самым они и сами чрезвычайно заблуждаются, а неопытным людям продают не предсказания, а жалкое рабство. Ибо всяк, доколе свободный, приходя к такому математику, дает ему деньги, чтобы выйти от него рабом Марса, или Венеры, или, лучше, всех звезд, названных (теми, кои первые впали в заблуждение и передали его потомству) по некоторому сходству их с известными животными именами сих животных, а из почтения к некоторым важным людям — именами сих людей. Так римляне в недавнее еще время хотели назвать звезду, именуемую у нас Люцифером, в честь Цезаря — именем Цезаря. И такое название, может быть, действительно осталось бы за светилом и перешло бы в потомство, если бы не предвосхитила сей чести себе бабка Цезаря — Венера, которая, к сожалению, сама не имела никакого права перевести на своих наследников то, чего при жизни своей не имела и, вероятно, иметь не домогалась. Ибо когда было праздное место, не занятое никем из умерших предков, то не замедлили поступить так, как обыкновенно поступают в подобных случаях, — заставили нас месяцы квинтилий и секстилий называть июлем и августом в честь цезарей Юлия и Августа, как будто для того, чтобы всяк желающий видел и знал, что сии звезды находились на небе сто-крат прежде, нежели явились на свет оные люди!.. А дававшие звездам имена лиц, по указу ли кесарей или по собственному произволу и суетности, представляли себе, что они через то самое, по смерти оных лиц, возносят их на небо! Напротив, какие бы имена ни давали люди звездам, все они суть только звезды, созданные и устроенные в порядке природы по воле Творца для того, чтобы движением своим производить перемену и разнообразие времен. Замечать, каково это движение бывает в ту пору, когда кто-либо рождается, очень удобно, — на основании правил, коих изобретателей Св. Писание давно осудило сими словами: «Если они столько могли разуметь, что в состоянии были исследовать временный мир, то почему тотчас же не обрели Господина его они»¹.

¹ Прем. 13:9.

XXXIII. Но весьма заблуждаются и выказывают крайнее безрассудство те, кои на основании подобных наблюдений хотят предсказывать о свойстве и нравах, о будущих действиях и приключениях новорожденного. Суеверие сие без всякого сомнения и жалости отвергают уже все, которые опытом научились отучаться от подобных глупостей. Ибо наблюдения, делаемые в сем случае над звездами, ограничиваются примечанием того, в каком положении находятся так называемые созвездия, когда рождается дитя, о судьбе которого одни несчастные спрашивают у других несчастнейших. Но иные близнецы так скоро выходят один за другим из утробы матерней, что не приметно бывает почти никакого промежутка времени между рождением их, а посему нельзя означить сего промежутка никакою особенностью со стороны созвездий. Из сего необходимо должно заключить, что некоторые близнецы рождаются под одинаковым созвездием; между тем обстоятельства жизни их бывают не только неодинаковы, но даже противоположны, так что один из них наслаждается полным счастьем, а другой терпит величайшие бедствия. Примером сего могут быть близнецы — Исав и Иаков, из коих последний при рождении даже держался за пятку первого¹. Посему относительно дня и часа их рождения не иное можно было сделать замечание, как то, что оно произошло под одним созвездием, но Писание, проповеданное уже на всех языках, постоянно свидетельствует, как различны были между собою Исав и Иаков по нравам, поступкам, занятиям и успехам.

XXXIV. Здесь не имеет никакой силы то возражение, что и одно малое мгновение, разграничивающее время рождения близнецов, весьма значительно в целом мире при необыкновенно скором движении тел небесных. Ибо если и допустить, что оно весьма значительно, то, по крайней мере, в продолжение его математик ничего не может заметить особенного в созвездиях, при взгляде на кои он вызывается предсказать будущую судьбу рождающихся. Если же он в таком случае ничего не замечает особенного в созвездиях, если, по его словам, Исав и Иаков должны были родиться под одним созвездием, то что пользы ему, что в продолжение и одного мгновения бывает перемена на небе (которое он безрассудными действиями своими так жалко поносит), но не бывает ее на его табличке, на которую он напрасно с такою заботливостью смотрит? На таковые мнения людей о важности некоторых гадательных знаков, установленных предубеждением человеческим, в некотором отношении не иначе надобно смотреть, как на некоторого рода договор и условие со злыми духами.

XXXV. В самом деле, люди, пристрастившиеся к пагубной науке гадать, которая собственно есть наука только издеваться над другими и обманывать их, за такое пристрастие свое, по не-

¹ Быт. 25:25.

коему тайному суду Божию, подпадают нередко тайному влиянию падших ангелов, которые смеются над ними и обманывают их, — тех ангелов, коим, сообразно премудро установленному порядку вещей, по закону Божественного Провидения, попускается иногда иметь некоторое влияние на сию низшую часть мира. От сих насмешек и обманов злых духов происходит то, что суеверное и гибельное искусство прорицания иногда действительно открывает прорицателям нечто из прошедшего и будущего и сказывает им немало такого, что в последствие времени оправдывается отчасти событиями и соответствует собственным их наблюдениям. Такие небольшие удачи возбуждают и питают их любопытство, вследствие чего они более и более запутываются и запутывают других в сети зловредного заблуждения. О сем роде душевного прелюбодеяния в предосторожность нам не умолчало и Св. Писание. Оно отвращает нашу душу от него не тем только, что называет обманщиками всяких гадалышников, но и тем, что говорит: «Если скажут вам и сбудется, не верьте им»¹. Посему святотатственное искусство, при помощи которого возвана была тень умершего Самуила², достойно всего отвращения и проклятия, хотя тень она, будучи представлена царю Саулу, предрекла ему истину³. И апостол Павел, как свидетельствует книга Деяний, не пощадил духа злобы в некоей чревовещательнице, но запретил ему и изгнал его из женщины, несмотря на то, что она сим духом изрекла истинное свидетельство об апостолах.

XXXVI. Посему христианин должен презирать и отвергать все те искусства и науки, которые, будучи основаны на столь безрассудном и вредном суеверии, предполагают еще некоторое сообщение людей с дьяволами, — должен удаляться их, как удаляется вероломной и опасной дружбы. «Это не потому, — говорит апостол, научая презирать идолопоклонство, — что идол есть что-нибудь, но потому, что приносящие ему жертву приносят бесам, а не Богу; а я не хочу, чтобы вы были в сообщении с бесами»⁴. Что сказал апостол об идолах и о жертвоприношениях, совершаемых в честь идолов, то должно разуметь и о всех прочих видах и предметах суеверия, кои ведут к идолопоклонству, к воздаянию Божеского почтения твари или какой-либо части ее, внушают различные суеверные действия и замечания, о всем том, что не установлено свыше для всеобщего употребления, по духу любви к Богу и ближнему, а есть следствие одной любостыжательности частных лиц и только расстраивает сердца слабых. Во всех сих искусствах должно бояться и избегать сообщения с бесами, которые с начальником своим дьяволом ни о чем столько не стараются, как о том, чтобы удерживать нас в сообщении с собою и не

¹ Втор. 13:1—3.

² 1 Цар. 28:17.

³ Сир. 46:23.

⁴ 1 Кор. 10:19.

дать нам обратиться к Богу. Между тем, к сожалению, у людей составились ложные мнения не об одних звездах, которые своим бытием и устройством в порядке творения возвещают токмо славу Божию, а не судьбу человеческую; многие много уже написали относительно прочих случаев рождения (у животных) и вообще относительно различных происшествий мира, забыв, что они совершаются под управлением Божественного провидения, а не наших мудрований. Мечты и догадки в рассуждении сего выдаются даже за твердые правила, как бы оправданные самими опытами. А какие это опыты? Такая-то ослица родила там-то, громовый удар разбил то и то, то есть последовало что-либо необыкновенное.

XXXVII. Все подобные суеверные действия постольку бывают иногда значительны, поскольку из сердечного предубеждения в пользу них бедных людей образовался некоторого рода как бы всеобщий договор с демонами, между тем как сами по себе они все исполнены только вредного любопытства, мучительных забот и гибельного рабства. Ибо они не потому замечены людьми, чтобы действительно имели какую-либо силу, но потому имеют нередко силу, что люди посредством своих замечаний и примет, так сказать, вынудили их иметь какую-либо силу. По сей-то причине последствия этих действий не для всех бывают одинаковы, но большей частью сообразны с мыслями и предубеждением каждого. Ибо злые духи, желая содержать человека в обмане, льстят ему доставлением того, что, как они видят, сообразно с его ожиданиями и хотением. Для пояснения сего предмета употребим несколько примеров: крестообразная буква X иное значит у греков, а иное у латинян, и это зависит не от свойства самой буквы, а от произвола и взаимного условия людей соединять с нею то или другое значение, и потому человек, знающий греческий и латинский языки, пища к греку, совсем в другом значении употребляет букву x, нежели в каком употребляет ее, пища к латинянину. Так же слово «бета» у греков есть название известной буквы, а у латинян означает огородное зелье; подобным образом когда произношу слово lege, иное разумеет грек («говори»), иное латинянин («читай»). Такое различие значений в одних и тех же словах и их относительная вразумительность, очевидно, зависит от тех условий, какие люди поставили между собою в рассуждении их. Не условия произошли от значений, а значения от условий, таким точно образом и сила различных суеверных действий, которые ведут к гибельной связи с бесами, зависит от частных наблюдений и предрассудков каждого, а не от них самих. Все это яснейшим образом показывают обряды и обыкновение птицегадателей ни пред наблюдениями, ни после не допускать смотреть на полет птиц или слышать крик их. Почему? Потому что все сии приметы весьма ничтожны сами по себе, если не предварен в пользу их наблюдающий.

XXXVIII. Пожелав христианину совершенной свободы от подобных вредных и богопротивных суеверий, я должен еще рассмотреть те установления или изобретения человеческие, которые не заключают в себе ничего суеверного и которые обязаны своим происхождением собственно людям без всякого сообщения их с бесами. Сюда относится все то, что находится в употреблении у людей и имеет свое значение, такое или другое, не само по себе, а по одной только воле человеческой, из каковых вещей одни вовсе не нужны и служат более для удовольствия и роскоши, а другие полезны и необходимы. Ибо если бы различные знаки, представляемые, например, танцующими комедиантами, были понятны сами по себе, естественно, а не по принятому обычаю соединять с ними известные значения, то не было бы, например, нужды, чтобы герольд народный изъяснял карфагенянам, что хотел подобными знаками выразить один их пантомимик, танцевавший пред ними, как об этом доселе рассказывают многие старые люди, от коих и мы это слышали. Да и нечего удивляться в сем отношении карфагенянам, когда и теперь еще у нас самих человек, неопытный в рассуждении подобных мелочей, вошед в театр, при всем своем внимании не понимает значения действий, представляемых там пантомимами, если кто-либо другой не изъяснит ему оных. Правда, что все желают видеть ближайшее сходство означającego с означаемым, т.е. чтобы знаки, сколько возможно, были подобны предметам, ими выражаемым, и стараются достигнуть сего, но поелику одно может быть подобно другому в различных отношениях, то вообще вразумительность знаков по необходимости зависит от согласия в значении их.

XXXIX. Что касается произведений живописи, ваения и других подобных искусств, особенно если сии произведения означены опытною художников, то всякий при взгляде на оные большею частью непогрешительно узнает, чему они подобны и что ими выражается. Несмотря на то и эти произведения должны быть относимы более к роду ненужных вещей, исключая те, кои ясно показывают свое особенное какое-либо значение, побудительную причину, место, время и особенную цель происхождения. Наконец, к числу совершенно бесполезных изобретений человеческих относятся тысячи различных басен и вымыслов, которыми издавна забавляются люди. И вообще должно сказать, что между изобретениями человеческими, чем более какое произошло от самих людей, тем более исполнено лжи и обмана. Полезные же и необходимые установления человеческие суть те, коими определяется известный образ одежды и уборов для различия пола и звания; также бесчисленные роды знаков, без которых общество человеческое или вовсе быть не может, или было бы несовершенно, куда должно отнести известный вес, меру, клеймо и цену монет; что все у всякого народа и общества свое, в особенном виде, и что, без сомнения, не было бы различ-

но у различных народов и в одном и том же народе не изменялось бы по воле правителей, если бы не было вообще установлением человеческим.

XL. Христианин не только не должен презирать постановлений человеческих, нужных в жизни, но должен, сколько можно, наблюдать их и удерживать в памяти. Ибо в числе их есть такие, коих черты сняты с самой природы. Из постановлений человеческих должны быть отвергаемы и презираемы те только, которые относятся, как выше замечено, к сообщению с бесами, все же прочие, коими люди соединяются с людьми, кроме ненужных и излишних, достойны нашего внимания, таковы особенно начертания письмен, без которых мы читать не можем, различные языки, познание которых нужно, как мы о том сказали выше. Сюда же относятся и знаки сокращения, известные так называемым нотариам или писцам под сокращениями. Все это знать полезно, всему этому учиться позволительно, оно не ведет к суеверию, не есть что-либо излишнее, если столько занимает нас, что не препятствует нам к достижению высших целей, для которых все это собственно и должно быть предназначено.

XLI. Теперь обратимся к установлениям не человеческого происхождения. К ним должно отнести все то, что не изобретено самими людьми, а принято ими от прежних времен, или свыше, от Бога, в чьих бы руках и устах оно потом ни сохранялось. Из сих открытий одни касаются тела и чувств, другие души и разума. Первые состоят или из повествований, или из описаний, или наконец из опытов и дел механических.

XLII. Таким образом, все, что повествует о преемственном последовании прошедших времен, так называемая история, весьма много способствует нам к уразумению священных книг, хотя без отношения ее к Церкви она составляет науку самую детскую. Ибо мы многое в Писании раскрываем и по олимпиадам, и по именам консулов, как, напротив, незнание консульства, во время которого родился Господь и при котором пострадал Он, ввело некоторых в такое заблуждение, будто Господь пострадал на сорок шестом году своей жизни, потому что Иерусалимский храм, прообразовавший тело Господне, строился сорок шесть лет, как говорили иудеи. Что Иисус Христос был лет около тридцати, когда крестился, это мы верно знаем из Евангелия¹, но как долго Он жил на земле после крещения, о сем мы можем только гадательно заключать, взяв в рассмотрение дела Его, с большею же точностью это может быть определено из истории языческой по сопоставлении ее с Евангелием. Тут открывается и то, что не напрасно упомянуто о сорокашестилетнем строении храма иерусалимского. Поелику сие число лет никак не может быть применено к летам земной жизни Иисуса Хрис-

¹ Лк. 4:23.

та, то оно без сомнения имеет какое-либо особенносмысленное отношение к устройению тела человеческого, которое из любви к нам не возгнушался принять на себя единородный Сын Божий, им же все быша.

XLIII. Польза истории делается для нас еще более ясной, когда представим себе, сколь важное употребление сделал из нее (не говоря уже о писателях греческих) наш Амвросий против читателей и любителей Платона, дерзавших говорить, что все учение Господа нашего Иисуса Христа, столь высокое и прославляемое ими самими, заимствовано из сочинений Платона, того Платона, который жил гораздо ранее нашего Спасителя! Упомянутый епископ не с большей ли достоверностью при помощи истории доказал вовсе противоположное дерзкой мысли любителей Платона¹? Нашед в истории, что сей славный греческий философ предпринимал путешествие в Египет во время Иеремии, именно тогда, как и сам пророк сей был в Египте, Амвросий самым правдоподобным образом вывел из того, что все лучшее в учении и сочинениях Платона есть следствие наставления, которое преподавал ему Иеремия. Ибо учение еврейского народа, в котором одном сияло почитание единого Бога и из которого пришел к нам по плоти Господь наш, явилось гораздо ранее времен самого Пифагора, у позднейших последователей которого Платон, как говорят сами любители его, учился богословию. Итак, по соображении времени, гораздо более вероятным оказывается то, что языческие мудрецы в лучших и более верных местах своего учения заимствовали от учения нашего, нежели что Господь наш Иисус Христос заимствовал свое учение от Платона, что совершенно ложно и нелепо.

XLIV. Поелику история между прочим повествует и о всех

NB *Мифотворчество истории Августин проглядел: история повторяется. Мы, люди, всегда хотим чувствовать, истинна эта история или ложна, но увь... История и достоверность расходятся. Уже Августин строго развеял задачи астрономии (звездочетства) и задачи астрологии (прорицательства): первое — наука, второе — бесовщина. Однако полностью их отделить друг от друга не удалось до сих пор.*

прошедших установлениях или произведениях человеческих, то самую историю по тому самому уже не должно относить к числу изобретений собственно человеческих, что показывает и самый предмет ее, ибо все прошедшее не может уже быть переделанным и должно оставаться навсегда в том порядке времен, которого творец и правитель есть один Бог. Иное дело — повествовать о событиях, иное — учить что-либо делать, история повествует о минувших происшествиях с достоверностью, имея в виду пользу читателей, книги же гадателей и другие подобные им сочинения учат что-либо делать

¹ По-видимому, Августин ошибался, поскольку в сочинениях Амвросия такого высказывания нет.

или наблюдать, имея вместо всякого основания только дерзость учителей, а не достоверность повествователей.

XLV. Есть еще повествования, подобные речи описательной (demonstratio), кои имеют предметом своим не прошедшее что-либо, а настоящее. Таковы сказания о местоположении стран, о свойствах известных животных, дерев, трав, камней и других вещей. О всех сих предметах мы рассуждали выше и сказали, что знание их способствует к уразумению многих иносказательных мест Писания, только они сами не должны быть употребляемы вместо знаков, ведущих к какому-либо суеверию; в сем последнем отношении занятие ими мы уже назвали непозволительным. Ибо иное дело сказать: у тебя не будет болеть живот, если натерши такой-то травы будет пить воду, сию настоянную; иное: у тебя не будет болеть живот, если повесить сию траву себе на шею. В первом случае употребление вещи бывает полезное и одобряется, в последнем — суеверное предубеждение в рассуждении о ней, и осуждается. Но можно свободно пользоваться известною вещью, которая служит к здоровью тела, будучи к нему привязана или другим каким-либо образом приложена, хотя бы неизвестно было, каким именно образом имеет она столь благотворное влияние на тело. Главное правило в сем случае то, чтобы при употреблении ее не было никаких заговариваний, призываний и суеверных примет, иначе христианин тем более должен бояться пользоваться ею, чем более она кажется полезною ему. Когда неизвестно, почему какая-либо вещь полезна и имеет такую или другую силу, то в таком случае позволительность или непозволительность употребления ее зависит от употребляющего, то есть от того, в каком духе и с какою целью она употребляется; сею целью должно быть только восстановление или благорастворение телесной природы, посему подобные вещи и должны быть употребляемы только в медицине и земледелии.

XLVI. Учение о телах небесных состоит не из повествований, а из описаний, коими нельзя пренебрегать вовсе, потому что Св. Писание, хотя о немногих звездах, но упоминает. И течение Луны, по приспособлению к которому ежегодно празднуется известное время в честь страдания Господа, само по себе известно многим, но весьма немногие хорошо знают время восхождения, захождения и другие особенности прочих светил небесных. И сказать правду, сие познание само по себе хотя ничего не представляет суеверного, несмотря на то для занимающегося Божественным Писанием не много полезно, а при бесплодном усилении извлекать из него то, чего в нем нет и быть не может, бывает даже вредно; и тот не много теряет, кто вовсе не занимается им, как таким предметом, который служит основанием пагубным обманам, издавна находясь в руках шарлатанов и слепых прорицателей. Впрочем, учение о звездах, кроме описания предметов настоящих, в некоторых частях своих имеет вид повество-

вания о прошедшем, ибо от настоящего положения и движения звезд можно со строгою правильною заключать к прошедшему и таким образом возобновлять прежние их следы и положения. Кроме сего оно предлагает верные, на исчислении основанные предсказания и о будущем, только не в рассуждении наших дел и приключений, о которых обыкновенно бредят прорицатели, а в рассуждении самих же звезд. Ибо зная, какой теперь месяц, посредством счисления можно наверно сказать, какой был именно в такое-то время за несколько лет пред сим и какой будет через несколько лет после сего. Подобное сему могут говорить и о всякой звезде люди, надлежащим образом занимающиеся звездочетством. Но я уже довольно сказал, что, по моему мнению, нужно было сказать об употреблении сего рода знаний.

XLVII. Подобным же образом, на основании прошедших опытов верно предугадывается будущее и в рассуждении прочих искусств, которые или производят что-либо надолго остающееся, как например: дом, стул, какой-либо сосуд и прочее тому подобное, или даже служат, можно сказать, орудием благотворных для нас действий Божиих, каковы: врачебная наука, земледелие, наука правления, или ограничиваются одним только представлением действий, каковы — танцы, ристалица, борьба. Всякий занимающийся сими искусствами не иначе приступает к самому делу, как на основании прошедших опытов, с уверенностью в успех будущих. Познание о всех сих искусствах, как имеющее немалое приложение в обыкновенной жизни человеческой, и для нас не бесполезно, не для того, чтобы самому заниматься ими на деле, разве потребует того какая-либо нужда, о чем я здесь не говорю, но для того, чтобы иметь возможность хоть сколько-нибудь судить о сих искусствах там, где Св. Писание касается их иносказаниями, от них заимствованными.

XLVIII. Теперь остается сказать о науках уметвенных, из коих особенно достойны нашего внимания наука рассуждать и наука счислять. Первая весьма много способствует к разрешению трудных мест Писания, но не должно употреблять ее из одного желанія спорить и детского тщеславия уловлять противника. Ибо много есть так называемых софизмов, то есть ложных следствий на основании истинных причин, которые так бывают иногда правдоподобны, что будучи принимаемы без надлежащего внимания уловляют не только людей простых, но и самых остроумных. Так некто предложил другому следующее: ты не то, что я; последний согласился на сие положение, потому что оно было отчасти и истинно; предлагавший был хитр, а тот прост. Но я — человек, прибавил первый. Когда было допущено и сие, то он заключил: следовательно, ты не человек. Само Писание, по моему мнению, осуждает все подобные уметования, когда говорит: «Применяющий в речах софизм ненавистен»¹. Софистическую

¹ Сир. 37:23.

речью называется и та, которая, хотя не заключает в себе подобных хитросплетений, но более обильна и в рассуждении красоты слов более изысканна, нежели сколько бы требовала того важность ее предмета.

XLIX. Бывают умозаключения верные по соединению мыслей, но неверные по самым мыслям, кои выходят из какого-либо ложного положения, принятого за истину тем, с кем мы говорим. Самые добрые и ученые люди употребляют их для того, чтобы заблуждающиеся устыдились своих мыслей и оставили их из опасения в противном случае явно показать свою привязанность к тому, что сами почитают неверным. Так, апостол не истину выводил в заключении, когда говорил: «то Христос не воскрес» или «тщетна проповедь наша, тщетна и вера наша»¹: все сии мысли совершенно ложны, поелику и Христос воскрес, и не тщетна была проповедь тех, которые возвещали о сем, ни вера тех, которые поверили сему; между тем мысли сии, заключающиеся в вышеприведенных словах его, несмотря на их ложь, находятся в истинной и необходимой связи с мыслию: воскресения мертвых нет. Для чего же употреблены сии мысли апостолом? Для того, что отвергнув первую, которая была бы справедлива, если бы была справедлива последняя, мы необходимо заключаем, что мертвые воскресают. Соединять истинным образом между собою мысли не только верные, но и ложные удобно можно научиться в школах мирских, вне Церкви, но истина мыслей преимущественно должна быть почерпаема из Св. Писания.

L. Истина соединения мыслей не есть изобретение человеческое, она только дознана людьми и замечена для того, чтобы можно было ей учиться и учить, сама же в себе она есть вечный закон природы, свыше устроенный. Как тот, кто повествует по порядку времен о различных событиях, ничего в сем порядке не изобретает сам; кто говорит о местоположении известных стран, о свойствах каких-либо животных, растений и камней, о звездах и их движении, ничего не говорит такого, что было бы измышлено им самим, или изобретено другими; равным образом, кто говорит: если ложно последующее, то необходимо ложно и предыдущее, говорит самую правду; но сия правда не от него зависит, а он показывает только, что это правда. На сем самом умоположении или логическом законе утверждается сила и вышеприведенных слов апостола, ибо им предшествует следующая ложная мысль: воскресения мертвых нет (так говорили некоторые, коих апостол хотел вывести из заблуждения). Из сих слов — воскресения мертвых нет — необходимо следует: Христос не воскрес, но сие следствие ложно, ибо Христос воскрес, следовательно, ложно и то, что служит основанием ему, именно, что воскресения мертвых нет. Итак, есть воскресение мертвых! Все сие

¹ I Кор. 15:14.

можно представить короче следующим образом: если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; но Христос воскрес, следовательно, есть воскресение мертвых. Закон сей, по которому вследствие отвержения последующего отвергается и предыдущее, только дознан людьми, а не произвольно ими установлен, и относится к истинности соединения мыслей, а не к истине самих мыслей.

LI. Умозаключение о воскресении мертвых, изложенное в упомянутом месте, верно и по закону соединения мыслей, и по своему следствию. Но следствия, верные только по правилам соединения мыслей, могут быть выводимы и на основании ложных положений. Так, представим себе, что кто-либо допустил следующее наше положение: если улитка есть животное, то имеет дар слова. Поелику при отвержении последующего, как мы уже сказали, необходимо отвергается и предыдущее, то, доказав, что улитка не имеет дара слова, мы будем вправе заключить, что она не есть животное. Мысль сего заключения очевидно ложна, но самое заключение, по правилам соединения мыслей, вследствие допущенного ложного положения истинно. Таким образом, истина мыслей сама по себе имеет достоверность, но истина соединения мыслей зависит от мнения или согласия того, с кем говорим мы. Умозаключение, верные по соединению мыслей, но неверные по самим мыслям, должны быть употребляемы, как мы выше сказали, для вразумления заблуждающихся, для приведения их в такое состояние, в котором они принуждены были бы сами сознать неверность своих мыслей, видя, что они ведут к нелепым заключениям. Но как на основании ложных положений могут быть выводимы и истинные заключения, так, напротив, на основании истинных могут быть выводимы и ложные. Положим, что некто говорит нам: если такой-то справедлив, то добр; мы соглашаемся на сие, нам говорят потом: он несправедлив, мы принимаем и это, но из сего вдруг заключают: следовательно, он не добр. В сем умозаключении мысли верны, но неверно соединение мыслей: ибо по отвержении предыдущего не столь необходимо отвергается последующее, сколь необходимо по отвержении последующего отвергается предыдущее. Истинно будет наше положение, когда скажем: если он оратор, то человек. Но прибавив: он не оратор, — мы неверно заключим: он не человек.

LII. Посему иное дело знать правила соединения мыслей, иное — знать самую истину мыслей. Первые учат нас только тому, что следует из данного положения, что не следует и что противоречит ему. Если он оратор, то человек: здесь последняя мысль следует из первой; если он человек, то оратор: здесь не следует; если он человек, то существо четвероногое: здесь противоречит. Во всех подобных случаях оценивается одна связь мыслей или их соединение между собою. Что же касается до самой истины в мыслях, то при сем должно обращать внимание

уже на самые мысли, а не на соединение их, нужное только при заключениях; если мысли верны и очевидны, то от них получают свою достоверность и другие, менее известные, если только правильно соединяются с ними или выводятся из них. Некоторые, научившись правилам соединения мыслей, тщеславятся тем, постольку как бы научились истине самых мыслей, а некоторые, зная одни истины мыслей, жалуются на себя, что не знают правил истинного соединения мыслей. Сия жалоба напрасна: по-моему, лучше твердо знать, что есть воскресение мертвых, нежели что если воскресения мертвых нет, то и Христос не воскрес.

III. Таким образом, наука делать определения, разделения и исчисления частей не есть наука ложная, хотя ее весьма часто употребляют для определения и разделения предметов ложных, и не изобретена людьми, но только дознана ими на опыте. Из того, что ее употребляют поэты в своих вымыслах, лжеумудрователи, еретики и лжехристиане при доказательствах своего заблуждения, нисколько не следует, якобы ложно было, например, то правило, что в определение и разделение не должно вносить ничего такого, что не относится к самому предмету, ни составлять того, что относится. Правило сие справедливо, хотя предметы определяемые и разделяемые могут быть ложны. Так мы можем определить и самую ложь: ложь есть то, что представляется совсем иным, нежели каково само в себе есть. Определение верное, хотя предмет его — ложь не может быть истинною. Столь же верно мы можем и разделить ложь. Два рода ложного: к первому относится то, что вовсе невозможно; ко второму — то, чего нет, но что может быть. Например, кто говорит, что семь и три составляют одиннадцать, говорит вовсе невозможное, а кто говорит, что в календы, например, январские был дождь, говорит возможное, хотя бы сего на самом деле и не было. Таким образом, определение и разделение самих ложных предметов могут быть истинные, хотя сами предметы нисколько не делаются через то истинными.

LIV. Такое же точно достоинство имеют и правила, посредством которых научаемся рассуждать о предмете с разных сторон и в разных отношениях, каковы правила известны под именем красноречия. Сами по себе они истинны, хотя могут быть употребляемы для убеждения других в чем-либо ложном; а поелику

NB *Так и учитель: речь его должна иметь слушателя, и в то же время она должна быть краткая, ясная и вразумительная, чтобы разнообразие было без излишества — для удерживания внимания учеников.*

они же могут быть употребляемы для убеждения других в самой истине, то нимало не предосудительны, предосудительно только злоупотребление их. Не от людей установлено то, чтобы, например, живое описание любви пленяло слушателя, чтобы речь краткая и ясная была вразумительна для него, чтобы разнообразие оной — без

излишества — невольно поддерживало внимание его. Не от людей установлены и другие некоторые правила витийства, кои хотя употребляются к раскрытию и истинных и ложных предметов, несмотря на то сами по себе истинны, поколику способствуют либо знать что-либо, либо веровать чему-нибудь, и поколику руководствуют к убеждению сердца в том, чего оно должно желать или отвращаться. Люди только дознали на опыте, что сии правила точно таковы сами по себе, какими кажутся, а не изобрели их, чтобы они были точно такими.

LV. Правила красноречия образуют более дар слова, нежели способность мышления, правила же заключения, определения и разделения образуют более ум. Впрочем, научившись тем и другим, не должно думать о себе, как некоторые думают, мечтая, будто они постигли через то самую тайну блаженной жизни, это заблуждение. Познание сих правил не столько важно, как представляют его некоторые, ибо часто случается, что люди скорее понимают самые предметы, для уразумения которых преподаются правила, нежели запутанные уроки о правилах. Например, если бы кто, желая преподавать правила ходить, говорил: не должно поднимать второй ноги прежде, нежели будет поставлена первая, которая была поднята, далее подробно описал бы, как должно двигать верхними и нижними частями колен, — такой учитель говорил бы правду, ибо иначе, как он говорит, нельзя и ходить, но люди, делая все это и без учения, скорее ходят, нежели замечают, что делается ими при хождении, нежели понимают, когда им говорят о том. Те же, которые не могут ходить и собственным опытом проверить преподаваемые им правила, еще менее нуждаются в оных. Подобным образом остроумные люди весьма часто видят неверность какого-либо умозаключения скорее, нежели понимают правила самого умозаключения; тупые же, если не видят первого, тем менее разумеют силу последних. Вообще о сих правилах должно сказать, что они чаще доставляют нам удовольствие, способствуя представлять истину в различных видах картинным образом, нежели чтобы способствовали нам много при нашем исследовании и рассуждении об истине; в пользу их можно прибавить разве еще то, что они придают уму нашему большую опытность и делают его оборотливее, но эта польза достигается совершенно только тогда, если они не делают ума нашего злохитрым и надменным, т.е. если те, которые научились им, не обманывают других, умея представить ложь за истину, и не тщеславятся пред краткими и тихими людьми тем, якобы они знают и постигли нечто важное.

LVI. Что касается до науки о числах, то и для самого простого человека ясно, что она сотворена не людьми, но только исследована и открыта ими. Ибо в ней нельзя делать по произволению таких перемен, какие делаются в круге других наук. Так, *Виргилий* захотел, чтобы первый слог слова «Италия» был долгий, и сделал то, несмотря на древнее произношение, по космо

он был коротким, но в науке о числах никак нельзя сделать того, чтобы, например, трижды три не было девять, чтобы девять не составляло квадрата по отношению к корню своему трем, не было втрое более трех, в полтора более шести и, как нечетные числа не имеют двух половин равных, чтобы оно могло быть ровно вдвое более какого-либо числа. Таким образом, законы чисел, рассматривать ли сии числа сами в себе или в отношении к законам каких-либо фигур, звуков и других движений, всегда неизменны и не установлены людьми, а только открыты прозорливейшими из них.

LVII. Но кто, полюбя все сии науки, только тщеславился бы познанием их пред неопытными, а не старался бы исследовать, отчего именно те из них истинны, которые он нашел действительно истинными, отчего другие не только истинны, но и неизменяемы; кто, от образа предметов чувственных восходя к душе человеческой, познал бы, что и она есть существо изменяемое — бывает образованна и необразованна, и несмотря на то, занимает среднее место между истинною неизменяемою, которая выше ее, — кто, говоря, познал бы все это, но не обращал своих познаний к славе и любви единого Бога, Творца всяческих, такой человек достоин имени только ученого человека, но отнюдь не мудреца.

LVIII. Посему юношам, приверженным к наукам, юношам даровитым, имеющим страх Божий и взыскующим блаженной жизни, весьма полезно, по моему мнению, предложить следующее наставление: не должно без всякого исследования увлекаться никаким учением, преподаваемым вне Церкви Христовой, и вверяться ему, как руководству к достижению блаженной жизни; напротив, всегда должно предварительно рассудить о нем со всем вниманием и осторожностью. Если в числе наук, изобретенных людьми, найдутся нестройные и разногласные между собою по различию духа и намерения изобретавших оные, и сомнительные по подозрению в заблуждении самих изобретателей, особенно если в сии науки привходит явное или тайное сообщение с демонами посредством известных магических знаков, как бы некоторых дьявольских условий и договоров, то все такие науки должны быть отвергаемы и презираемы без милосердия. Не должно заниматься и теми из них, которые не слишком нужны и служат только для одного удовольствия. Науки и постановления человеческие, относящиеся к общежитию, по необходимым потребностям настоящей жизни не должны быть пренебрегаемы. Что же касается до прочих наук языческих, то они, по моему мнению, вовсе бесполезны, исключая из сего только историю, повествующую о предметах прошедшего или настоящего времени, некоторые искусства, основанные на опыте и благоразумной догадливости и полезные для тела, и науку рассуждать (логику) и числитель. Но и в этих даже науках, а особенно имеющих предме-

том своим одно чувственное, находящееся во времени и пространстве, должно держаться известного правила: ничего лишнего (*nequid nimis*)!

LIX. Некоторые предприняли уже труд изъяснить все слова еврейские, сирийские, египетские и из других языков, которые только могут встретиться в Писании и не изъясняются им самим, а Евсевий написал и историю, на основании которой лучшим образом решаются многие вопросы относительно книг священных; все это делается и сделано для того, чтобы избавить христианина от необходимости трудиться над многим для малого. Подобным образом вижу, что люди, имеющие надлежащие сведения, могли бы для пользы собратий решиться на приятный и благой труд привести в порядок и изложить отдельно все, что упоминается в Писании о местоположении различных земель, о животных, травах, деревьях, камнях, металлах и проч. Можно заняться изъяснением и самих чисел, по крайней мере тех, на которые указывает Писание. Вероятно, и были люди, которые уже изъяснили некоторые или даже все сии предметы, ибо случается нам находить многие сочинения добрых и ученых христиан, о которых мы прежде не знали; такие изъяснения неизвестны нам или по нерадению о них, или с намерением сокрыты от нас завистниками. Не знаю, можно ли предлагаемый мною труд предпринять и относительно науки рассуждать (*disputandi*)? Кажется, что нельзя, ибо она тесно соединена со всем составом Писания и должна повсюду распространяться в нем, наподобие нерва. Впрочем, сия наука помогает читателям более в разрешении и изъяснении двусмысленных мест Писания, о чем я буду еще говорить, нежели в познании неизвестных знаков и слов, составляющих предмет настоящего рассуждения нашего.

LX. Если так называемые философы, особенно платоники, как-нибудь случайно сказали что-либо истинное и сообразное с нашею религиею, то такого учения мы должны требовать от них, как от незаконных владетелей, а не бояться его. Ибо как египтяне имели не одних идолов и тяжкие работы, чем народ израильский должен был гнушаться и чего избегал, но вместе с тем имели серебряные и золотые сосуды и украшения, имели различные одежды, что оный народ, выходя из Египта по самому определению Божию, истребовал себе у них как бы для лучшего употребления, и чем египтяне, как не знавшие надлежащего употребления, сами ссудили израильтян без собственного о том сознания, так и науки языческие заключают в себе не одни только пустые и суеверные вымыслы, предлагают не одно тяжелое бремя бесполезного труда, чего должен отвращаться и убегать каждый из нас, оставляющей общества языческие и последующий Христу, но содержат в себе и благородные познания, весьма благоприятные пользе истины, содержат и некоторые правила нравственные весьма благопотребные, и немалое число истин, относящихся к почитанию единого Бога. Все сие, лучшее в учении язычников,

есть как бы серебро и золото, не сотворенное ими самими, а только ископанное, так сказать, в рудниках Божественного, всеисполняющего Провидения, есть драгоценность, злоупотребляемая ими на служение демонам, которую однако христианин, мысленно чуждаясь опасного в других случаях сообщения с язычниками, должен исторгать у них для пользы евангелия. Позволительно христианину заимствовать и обращать в свою пользу самые даже одежды язычников, т.е. постановления их, полезные в общезитии, от которого мы в настоящей жизни отложиться не можем.

LXI. Ибо не поступали ли так и многие из добрых и верных сынов Церкви нашей? Не видим ли, как обремененный множеством золота, серебра и одежд вышел из Египта сладкоглаголивый учитель и блаженный мученик Киприан? Сколько подобных сокровищ вынесли оттуда Лактанций, Викторин, Опат, Иларий (не говорю о моих современниках)? Сколько извлек бесчисленный сонм греческих церковных писателей? Прежде же всех сделал такое заимствование сам Моисей, вернейший слуга Божий, о коем написано: «был воспитан Моисей во всей мудрости египтян»¹. Суеверное обыкновение язычников никогда, особенно же в те времена, когда они пытались скинуть иго Христово и преследовали христиан, никогда, говорю, не дало бы вышеупомянутым мною мужам в заем тех наук, кои у самих язычников почитались полезными, если бы эти язычники могли подозревать, что их науки обратятся когда-либо в орудие к почитанию единого Бога, коим должно разрушиться суетное служение идолам. Но идолопоклонники дали в заем серебро, злато и одежду исходящему из Египта народу Божию, сами не ведая, каким образом то, что они давали, впоследствии может со временем обратиться в послушание Христово. Таким образом, заимствование сокровищ египетских, описанное в книге Исхода², по моему мнению, есть преобразование сего нового заимствования, что, впрочем, да будет сказано без предубеждения ко всякому другому смыслу означенного места в книге Исхода, равному или лучшему.

LXII. Наставляемый мною таким образом любитель Св. Писания, решаясь испытывать оное, непрестанно должен содержать в мысли своей следующее замечание апостольское: «знание наполняет спесью, а любовь строит»³. Ибо через сие он почувствует ту важную истину, что хотя бы из Египта вышел он богат, но если не совершит Пасхи, то не может спастись. А «Пасха, за нас закланная, есть Хрис-

В *Есть знание как многознание, но оно не научает правильной жизни. А освещенное целостнос-*

ет ту важную истину, что хотя бы из Египта вышел он богат, но если не совершит Пасхи, то не может спастись. А «Пасха, за нас закланная, есть Хрис-

¹ Деян. 7:22.

² Исх. 3:22; 12:35.

³ I Кор. 8:1. Августин применил термин *aedifico* — «возводить постройку, строить, сооружать, воздвигать, созидать, творить, основывать, создавать».

тью миропонимания и любовью знание направляет на жизнь добродетельную. Нам, сегодняшним учителям, восстанавливающим знания второго порядка, бывает трудно, ибо сегодня востребованы зрудиты. Какой канал телевидения ни включишь — все конкурсы всезнаек.

ним сердцем, коих не надмевает знание, а любовь созидает? Должно помнить, что праздновавшие древле непросвещенными Пасху, получив повеление омочить в крови агнца пороги дверей, прознаменовали их иссопом¹. Сия трава кротка и смиренна, но ничего нет сильнее и пронизательные корни ее, дабы подобно сему и мы, «в любви укоренившиеся и основавшиеся, могли воспринять со всеми святыми, что есть ширина, и длина, и высота, и глубина»², т.е. могли разуть Крест Господа, где шириною называется поперечное дерево, на коем распростираются руки; длиною — дерево, восходящее от земли до самой широты (поперечного дерева), на коем пригвождается целое тело, начиная от рук и ниже оных; высотой — дерево от широты (поперечника) простирающееся в высоту до самого верха, где прикрепляется голова; а глубиною — нижний конец, водруженный в земле и там скрывающийся. Сим знамением Креста описывается вся деятельность христианская, т.е. обязанность благочестиво действовать во Христе и постоянно в нем пребывать, часть небесного и пред непосвященными не поведать втуне таинств веры. Очищенные на поприще сей деятельности, мы будем в состоянии «познавать даже преобладающую знанием любовь Христа»³, по коей Он равен есть Отцу, им же все есть, и наполнен всей полнотой Божией. Есть в иссопе и сила очистительная, дабы надмеваясь

NB *Знание языческое правильное, рассуждает Августин, но от природы — Бог скрыт за ним. А знание духовное — от самого Бога, и Он проявлен в устах идеального человека.*

знанием от богатства, похищенного из Египта, наше легкое, распухившись, не стало издавать некоторой гордой отдышки. «Окропи меня иссопом, — говорит пророк, — и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселье»⁴. Вслед за

Кому легко, как не кротким и смиренным сердцем, коих не надмевает знание, а любовь созидает? Сия жертва Христова преимущественно научает нас тому, о чем сам Спаситель взывает к тем, коих видит Он как бы труждающимися в Египте при фараоне: «Идите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я дам покой вам. Возьмите ярмо Мое на вас и научитесь от Меня, потому что кроткий Я есть и смиренный сердцем, и найдете покой душам вашим. Ведь ярмо Мое ласково, и бремя Мое легко»⁵. Кому легко, как не кротким и смиренным сердцем, коих не надмевает знание, а любовь созидает? Должно помнить, что праздновавшие древле непросвещенными Пасху, получив повеление омочить в крови агнца пороги дверей, прознаменовали их иссопом¹. Сия трава кротка и смиренна, но ничего нет сильнее и пронизательные корни ее, дабы подобно сему и мы, «в любви укоренившиеся и основавшиеся, могли воспринять со всеми святыми, что есть ширина, и длина, и высота, и глубина»², т.е. могли разуть Крест Господа, где шириною называется поперечное дерево, на коем распростираются руки; длиною — дерево, восходящее от земли до самой широты (поперечного дерева), на коем пригвождается целое тело, начиная от рук и ниже оных; высотой — дерево от широты (поперечника) простирающееся в высоту до самого верха, где прикрепляется голова; а глубиною — нижний конец, водруженный в земле и там скрывающийся. Сим знамением Креста описывается вся деятельность христианская, т.е. обязанность благочестиво действовать во Христе и постоянно в нем пребывать, часть небесного и пред непосвященными не поведать втуне таинств веры. Очищенные на поприще сей деятельности, мы будем в состоянии «познавать даже преобладающую знанием любовь Христа»³, по коей Он равен есть Отцу, им же все есть, и наполнен всей полнотой Божией. Есть в иссопе и сила очистительная, дабы надмеваясь знанием от богатства, похищенного из Египта, наше легкое, распухившись, не стало издавать некоторой гордой отдышки. «Окропи меня иссопом, — говорит пророк, — и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселье»⁴. Вслед за

¹ 1 Кор. 5:7.

² Мф. 11:28.

³ Исх. 12:22.

⁴ Еф. 3:17.

⁵ Еф. 3:19.

⁶ Пс. 50:9—10.

*Разделение знаний оста-
ется и сегодня: это
знание естественнонауч-
ное — о природе и гума-
нитарное знание — о со-
вершенствовании челове-
ческой природы, о чем в
гущи цивилизационных
игр мы совсем забыли.*

сим, дабы показать, что иссопом озна-
чается очищение от гордости, пророк
присовокупляет: «И возрадуются ко-
сти смиренные».

LXIII. Но как обилие золота, сере-
бра и одежд, похищенных народом
Израильским из Египта, очень незна-
чительно в сравнении с богатством,
какое тот же народ получил в Иеруса-
лиме, особенно в царствование Соломона¹, таково же точно и
всякое знание (хотя бы даже и полезное), заимствованное из пи-
саний языческих, если сравнить оное со знанием, заключаю-
щимся в Св. Писании. Ибо все, что бы ни узнал человек извне (в
книгах языческих), все это, если вредное, осуждается в Св. Писа-
нии, если полезное, — находится в нем. И если всякий найдет
здесь все то, что удалось ему узнать полезного где-нибудь в дру-
гом месте, то гораздо в большем изобилии найдет он здесь же и
то, чего никогда и нигде невозможно сыскать, но что преподает-
ся в одном только Св. Писании с удивительною возвышеннос-
тью и вместе с удивительною простотою.

Заключая: если неизвестные знаки (incognita signa) не оста-
новят читателя, предыдущими наставлениями снабженного,
кроткого и смиренного сердцем, охотно взявшего на себя иго
Христово и бремя Его легкое, основанное, и укорененное, и со-
зидаемое в любви, коего разум по тому самому не может надме-
ваться, то пусть он приступает к рассмотрению и исследованию
двусмысленных знаков (ambigua signa), встречающихся в Писа-
нии, о коих я буду говорить в третьей книге, что Господь благо-
волит сообщить мне.

КНИГА ТРЕТЬЯ

I. Богобоязненный человек тщательно изыскивает волю Бо-
жию в Св. Писании. Для избежания страсти к спорам он бывает
кроток по духу благочестия, и чтобы не останавливаться в со-
мнении на неизвестных словах и выражениях, обогащает себя
знанием языков, старается также приобрести сведения о разных
необходимых предметах для уразумения силы и свойства различ-
ных сравнений и подобий, употребляемых в Писании, старается
иметь под руками самые лучшие манускрипты, какими обязаны
мы неусыпному тщанию людей, трудившихся над исправлением
текста. Кто приготовлен таким образом, тот пусть смело присту-
пает к разрешению темноты и двусмысленностей, встречающих-
ся в Св. Писании. Но дабы ему не обманываться двусмысленно-
стью выражений и слов, я намерен (несмотря на то, что, быть
может, некоторые люди, по обширности ли своего ума или како-

¹ 3Цар. 10:23.

му-либо мнимому озарению свыше, будут осмивать мои замечания, как ребяческие), — я намерен, говорю, и даже почитаю себя обязанным, дать в сем отношении руководство; и для сего считаю нужным снова напомнить желающим принять от меня наставление, что двусмысленность Св. Писания бывает или в собственных словах, или в переносных¹, как то уже замечено мною во второй книге.

II. Если слова, взятые в собственном значении, делают темным какое-либо место Св. Писания, то прежде всего надобно посмотреть, правильно ли мы разделили оные по их расстановке и должными ли образом прочли. Если по надлежащему внимательному рассмотрению не видно будет, как должно разделить их² или прочитать, то нужно прибегнуть к аналогии веры (*regula fidei*), извлеченной из яснейших мест Св. Писания и основанной на уважении к голосу Церкви, о чем я довольно сказал в первой книге, рассуждая о предметах. Если же и после того обе части рассматриваемого места, или и все, ежели их случится много, будут казаться двусмысленными и темными, в таком случае остается обратиться к связи (контексту) речи и рассмотреть предыдущие и последующие части текста, окружающие темное место. Тогда откроется, какое из представляющихся понятий ближе к тексту и удобнее может быть соединено с ним.

III. Поясним сие замечание примерами. Еретики, не желая признать Слова — Богом, разделяют слова Иоанна следующим образом: сперва читают: «В начале было Слово, и слово было к Богу и Бог был»³; потом, дабы дать следующим словам другой смысл, продолжают: «Слово это было в начале у Бога». Но такое разделение должно быть отвергнуто по аналогии веры, которая ясно говорит о равенстве Св. Троицы. Должно читать: «И Бог был слово», потом прибавить: «Это было в начале у Бога»⁴.

IV. Двусмысленность от разделения следующих слов апостола: «И что выберу, не ведаю; охватываюсь же с двух сторон, желание имел развязаться и Христом быть, многим ведь более лучше; оставаться же во плоти необходимее из-за вас»⁵, — не может быть устранена аналогиею веры; ибо как ни дели их, смысл слов не будет противоречить вере, а посему здесь двусмысленность

¹ *In verbis propriis esse aut in translatis*, т.е. в буквальном, словарном использовании или в метафорическом, переносном значении.

² Во времена Августина многие латинские рукописи имели слитное написание слов, без разделителей и знаков препинания. Мастерство чтеца, в частности, заключалось в правильной разбивке текста на фразы.

³ Ин. 1:1.

⁴ Проблема в том, где ставить при чтении смысловую запятую: «*In principio erat verbum, et verbum erat apud deum, et deus erat* (здесь ставят «еретики») *verbum* (здесь ставит Августин) *hoc erat in principio apud deum*» (Ин. 1:1).

⁵ Флп. 1:23.

должна быть устранена через рассмотрение связи речи. С первого взгляда неизвестно, должно ли читать: «С двух сторон желание имея», или сперва «охватываюсь же с двух сторон», а потом уже прибавить: «желание имея развязаться, и с Христом быть». Но поелику далее следуют слова: «Многим ведь более лучше», то явно, что апостол желает сего лучшего, так что, будучи охвачен с двух сторон (или озабочен тем и другим), он одного желает, а другое находит только более нужным, то есть желает развязаться и быть со Христом, а более нужным находит оставаться во плоти. Здесь двусмысленность разрешается одной последующей частью «ведь», — хотя некоторые из толковников исключили ее, думая, что апостол не только озабочен и другим, но по-видимому и желает того и другого. В силу сего замечания слова апостола в этом месте должны быть распределены так: «и что выберу, не ведаю, охвачен же с двух сторон»; и за сим уже должно читать: «желание имея развязаться и с Христом быть». Поелику же здесь могли бы спросить апостола: почему он преимущественно желает сего разрешения, то он прибавляет: «многим ведь более лучше». Отчего же он находит для себя затруднение с обеих сторон? Оттого, что находит с другой стороны более нужным остаться: «оставаться же во плоти необходимее из-за вас».

V. Где двусмысленность не может быть устранена ни аналогией веры, ни связью речи, тем ничто не препятствует разделить текст сообразно с каким-нибудь одним из представляющихся понятий. Таковы следующие слова из Послания к Коринфянам: «Эти и так имеющие обещания, любимые, давайте очистим себя самих от всякого загрязнения плоти и духа, совершающих святость в страхе Божиим. Вмestите нас; никого мы не обидели»¹. Сомнительно, как должно читать, так ли: «Давайте очистим себя самих от всякого загрязнения плоти и духа», сообразно с оными словами в другом месте: «да будет свята и телом и духом»², или так: «очистим себя от всякого загрязнения плоти», а потом: «и духа совершающих святость в страхе Божиим вмestите нас», — так чтобы в сих последних словах был другой смысл, особенный от первых? Подобные двусмысленности можно предоставить, так сказать, воле читателя.

VI. Что сказано нами о двусмысленности, происходящей от различной расстановки слов, то же самое должно наблюдать и при двусмысленности, происходящей от разности в чтении. Ибо двусмысленное чтение, если впрочем оно не есть плод небрежности самого читающего, устраняется или аналогией веры, или связью речи, или, если не будет надобности употреблять ни того ни другого, может даже оставаться нерешенным, когда, то есть, читающий не много погрешит, как бы ни прочел такое место. Если б, например, аналогия веры не внушала нам, что Бог ни-

¹ 2Кор. 7:1—2.

² 1Кф. 7:54.

когда не обвинит и Христос никогда не осудит своих избранных, то слова апостола: «кто обвинит избранных Божиих?»¹ можно было бы произносить так, чтобы за ними следовал как бы ответ: «Бог который оправдывает». А потом спросив: «Кто, который осуждает?», опять можно бы отвечать: «Христос Иисус, который умер», и пр. Но поскольку думать так о Боге и Христе безумно, то нужно произносить так, чтоб сперва выражалось как бы неопределенное разведывание (*percontatio*), а потом решительный вопрос. Различие же между разведыванием и вопросом, по замечанию древних, заключается в том, что на первое можно отвечать и много и неодинаково, а на последний только да или нет. Посему приведенные слова должно произносить так, чтоб за разведыванием: «Кто обвинит избранных Божиих?» — следовал вопрос: «Бог, который оправдывает?» и подразумевать потом тайно: нет; за сим снова выведывание: «кто, который осуждает», и снова вопрос: «Христос Иисус который умер, более же который воскрес, кто есть одесную Бога, кто и ходатайствует о нас?» — дабы и здесь тайно в уме отвечать: нет. Но в следующем месте, где апостол говорит: «что итак скажем? Что язычники, не гонящие правду, постигли правду», — за выведыванием: «что итак скажем?» должен следовать ответ: «что язычники, не гонящие правду, постигли правду»², иначе последующие слова не будут иметь связи³. Напротив, слова Нафанаила: «от Назарета может ли что-то доброе быть»⁴ каким голосом ни произнести, показать ли, что в одном только слове: «от Назарета?» заключается вопрос, или что все спрашивается с сомнением, — не будет никакой разности: вера не потерпит вреда ни в том, ни в другом случае.

VII. Иногда двусмысленность зависит от сомнительного звука слогов и потому преимущественно относится к произношению. Если читать в Библии следующий текст: «*Non est abconditum a te os meum, quod fecisti in abscondito*» (не сокрыты были от тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне)⁵; то не видно, как должно произнести слово *os*, кратко или протяжно? Ежели кратко, то оно будет единственное число слова *osso* (кости); если же протяжно, то — то же число слова *oga* (лица — рты). Но такие двусмысленности разрешаются сверкой с предшествующим языком. Ибо в греческом употреблено не *soma* (уста), но *hoseon* (кость). Посему-то простонародный язык большею частью бывает полезнее при означении предметов, нежели книжный. В приведенном месте я предпочел бы лучше употребить варваризм и

¹ Рим. 8:13.

² Рим. 9:30.

³ Поскольку далее эти язычники, «приобретшие правду», сопоставляются с иудеями, еще не сподобившимися правды (Рим. 9:31).

⁴ Ин. 1:46.

⁵ Пс. 138:15.

сказать: «не сокрыты были от тебя *ossum meum*» (как говорит простой народ, употребляя *ossum* вместо *os*), нежели допустить неясность потому только, чтобы выразиться чище по-латыни. Впрочем, сомнение о произношении слога иногда разрешается ближайшим словом, относящимся к одной и той же мысли, как в следующих словах апостола¹: *Quae praedico vobis, sicut praedixi, quoniam qui talia agunt, regnum Dei non possidebunt* («которое возвестю вам, как я сказал прежде, что кто такое делает, царства Божия не унаследует»). Если бы апостол сказал только: *quae praedico vobis* (которое говорю наперед вам), а не прибавил: *sicut praedixi* (как сказал прежде), то для узнавания того, долгий ли или короткий средний слог в слове *praedico*, нужно бы было прибегнуть к предшествующему языку; теперь же, когда сделана прибавка, ясно, что этот слог — долгий: ибо апостол не сказал: *sicut praedicavi*, но — *sicut praedixi*².

VIII. Подобным образом должны быть разрешаемы те двусмысленности, кои происходят не от расстановки слов или произношения оных, но от других каких-либо грамматических свойств языка. Таково, например, следующее место из послания к Солуныям: *Propterea consolati sumus fratres in vobis* (из-за этого мы были утешены, братья, относительно вас)³. Можно недоумевать, в звательном ли падеже стоит слово *fratres*, или в винительном? Ни в том, ни в другом случае не будет противоречия вере, но в греческом языке падежи сии различаются, и потому, справившись с греческою Библиею, видим, что нужно удержать падеж звательный. Если бы переводчик сказал так: *propterea consolationem habuimus fratres in vobis*, хотя бы он и не столь близко перевел слова текста, но зато устранил бы сомнение в рассуждении мысли или и вовсе уничтожил бы оное, если бы прибавил к *fratres* слово *nostri* (наши). (Впрочем, подобные прибавки иногда опаснее самых неточностей, хотя они и делаются.) Так, место Послания апостола Павла к Коринфяном: *Quotidie morior, per vestram gloriam, fratres, quam habeo in Christo Iesu* (каждый день умираю вашей похвалой, братие, которую имею в Христе Иисусе Господе)⁴, — один переводчик перевел: *Quotidie morior, per vestram iuro gloriam*. Он прибавил *iuro* «клянусь» на том основании, что на греческом в словах апостола: *per vestram gloriam* при изве-

¹ Гал. 5:21.

² Различие это касается двух глагольных форм — *praedico* и *praedicto*, значения которых отличаются очень мало друг от друга. Второе слово с долгим вторым, а не первым слогом чаще употребляется по отношению к будущему времени и по смыслу вполне могло бы также присутствовать в данном фрагменте Писания. Августин стремится приучить христианских наставников, всех своих учеников к максимальной точности интерпретации.

³ 1Фес. 3:7.

⁴ 1Кор. 15:31.

стном образе их произношения прямо можно видеть клятву. Вообще заметим, что в собственных словах Св. Писания весьма редко можно найти такую неопределенность, которой нельзя было бы разрешить или рассмотрением обстоятельств текста, обнаруживающих намерение писателя, или сравнением переводов, или сверкой с предшествующим языком.

IX. Напротив, двусмысленность (или неопределенность) выражений переносных, о которой теперь следует нам говорить, требует немалой заботливости и тщания. Прежде всего должно остерегаться, чтоб иносказательной речи не принять буквально. Сюда-то между прочим относятся слова апостола: «буква убивает, а дух оживляет»¹. Ибо кто иносказание принимает буквально, как будто бы то было сказано в собственном смысле, тот понимает по-плотски. Ни одну смерть нельзя приличнее назвать смертью души, как ту, когда душа, следуя букве, подчиняет плоти даже то, что составляет ее превосходство над животными, то есть само разумение. Кто следует букве, тот как неразумное животное принимает иносказательные слова за собственные, и наоборот — не старается находить другого, высшего значения в том, что буквально выражается словом; например, если слышит

NB *Так и учитель — если он раб знаний, то догмы и стереотипы, знаки и указания сковывают его педагогическое взаимодействие, а духовное взаимодействие дает раскрепощение. Думаящий и ищущий учитель освобождается сам от оков и освобождает от них учеников своих.*

о субботе, то ничего не представляет, кроме одного из семи постоянно повторяющихся дней; или ежели слышит о жертвоприношении, то не простирает своей мысли далее того, что обыкновенно совершается над жертвенными животными или плодами. А сие-то и есть бедственное рабство души, когда она под знаками не может видеть самой вещи и не в состоянии простира-ть умственного взора своего выше телесной природы, к созерцанию вечного света.

X. Впрочем, такое рабство в иудейском народе было весьма отлично от подобного рабства у других народов. Ибо иудеи хотя и привязаны были к чувственным предметам, но вместе с тем постоянно видели в них для себя указание и напоминание о едином Боге. И хотя они знаки духовных вещей, не зная к чему они служат, принимали нередко за самые вещи, однако же были убеждены, что их служение (обрядовое) несмотря на то, что оно похоже было на рабство, благоугодно единому истинному Богу, которого они не видят. Апостол говорит, что они стерегомы были под Законом для того, что Закон был для них детоводителем (paedogogo parvulorum) во Христа². Посему хотя упорнейшие из иудеев не возлюбили Господа за неуважение их знаков (кои тог-

¹ 2Кор. 3:6.

² Гал. 3:24.

да пришло уже время объяснить), хотя начальники иудейские измышляли различные клеветы на Спасителя за нехранение субботы, а народ, привязанный к знакам как самому означаемому, не хотел верить, чтобы тот был Бог или пришел от Бога, кто не хочет уважать их знаков так, как уважают они сами; но те, кои уверовали и составили первую церковь в Иерусалиме, достаточно доказали, сколь полезно было для них быть стерегомыми педагогом и по знакам, временно установленным, служить единому истинному Богу, Творцу неба и земли. Ибо они по сему самому будучи близки к духовному (так как в самых временных и чувственных приношениях и знаках, несмотря на то, что не умели понимать их духовно, чтли единого вечного Бога), оказались столь способными к принятию Св.Духа, что продали все свое имение и цену оного повергли к ногам апостольским для раздаяния неимущим¹, самих же себя всецело посвятили Богу, как новый некий храм, коего земному изображению, то есть ветхому храму, доселе они служили.

XI. Но нигде не написано, чтобы и какая-нибудь языческая церковь поступила таким образом и явила себя подобною иудейской; вообще те оказались не столь способны к духовному и не столь близки к христианству, кои рукотворных идолов почитали за богов. Хотя некоторые из язычников и почитали иногда своих идолов за знаки и символы, но все же чтли под сими символами и обожали не Бога истинного, а тварей. В самом деле, какая мне в том польза, что изображение, например, Нептуна не должен я почитать за самого Бога, а за изображение моря или всех вообще вод, текущих в источниках, как изъясняется одним из их поэтов, который, если не ошибаюсь, говорит: «Ты, отец Нептун, который, когда ревешь, отзываются возлегающие на скалах морских седые века, у которого из бесконечной бороды истекает Океан, а из волос струятся реки»? Подобный вздор похож на зерна стручка, брянчащие внутри приятной на вкус оболочки звонкими сухими шариками, но это пища свиней, а не людей. Знающий евангелие поймет, что я говорю². Какая, говорю, польза в том, что изображению Нептуна дают сие значение моря? Разве та, чтобы не уважать ни знака, ни означаемого? Ибо для меня ни море, ни какая-нибудь статуя равно не суть Бог. Согласен, что почитающие за богов дела рук человеческих более заблуждаются, нежели те, кои боготворят дела Божии, но нам заповедано любить и чтить не вещи, а единого Бога, который сотворил вещи, изображения коих язычники чтут или как самих богов, или как знаки и подобия ложных богов. Итак, ежели и с доброю целью установленный знак принимать за саму вещь, им означаемую, есть плотское рабство, то не гораздо ли бедственнее рабство — при-

¹ Деян. 4:34.

² См.: Лк. 15:16.

нимать знаки бесполезных вещей за самые вещи? Хотя бы ты чтит и самые сии вещи, тем не менее был бы не свободен от плотского и рабского ига.

XII. Посему-то христианская свобода освободила от знаков или символов (signis) даже тех людей, у коих оные были полезны. Сии люди (иудеи) были более близки к духовному, так что христианству оставалось только изъяснить им знаки, указать самые вещи, под ними скрывавшиеся, вследствие чего из таковых людей составились первые церкви святых израильтян. Напротив, там, где служили бесполезным знакам и символам, оно не только отвергло это рабское служение, но уничтожило и самые знаки, дабы через это отвратить язычников от служения ложным богам, называемого часто и выразительно в Св.Писании блудодсянием, обратить их к поклонению единому Богу и научить не служению символам, хотя бы и полезным, но упражнению ума своего в духовном разумении оных.

XIII. Ибо раб знаков тот, кто чтит какую-нибудь знаменательную вещь или служит ей, не разумея ее значения, но кто чтит символ полезный, установленный свыше, и чтит понимая его значение и силу, тот чтит не наружное и преходящее, но то, что разумеется под сим наружным и преходящим. Такой человек бывает свободен и духовен даже во время рабства, когда еще не нужно и не время объяснять плотским людям тех знаков и символов, под бременем коих они должны смиряться. Таковы были патриархи, пророки и все те в народе израильском, через коих Дух Св. даровал нам Писание, в помощь и утешение наше. В настоящее же время, когда воскресение Господа яснейшим образом указало и доказало нашу свободу, мы не обязываемся чтить даже и тех знаков, коих значение уже понимаем. Вместо многого нам заповедано и самим Господом и учением апостольским немного и притом такое, что легко исполнить и что, по своей важности и высочайшей чистоте, достойно всякого внимания и исполнения, как, например, таинство крещения и таинство причащения. Каждый принимающий сии таинства, будучи наставлен, понимает их значение, и каждый чтит оные уже не в духе плотского рабства, а в духе истинной свободы. Впрочем, как держаться буквы и принимать знаки за самые вещи, ими означаемые, есть дело плотской слабости, так и давать знакам бесполезное изъяснение есть дело ума заблуждающегося. Поелику тот не есть еще совершенный раб, кто хотя не понимает значения символов, однако же принимает оные не иначе как за знаки, то лучше служить хотя не понятным, но полезным символам, нежели давать им бесполезное значение и таким образом возлагать на себя вместо уз рабства простого неведения удушающую петлю заблуждения.

XIV. К замечанию, предостерегающему нас принимать речь иносказательную, или, что все равно, переносную, за собственную, нужно прибавить другое замечание — именно то, чтобы,

наоборот, речи собственной не принимать за иносказательную. Посему мы должны прежде всего показать способ, по которому можно было бы узнать, иносказательное ли известное выражение или собственное. Способ этот состоит в следующем: все, что в Св. Писании будучи принято в собственном смысле не согласно с нравственностью или с истинами веры, все то должно разуметь в смысле иносказательном. Нравственность же вся утверждается на любви к Богу и ближнему, а истины веры — на познании Бога и ближнего. А надежда заключается в собственной совести каждого или во внутреннем ощущении того, как он успевает в любви к Богу и ближнему и как далек в познании их. О всем этом сказано в первой книге.

NB *Имея духовное разумение и внутреннюю свободу, учитель свободен, даже если вокруг тоталитарная власть, или власть реформ, или модернизация образования. Он свободен и открыт к творчеству и Творцу. И Творец его благословляет, и в духовном разумении находит учитель свой путь. Отсюда идет смирение — не рабство, а наоборот, принятие жизни «с миром» и надеждой.*

Есть законы духовности, и наше понимание или непонимание их не освобождает нас от них. Если живем во внешнем их разумении, не принимая самой основы, то наше продвижение незаметно; если же внутренний позыв к высочайшей чистоте силен, то образы и символы отступают на второй план, а движение души идет согласно законам нравственности.

Говоря о человеке, о его духовности, мы имеем в виду прежде всего его нравственную вертикаль: способность руководствоваться в своем прожизнии высшими духовными ценностями, потребность следовать идеалам Истины, Добра и Красоты, обращенность человека к высшему через других людей и самого себя. Русский философ И. Ильин, рассуждая о рабстве и свободе человека, писал: «Тело человека не свободно. Оно находится в пространстве и во времени, среди множества других тел и вещей... Не свободна и душа человека. Прежде всего она связана таинственным образом с телом и обусловлена его здоровой жизнью... Она связана своим внутренним устройством, которого она сама не создает и нарушить не может: законами сознания и бессознательного, силой инстинкта и влечений, законами мышления, воображения, чувства и воли... Душа не творит сама этих законов, а подчиняется им и не может изменять их по произволению. Но духу человека доступна свобода, и ему подобает свобода. Ибо дух есть сила самоопределения к лучшему. Он имеет дар — вывести себя внутренне из любого жизненного содержания, противопоставить его себе, оценить его, избрать его или отвергнуть. Дух есть сила, которая имеет дар усилить себя и преодолеть в себе то, что отвергается».

Итак, из целостности бытия, времени и пространства идет перекличка идей от Августина к Ильину и далее сюда — в наше время. На каждом этапе человеческой истории общались Учителями знания в той форме и на основе такой понятийной базы, которая могла быть понятна на том уровне понимания, на котором находился каждый человек. Это был его уровень, а ему надо было про-

*рваться к уровням высшего порядка, изначально заложенным в него Высшим. Как нам прорваться к синтезу любви и познания или к со-
вершенству.*

XV. Но поелику люди склонны судить о грехах не по важности самой похоти, их рождающей, а по своим обычаям, то и почитают предосудительным большей частью одно то, что осуждается и порицается их современниками и соотечественниками, а напротив, добрым и похвальным то, что согласно с обычаем их соотечественников. Отсюда происходит, что многие почитают иносказательными те места, в коих Писание или заповедует что-нибудь противное настоящим обычаям, или возбраняет что-либо согласное с ними; и это делают из уважения к Писанию, которого важность иначе не могут защитить. Но Св.Писание не предписывает ничего кроме любви и не возбраняет ничего кроме похоти, сим одним способом образуя и исправляя нравы. Подобным образом, если ум предубежден каким-либо погрешительным мнением, то все, что бы Писание ни утверждало вопреки принятому заблуждению, все это в таком случае почитают иносказанием. Но Писание и прошедшими и будущими и настоящими предметами и событиями не утверждает ничего другого, кроме кафолической веры: история, пророчества, догматы и нравоучение — все в нем направлено к тому, чтобы произвести и укрепить любовь, истребить и уничтожить похоть.

XVI. Любовью называю я стремление души наслаждаться Богом ради Его Самого, а собою и ближним ради Бога, под именем же похоти разумею стремление души любить себя, ближнего и всякий другой предмет не ради Бога. Действия необузданной похоти ко вреду и растлению собственного тела и души называются развратом (flagitium), а действие похоти ко вреду и пагубе

В *В основе любой деятельности — деяние, но если оно не освящено, то оно зло. Имеем дело с ценностной картиной мира. Выбор Человека: между абсолютностью Бога и относительностью ценности жизни, этот узкий коридор, проход величиной в собственную жизнь, одним берегом которого является благотворительность, а другим — злодеяние. Впереди — как свет в конце тоннеля — увеличение царства любви и разрушение царства похоти.*

ближнего именуется злодеянием (facinus). Разврат и злодеяние составляют главные виды всех грехов, но первый предшествует последнему, ибо человек предается злодеяниям тогда уже, когда разврат унизит его душу до некоей постыдной и несчастной нужды, уничтожит препятствия к распутству или находит средства к оному. Подобное, только в противоположном смысле, можно сказать и о любви: действие правильной любви в собственную пользу называются благопопечением, а действие любви в пользу других именуется благотворительностью. И здесь предшествует благопопечение о самом себе, ибо нельзя в пользу другого употреблять то, чего не имеешь сам. Чем

более разрушается царство похоти, тем более увеличивается царство любви.

XVII. Поэтому, как бы сурово и жестко ни говорилось что-либо в Св. Писании от лица Бога или Его святых, не должно смущаться сим, а должно думать, что это необходимо для ниспровержения царства похоти. И если это суровое и строгое выражено ясными словами, то неотменно надобно разуметь оное в собственном смысле, а не в иносказательном. Таковы следующие слова апостола: «По жестокости же твоей и непокаянному сердцу копишь для себя самого гнев в день гнева и открытия праведного суда Бога, который воздаст каждому по делам его: иным по стойкости дела доброго славу и честь и нетление ищущим жизнь вечную; иным из притязания не покоряющимся истине, повинующимся же неправде — ярость и гнев. Гнет и притеснение на всякую душу человека, делающего злое, и иудея сначала и эллина»¹. Это сказано о тех, кои гибнут вместе с похотью, не захотев ее победить. Таковы же и следующие слова: «Которые же Иисуса Христа суть, свою плоть распяли со страданиями и стойкими желаниями»². Они ясно сказаны к человеку, разрушающему в себе царство прежде господствовавшей в нем похоти. Впрочем, и здесь некоторые слова могут быть приняты за переносные, как, например: «гнев Божий», «распяли», но таких слов не много, да и не так они стоят, чтобы могли затемнить смысл и произвести аллегория или притчу, которую собственно и называю я иносказательною или фигуральною речью. Что же касается до следующего места Иеремии: «Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать»³, то нет сомнения, что здесь все изречение фигурально и должно быть отнесено к выше показанной мною цели.

XXVIII. Все, что для неопытных людей кажется как бы безнравственным (*flagitiosum*), будут ли то одни слова или и сами действия, приписываются ли они Богу или относятся к людям, похваляемым за святость, — все это в Св. Писании говорится иносказательно, и таинственный смысл подобных мест должен быть изъясняем в пользу любви. Касательно сего должно заметить вообще следующее: кто пользуется преходящими вещами с большею умеренностью, нежели как позволяет и требует обычай людей, с коими он живет, тот — или воздержен, или суеверен, но кто пользуется вещами так, что преступает границы обыкновений, коих держатся добрые люди его времени, тот или сам служит в сем случае знаком чего-нибудь, или действительно безнравственен. Ибо во всех подобных случаях не употребление вещей виновно, но похоть употребляющего. Ни один здравомыслящий не станет думать, чтобы ноги Господа

¹ Рим. 2:5 и сл.

² Гал. 5:24.

³ Иер. 1:10.

помазаны были упоминаемою в Евангелии женою с тою же целью, с какою обыкновенно мажут их люди невоздержные и роскошные, коих пиршеств мы гнушаемся. Приятный запах означает в сем случае добрую славу, которую каждый может заслужить делами доброй жизни, посему кто следует по стопам Христа, тот как бы помазует Его ноги драгоценным благовонием¹. Таким образом, что в других лицах есть большей частью нечто непозволительное, то в лице Божественном или пророческом служит знаком чего-нибудь особенного и важного. Иное дело сообщение с блудницей людей развращенных, и совсем другое — такое же сообщение, описанное в книге пророка Осии². Из того, что нетрезвые и сладострастные люди распутно обнажают тела свои на пиршествах, не следует, что и обнажаться в бане есть разврат.

XIX. Посему должно внимательно смотреть, что приличествует времени, месту и лицам, дабы безрассудно не осудить чего-нибудь, как преступления. Благоразумный может благоупотреблять самые драгоценные и приятные яства без всякой жадности, между тем как безрассудный и при самой обыкновенной пище будет, так сказать, сторгать от обжорства. И каждый здравомыслящий, без сомнения, захочет лучше, по примеру Господа, питаться рыбою, нежели, по примеру Исава, внука Авраамова, какой-либо чечевичей или, по подобию рабочего скота, ячменем. Большая часть зверей питается самою низкою и пустою пищею, но из сего не следует еще, что звери воздержаннее нас. Во всяком случае должно судить о действиях не столько по качеству вещей, коими пользуемся, сколько по тому, с каким побуждением употребляем и в какой степени желаем их.

XX. Ветхозаветные праведники представляли себе царство небесное, а потому и предвещали оное под образом земного царства. Дабы иметь достаточное число потомства, одному и тому же мужу позволялось тогда иметь многих жен вместе, но по сему же самому почиталось бесчестным одной жене иметь многих мужей, ибо жена от сего не делается плодovitее, ей бесчестно домогаться жалкой проституцией какого-либо прирyтка или детей. При таком состоянии нравов у древних Св. Писание не осуждает и таких действий в тогдашних праведниках, которые в настоящее время иначе и совершить нельзя, как только по вожделению. Посему все места Св. Писания, в коих описывается что-либо подобное не только исторически и собственно, но иногда иносказательно и как бы пророчески, должны быть изъясняемы так, чтобы везде главною целью была любовь к Богу и ближнему или к тому и другому вместе. Ибо как у древних римлян почиталось бесчестием носить длинную с широкими рукавами тунику, ныне же, напротив, считается бесчестием не носить ее благородному

¹ Ин. 12:3.

² Ос. 1:2.

человеку, так надобно судить и о других вещах: что ныне не в обычае, то не всегда было таковым. Вообще употребление вещей большею частью портится не другим чем, а похотью, по которой человек не только злоупотребляет постыдно обычаем своих сограждан, но часто, преступая пределы оного, нагло обнаруживает всю внутреннюю гнусность свою, скрывавшуюся дотоле под кровом общенародных обычаев.

XXI. Все, что в поступках великих и благочестивых мужей сообразно с обычаями людей, в кругу коих они жили по необходимости или долгу, — во всем том должно предполагать цель благую, а именно: или истинную пользу их самих, или благотворительность в отношении к другим, и это или в собственном смысле, как бы можно было действовать и нам на их месте, или в символическом, как то было прилично пророкам.

XXII. Читая описание таковых деяний, люди, не знакомые с чужими обычаями, почитают оные предосудительными, если только авторитет лиц действовавших не удерживает их; между тем они не замечают, что и в их собственном поведении, в их супружестве, пиршествах, в одеянии и во всяком другом роде жизни и обычаях другие люди и в другое время нашли бы много предосудительного. Такое бесконечное разнообразие человеческих обычаев подало даже повод некоторым, так сказать, полусонным людям, кои не были усыплены совершенно глубоким сном глупости, но и далеки были от бодрственного состояния людей мудрых, подало, говорю, повод заключить, что нет ничего справедливого в самом себе, но что каждый народ собственные свои обычаи почитает справедливыми. Ежели, говорят они, обычаи народов различны, а справедливость должна быть неизменна и одинакова, то явно, что справедливости нет нигде. Но к посрамлению их недалновидности довольно сказать, что правило: чего не хочешь себе, того другому не делай¹, при всем разнообразии народных обычаев везде остается неизменным. Приложи это правило к обязанности любить Бога и уничтожишь все безнравственное; приложи к долгу любить ближнего, и падет все преступное. Например, никто не желает осквернять своего жилища, следовательно, никто не должен осквернять и храма Божия, то есть себя самого. Никто не желает, чтобы ему кто-либо вредил, следовательно, и сам не должен никому вредить.

NB *Для людей пробужденных — праведность, для спящих — закон. «Храм Божий», то есть нравственность внутри себя, могут строить только пробужденные, — считает Августин, и мы с ним согласны.*

*«Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил»,
— писал Н. Заболоцкий.*

¹ Тов. 4:16.

Истинный смысл развития раскрывается в познании Творца по уровням его мироздания, где добро и зло являются разными субстанциями: восходящие к Богу и нисходящие.

XXIII. По низложению тиранства похоти любовь царствует над всем по справедливейшим законам, то есть повелевает любить Бога ради Бога, а себя и ближнего ради Бога же. А посему при всякой фигуральной речи должно наблюдать то правило, чтобы читаемое место рассматривать со всем вниманием дотоле, доколе можно будет истолковать оное в пользу царства любви. Если такое место прямо и собственно выражает любовь, то тем более нет нужды почитать оное иносказательным.

XXIV. Когда какое-либо изречение Писания содержит в себе заповедь, возбраняющую разврат или злодеяние, или внушающую что-нибудь благопотребное для ближних, оно всегда должно быть принимаемо в собственном смысле. Напротив, всякое изречение, предписывающее по-видимому нечто худое или преступное и возбраняющее благотворительность или правильное попечение о собственной выгоде, следует изъяснять в смысле высшем. Так говорится: «Если не съедите плоть Сына Человеческого, не выпьете крови Его, не имеете жизни в себе самих»¹. По-видимому здесь предписывается нечто неестественное и даже — ужасное, если принять эти слова в том грубом и превратном смысле, в каком принимают их капернаумляне; по сему самому не должно понимать их таким грубым образом, а разуметь возвышенное и духовное. Писание говорит: «Если изголодается враг твой, покорми его; если будет испытывать жажду, напои его»². Нет сомнения, что здесь предписывается благотворительность ближнему, но в последующих словах: «Делая это, угли огненные собираешь на главу его», внушается по-видимому зложелание ближнему. Итак, не сомневайся, что последние слова сказаны фигурально, и хотя можно изъяснять их двояко, то есть и ко вреду и к пользе ближнего, но любовь должна заставить тебя отнестись их к благотворительности, то есть под огненными углями ты должен разуметь не иное, как жгучие стоны раскаяния, исцеляющие гордость врага и заставляющее его соболезновать, что он сделался неприятелем такому человеку, который помогает ему в бедности его. Равным образом когда говорит Господь: «любящий душу свою погубит ее»³, не должно думать, что Он запрещает человеку попечение о самом себе, по которому каждый должен сохранять свою душу. Слова «погубит душу» сказаны фигурально, они внушают, что каждый должен оставить или переменить настоящий образ действия души, образ превратный и плотский, по которому

¹ Ин. 4:65.

² Рим. 12:20.

³ Ин. 12:25.

душа прилепляется к временному и не ищет вечного. У Сираха написано: «дай милосердому и не помогай грешнику»¹. Вторая часть сего текста возбраняет по-видимому благотворительность; ибо говорится: не принимай грешника. Посему слово «грешник» должно разуметь иносказательно, вместо слова «грех», и смысл будешь такой: не его греха.

XXV. Но случается, что люди, стоящее на высшей степени духовной жизни или только так думающие о себе, почитают иносказательным все то, что предписывается людям, стоящим еще на низших ступенях сей жизни. Так, например, решившийся вести безбрачную жизнь и скопивший себя духовно ради царства

В Мысль, Слово — это дар Божий и устами Августина приобретает изначально индивидуализированный смысл. Логос, Слово материализуется в конкретных поступках человека, сообразно его нравственным принципам. Августин читает библейские тексты и дает нам их понимание.

Так и учитель — размышляющий, думающий — вначале должен понять сам, в чем смысл его жизни и какова цель воспитания и образования.

небесного, может утверждать, что все сказанное в Св. Писании о любви мужа к жене и о подчинении сей последней первому должно принимать не буквально, а иносказательно; также кто решился не выдавать дочь свою замуж, тот слова Писания: «выдай дочь в замужество и сделаешь дело великое»², — станет изъяснять в смысле переносном. Посему в числе прочих правил мы должны помнить еще и то, что Св. Писание иное предписывает всему вообще, а иное в частности — известным только людям, дабы таким образом доставить здравие не только всем вообще, но и дать врачество против частной слабости каждого человека порознь. Ибо чего нельзя перенести в другой, высший круг, то долж-

но быть лечимо в своем круге.

XXVI. Равным образом не должно думать, что некоторые поступки, о коих говорится в Ветхом Завете иносказательно или собственно и кои по состоянию тогдашних времен не были ни безнравственны, ни преступны, можно было бы ввести в употребление и в настоящее время. Так может думать разве тот, в ком господствует похоть и кто ищет защиты для нее в самом Св. Писании, которое должно истреблять ее. Такой несчастливец не понимает, что о подобных поступках для того и повествуется в Писании, дабы здравомыслящие люди знали, что и отвергаемый в их время обычай может иметь хорошую сторону, наблюдаемый у них может быть предосудителен, если взять во внимание там чистую любовь, а здесь — похоть действующих лиц.

XXVII. В самом деле, иной в те времена мог пользоваться многими женами целомудренно, а другой ныне не может пользо-

¹ Сир. 12:4.

² Сир. 7:27.

ваться и одной без сладострастия. И я более одобряю того, кто пользовался плодородием многих жен ради высшей цели, нежели того, кто довольствуется одною женою ради ее самой. Ибо в первом случае имеется в виду потребность, сообразная с обстоятельствами и духом времени, в последнем насыщается только страсть к временным удовольствиям. Почему те, коим по невоздержанию их дозволил апостол иметь каждому свою жену, пред Богом гораздо ниже тех, кои хотя имели многих жен, но при сообщении с ними имели в виду одно только рождение детей, подобно тому, как благоразумный при употреблении пищи и питья имеет в виду одно здоровье тела. И если бы пришествие Господа застало этих людей в живых, то они немедленно оскопили бы себя ради царствия небесного, поелику тогда время уже было не разбрасывать, а собирать камни¹. Ибо не трудно воздержаться от того, чем обладаешь без пристрастия. Притом эти ветхозаветные люди знали, что излишняя их невоздержанность с супругами есть необузданное употребление. Это свидетельствуют слова Товия, который, по соединении с женою, говорит: «Благословен ты, Боже отцов наших, и благословенно имя твое святое, и славное во веки. Да благословляют Тебя небеса и все создания Твои. Ты сотворил Адама и дал ему помощницу Еву. Ныне, Господи, не похотливости ради беру я кухню мою, но по истине. Боже, помилуй нас»².

XXVIII. Несмотря на сие, сладострастные люди, предающиеся стыдодейству со многими женами или имеющие одну, но преступающие меру, потребную для рождения детей, и увеличивающие гнусность необычайной невоздержанности совершенно бесстыдным дозволением себе какой-то рабской свободы, — сии люди почитают невероятным, чтобы древние мужи умеренно пользовались многими женами и имели в виду при сем одну только сообразную со временем потребность родить детей. Ибо, по их мнению, никак нельзя соблюсти при многих женах того, чего они сами, подавляемые любострастием, не соблюдают даже при одной.

XXIX. Но такие люди, пожалуй, могут сказать еще и то, что не следует хвалить и почитать людей святой и непорочной жизни, потому сами они во время похвал и почестей напыщены гордостью, и бывают тем жаднее к пустой славе, чем чаще и более язык лести сплетает им похвалы. Такая гордость делает их столь легкомысленными, что всякий ветер молвы, попутный или встречный, вовлекает их в какую-нибудь пучину нечестия или даже низвергает и разбивает о камни преступлений. Но, возлюбленный, положим, что для тебя тяжко и трудно, с одной стороны, не обольщаться приманкою славы, с другой — не чувствовать скорби от поношений; только по себе самом не суди о дру-

¹ Еккл. 3:5.

² Тов. 8:5.

гих. Вспомни, что апостолы подвергались тому и другому искушению, ибо были и прославляемы верующими, и хулимы противниками, однако же они не надмевались, когда люди превозносили их, и не унывали духом, когда презирали их. Посему, как апостолы, по обстоятельствам времени пользовавшиеся хвалою, не делались худшими, так и ветхозаветные мужи, пользуясь женами по обычаю и потребностям времени, не предавались похоти, коей неверующие сему служат как рабы.

XXX. И сим-то объясняется то, что те ветхозаветные не почитали за стыд питать постоянное негодование на своих сыновей, когда узнавали, что сии делали покушения на их жен и наложниц или и сообщались с ними, как это иногда случалось. Между тем Давид, претерпевший от своего нечестивого и непокорного сына подобное поругание, не только равнодушно перенес оное, но и горько оплакивал смерть сего неистового сына¹. Ибо не чувство плотской ревности и собственной обиды, но мысль о грехах сына тяготила сердце сего родителя. Посему-то в случае победы Давид запретил умерщвлять Авессалома, дабы по укрощении его дать ему возможность покаяться, но как сего не случилось, то Давид горько плакал — не о том, что лишился сына, но о том, сколь тяжким наказанием должна подвергнуться душа, столь преступная и отцеубийственная. Ибо прежде сего смерть другого сына, который вовсе не был виновен и болезнь коего сильно печалила отцовское сердце, Давид, однако же, не оплакивал.

XXXI. Следующее обстоятельство также доказывает, сколь умеренно и воздержно мужи древние обходились с женами². Когда тот же Давид, увлеченный пылкостью возраста и временным благополучием, воспламенился непозволению страстию к некоторой женщине и вследствие сего приказал умертвить мужа ее, то осужден был, как известно, пророком, который, пришедши к нему с намерением обличить его во грехе, предложил притчу об одном бедняке, у коего богатый, несмотря на то, что имел многих овец, отнял для угощения пришедшего к нему гостя единственную овцу. Раздраженный Давид произнес смертный приговор над богачем и повеление вознаградить бедного за овцу вчетверо. Таким образом царь, учинивший преступление в полном сознании, осудил сам себя, не зная того. И когда пророк объяснил ему притчу и возвестил Божие наказание, то он очистил свой грех строгим покаянием. В сей притче, однако же, означено было только прелюбодеяние — отъятием овцы бедного соседа; об умерщвлении же мужа или о том, что бедняк, имевший одну овцу, был убит, умолчано, чтобы Давид определил себе наказание за одно только прелюбодеяние. Отсель для проницательных видно, как сей царь пользовался многими женами, когда и

¹ 2Цар. 16:21—22; 18:33.

² 2Цар. 12:3.

за одну, неправильно употребленную, принужден был и согласился наказать сам себя. Плотское вожделение в Давиде не было господствующим, а случайным, почему и обличитель пророк назвал непозволенную страсть гостем, не сказал, что овца бедного соседа употреблена была для стола царю, но гостю. Напротив, в сыне Давидовом Соломоне сия страсть не была уже случайною, подобно гостю, но господствовала в нем, как царица, о чем и Св. Писание упоминает, называя Соломона женолюбивым¹. Впрочем, и Соломон в начале царствования пламенно желал мудрости, которую он приобрел духовною любовью, а утратил через любовь плотскую².

XXXII. Итак, хотя все или почти все деяния, описываемые в книгах Ветхого Завета, должны быть принимаемы не только в

В *Разделение человека на «ветхого» и «нового» происходит постоянно, из поколения в поколение. И с этой точки зрения нужно понимать те претензии, которые мы применяем к педагогическому процессу. Какого человека мы формируем в школе? Если не «нового», то есть нравственного, тогда «ветхого», то есть потребителя жизни. И третьего не дано. Размышляет об этом Августин на заре христианства, и мы размышляем более полутора тысяч лет спустя. Впрочем, Августин намекал на третий путь — любви к духовной мудрости.*

собственном, но и в иносказательном смысле, однако же, если читатель найдет описание какого-либо действия убожаемых в Писании лиц в собственном смысле, а оно несообразно с поведением благочестивых христиан, по пришествии Спасителя исполняющих Божественные заповеди, то он должен открывать здесь только прообразы, самого же действия не поставяять правилом для настоящего времени. Ибо многое, что в древние времена происходило по долгу, ныне не совершается иначе как из страсти.

XXXIII. Если же случится читать о каких-либо прегрешениях великих людей, то хотя читатель и может открывать в оных некоторые прообразы будущего, при всем том собственное значение неправых поступков должно вразумлять его в том, чтобы он никогда не дерзал превозноситься правотою своих собственных дел и презирать

других, как грешников, видя, что и великие мужи подвергались бурям, коих должно остерегаться, и претерпевали кораблекрушения, кои должно оплакивать. Грехопадения великих мужей для того и описаны, чтобы мы непрестанно и со трепетом памятовали слова апостола: «Считающий, что стоит, пусть смотрит, не упал ли»³. И вот почему на каждой почти странице Св. Писания внушается нам, что Бог гордым противится, смиренным же дает Благодать.

¹ 3Цар. 11:1–2.

² Пар. 1:10.

³ 1Кор. 10:12.

XXXIV. Итак, всего более должно вникать в то, собственная ли или иносказательная та речь, которую стараемся понять. Ибо ежели дойдем, что она иносказательная, то при помощи правил о предметах, изложенных мною в первой книге, нам легко будет вращать ее, так сказать, на все стороны, доколе дойдем до истинного смысла, особенно когда присовокупится к сему навык, подкрепляемый истинным благочестием. А как отличать иносказательную речь от собственной, этому помогут правила, о коих я говорил выше. Когда откроется род речи, то откроется вместе и то, что иносказание, составляющее оную, взято или от сходства подобных между собою вещей, или от таких, кои соприкасаются одна к другой по некоторой только близости.

XXXV. Поелику же предметы, между собою подобные, могут иметь сходство во многих отношениях, то не должно думать, чтобы вещь, имеющая в известном месте по некоторому сходству то или другое значение, имела то же самое и во всяком другом месте. Так, например, Господь употребил одно и то же слово квас и в смысле обличения, когда говорил: «Бойтесь закваски фарисейской»¹, и в смысле одобрения, когда сказал: «Подобно есть царствие небесное женщине, спрятавшей закваску в трех мерах муки, пока все не взошло»².

XXXVI. О разности значений слов должно заметить, что ее два вида, а именно: известная вещь может означать то или другое так, что сии значения будут или совершенно противоположны (contraria) одно другому, или только различны (diversa) между собою. Значения бывают противоположны, когда какая-нибудь вещь по известному сходству принимается то в хорошую, то в худую сторону, как, например, квас, о котором упомянуто выше. Точно так же лев означает и Христа, когда говорится: «Вот победил лев из колена Иудина»³, и искусителя, когда написано: «Супостат ваш дьявол, как лев рыкая ходит, ища кого поглотить»⁴. Подобным образом змей принимается и в хорошую сторону: «Будете мудры, как змей»⁵, и в худую: «Змей Еву прельстил лукавством своим»⁶. Хлеб принимается также и в хорошую сторону: «Я есть хлеб жизни, сошедший с небес»⁷, и в худую: «Ута-

NB *Мудрость душевная дает нам возможность видеть в слове, притче, аллегории, иносказании истинный смысл высказывания, работающий на «нового», то есть нравственного человека.*

¹ Мф. 16:11.

² Ср.: Лк. 13:21.

³ Апок. 5:5.

⁴ 1Петр. 5:8.

⁵ Мф. 10:16.

⁶ 2Кор. 11:3.

⁷ Ин. 17:51.

енный хлеб приятен»¹. Есть много и других примеров сего рода. Приведенные мною места такого свойства, что их значение не подлежит никакому сомнению (ибо для примера должно приводить только то, что ясно), но есть и такие места, при чтении коих не совсем видно, в какую сторону они должны быть понимаемы. Таково следующее: «Чаша вина в руке Господней, вина растворенного»². Не вдруг увидишь, что разуместь здесь под чашею, гнев ли Божий, не простирающийся до последней степени наказания, то есть не распространяющийся на дрожжи, или благодать Св. Писания, перешедшую от иудеев к язычникам, ибо сказано: «Наливает отсюда сюда», хотя в то же время у иудеев остались еще обряды, плотским образом ими понимаемые: «Ибо дрожжи его не опорожнены». А что одна и та же вещь может иметь не противные, а только различные значения, примером сего служит вода, означающая и народ, как можно видеть в Апокалипсисе, и Святого Духа, как в таком тексте: «Реки из утробы его потекут воды живой»³. Если сие слово имеет и другие какие значения, то они угадываются, смотря по месту, в котором оно употребляется.

XXXVII. Равным образом и другие предметы, не отдельно и сами по себе, но в связи с другими словами, могут иметь не только два, но иногда и многие различные значения, коих смысл определяется самим их положением, как видно из предыдущего примера.

Если значение предмета определено в каком-нибудь месте ясно, то такими местами должно пользоваться для изъяснения мест более темных. Так, выражение «щит» в словах, сказанных Богу: «Прими оружие и щит, и встань на помощь мне»⁴, не может быть лучше объяснено, как чрез сопоставление со следующим местом: «Господи, как оружием доброй волей Твоей венчал нас»⁵. Однако ж не во всяком месте, где «щит» употребляется в смысле некоторого охранительного орудия, должно под ним разуместь только благоволение Божие. Ибо, например, сказано: «Щит веры, в котором сможете все стрелы злого воспламенившиеся погасить»⁶. И опять, при изображении духовных орудий не должно понятие веры соединять с одним только щитом; ибо в другом месте упоминается еще о броне веры: «Одевшись, — говорится, — в броню веры и любви», и проч⁷.

¹ Притч. 9:17.

² Пс. 74:8.

³ Апок. 17:15 и след.; Ин. 7:38.

⁴ Пс. 34:2.

⁵ Пс. 5:13.

⁶ Ефес. 6:16.

⁷ 1Фес. 5:8.

XXXVIII. Если одни и те же слова Св. Писания дают не одну мысль, но две или более, между тем неизвестно, какой именно смысл давал им сам писатель, в таком случае не будет никакой опасности другими местами Писания определить такой смысл, который более подходит к истине. Конечно, испытующий божественные глаголы всеми мерами должен стараться отыскать подлинное намерение самого писателя, через которого Дух Святой изрек сии глаголы, но если он не постигнет его, то может из рассматриваемых слов извлечь и другую мысль; лишь бы только сия мысль не противоречила правой вере и подтверждалась ясными свидетельствами Св. Писания. Ибо может статься, что сам писатель в изъясняемых нами словах видел и эту мысль. По крайней мере Дух Божий, действовавший чрез писателя, без сомнения, предвидел, что известная мысль встретится читателю или слушателю, и даже, может быть, промышлял о том, чтобы она встретилась, поколику и она есть мысль, основанная на истине. И что может быть более достойно важности Св. Писания и премудрости промысла Божия, его давшего, как не то, чтобы одни и те же слова могли быть понимаемы и изъясняемы посредством различных способов, за достоверность коих

В *Смысл, который находит истину. Учителям наставление: обучение должно быть со смыслом. Мысль, правильно понимаемая, дает иное мышление, общение, и возникает акт творчества, совместного действия.*

Есть текст как наука: всякий его читающий опыщет, что он такое. А можно понимать жизнь как текст. Именно так понимал Августин Священное Писание — идеальный текст, в котором трепещет вся жизнь и история человечества. И такой текст сам живет, ведет, не соглашается с нами, думает и заставляет это делать и учителя, и ученика. Работа с текстом с его смыслом — может, главная задача для учителя, владеющего Словом-Символом, Святым Писанием как идеальным текстом.

ручалось бы то же самое Писание в других своих местах, более ясных и определенных?

XXXIX. Если же где невозможно будет открыть истинного смысла посредством ясных свидетельств Св. Писания, в таком случае остается объяснять известное место, призвавши в помощь разум, хотя бы открытый смысл был и не тот, какой, может статься, имел изъясняемый нами писатель. Впрочем, средство объяснять тексты содействием одного разума опасно, гораздо безопаснее держаться Св. Писания, которое само собою всегда может предохранять нас от противоречий, или, если впадем в оные, дать нам в самом же себе средства к согласованию их.

XL. Между тем ученые не должны забывать, что наши св. писатели употребляли все роды выражения, известные у грамматиков под греческим названием тропов, и притом гораздо более разнообразные и в большем обилии, нежели как могут думать или верить те, которые не знают наших св. писателей и узнали сии тропы от одних только

светских учителей. Знакомые с тропами легко находят их и в Св. Писании и нередко пользуются ими к уразумению оного. Не место здесь преподавать не знающим правила тропов, дабы не показалось, что я учу грамматике. Советую изучать сию науку у других наставников, хотя и я со своей стороны, говоря во второй книге о необходимости знания языков, предложил несколько замечаний об изучении грамматики. Ибо буквы, от которых самая грамматика получила свое название (греки называют буквы *grammata*), суть самые употребительные знаки звуков членораздельного языка, которыми говорим. В священных книгах есть не только примеры тропов, но встречаются даже и названия некоторых из них, например аллегория, загадка, притча. Замечу здесь, что почти все те тропы, коим, говорят, будто бы научают одни свободные науки, встречаются и в речах людей, не слушавших никакой науки, встречаются в самом обыкновенном, простонародном языке. Кто ж не говорит: так цветы? А это троп, называющийся метафорою. Кто не называет рыбноцею (*piscepia*) или рыбною сажалкою такое водохранилище, которое не имеет рыб и сделано не для рыб, но от рыб получило название? А это опять троп, называющийся катахрезисом.

XLII. Слишком долго будет перечислять все тропы обыкновенные, ибо в простонародном языке употребляются даже и не совсем обыкновенные тропы, означающее совсем другое, нежели что говорят самые слова, например ирония и антифраз. Но ирония самим произношением показывает, что она хочет сказать, например, когда человеку, делающему что-нибудь худое, говорят: хорошо ты делаешь! Напротив, чтобы антифраз означил совсем иную мысль, нежели какую показывают слова, для сего недостаточно тона или произношения, а надобно, чтобы сей троп или имел свои особые слова, в которых коренное значение противоречит производному, — например, роща называется *lucus ot lussu* «свечу», между тем как она нисколько не светит, или чтобы употребление давало словам двоякое значение: одно прямое, обыкновенно употребляемое, а другое противоположное, например, когда мы хотим взять какую-нибудь вещь в таком месте, где ее нет, и нам отвечают: там этого очень много (*abundat*); или наконец нужно, чтобы прибавочные слова объясняли, что речь нашу должно понимать в противную сторону, например: берегись его, ибо он человек добрый! Какой простолюдин не употребляет подобных поворотов речи, хотя он не только не знает ни того, какие это тропы, ни даже того, что такие обороты и называются тропами?.. Но как бы то ни было, только познание тропов необходимо при разрешении двусмысленностей, встречающихся в Св. Писании. Ежели из слов, в собственном значении взятых, выходит смысл несообразный, то нужно вникнуть, не употреблен ли такой или другой троп в изречении, которого мы не понимаем. Этим способом объяснено много такого, что прежде казалось темным.

XLIII. Некто Тихоний, с неопровергаемою силою писавший против донатистов, потому что сам был донатист, человек между

тем самого неприязненного духа в тех местах, где он не хотел оставить совершенно мнения сих еретиков, написал книгу под названием «Книга Правил». В этом сочинении он изложил семь правил, кои, по его мнению, должны быть как бы ключами к открытию сокровенностей Св. Писания. Первым правилом полагает он правило о Господе и Его теле; второе — о двояком теле (corpus bipartitum) Господа; третье об обетованиях и Законе; четвертое — о виде и роде, пятое — о временах, шестое — о повторении сказанного (de recapitulatione), седьмое — о дьяволе и его теле. Хотя сии правила, будучи рассматриваемы так, как раскрывает их сочинитель, немало помогают проникать в сокровенный смысл Св. Писания, однако же при помощи их не во все можно проникнуть и не всегда так, как предписывают сии правила¹.

Напротив, есть много других к сему средств, которых Тихоний не включил в свое седмичное число, да и сам он толкует многие места темные, не употребляя в помощь себе ни одного из своих правил, потому что ни в одном из них не было нужды. Ибо в приводимых им местах нет ни одного такого предмета или вопроса, к разрешению коего можно бы было приложить его правила. Например, изъясняя одно место из Откровения Иоанна, Тихоний спрашивает: что должно разуметь под ангелами семи Церквей, к коим повелевается написать²? И после многих и различных умозаключений выводит, наконец, что под ангелами разумеются самые Церкви. В сем чрезвычайно плодотворном исследовании своем он не сделал ни малейшего употребления из собственных правил, хотя у него дело шло о весьма темном предмете. Довольно одного примера, а собирать все места, кои в канонических книгах так темны, что их несколько нельзя объяснить при посредстве означенных семи правил, было бы слишком продолжительно, да и не нужно.

XLIII. Между тем Тихоний, выхваляя свои правила, приписывает им столько, как будто все, что только есть темного в Законе, т.е. в священных книгах, можно легко понять, хорошо уразумев и должным образом употребив сии правила. Так в предисловии к своей книге он говорит: «я почел необходимым прежде всего (представлявшегося мне) написать книгу правил и устроить, так сказать, ключи и светильники для тайн Закона. Ибо есть некоторые мистические (mysticae regulae) правила, кои открывают все глубины Закона и сокровища, для некоторых невидимые, делают видимыми. Ежели сии правила будут приняты без зависти, как я сообщил их, то все заключенное отверзнется и все темное осветится, и каждый, проходящий в неизмеримом лесу про-

¹ См.: Антоний (Храповицкий), митр. О правилах Тихония и их значении для современной экзегетики // Альфа и Омега, 2, 1999, с.93—107; Тихоний Африканский. Книга о семи правилах для исследования и нахождения смысла Священного Писания // Там же, 3—4, 1999; 1, 2000.

² Откр. 1:20.

рочеств, будучи руководим моими правилами, как бы светлыми путями, избегнет заблуждения». Если бы он сказал, что есть некоторые мистические правила, кои управляют некоторыми секретами Закона, или даже, что его правила управляют некоторыми важными тайнами Закона, а не секретами всего Закона, если бы не уверял, что все скрытое откроется, но что многое откроется, — он сказал бы правду и не обманул бы ожидания читателей, приписав своему, впрочем, полезному и со тщанием обработанному сочинению более, нежели сколько позволяет существо дела. Я со своей стороны почел необходимым предварить занимающихся науками, чтобы они читали Тихониеву книгу как много способствующую к разумению Св. Писания, но чтобы вместе с тем не ожидали от нее того, чего она не имеет. Ее должно читать с осторожностью не только по причине некоторых погрешностей, кои сочинитель сделал как человек, но особенно по причине того, что он говорит в ней многое как donatист. Покажу теперь кратко, чему учат и что внушают эти семь правил.

NB *Так и учитель иногда выстраивает дорогу, да сам идет другим путем. Может, нужно учить детей мышлению, умению распознавать смыслы «между строк», а писать они и сами смогут научиться. Учитель, задумайся! Ибо никакие технологии не научат детей жить и разуместь эту жизнь. Можно научить правилам, но не выйдя на мировоззренческий план, не выйдешь на взаимодействие с миром. Что такое мировоззрение? Точка зрения на мир? Возвышение мира, укрупнение его как масштаба? Понимание его как открытой системы, а также способ освоения мира. Именно это служит основой формирования новой школы, или школы будущего.*

Школа классической педагогики, базирующаяся в своем научном познании на таких мировоззренческих принципах, как рационализм, детерминизм, механизм и редукционизм, рассматривает обучаемого в качестве объекта внешнего воздействия. Организация процесса образования подчинена логическому распределению и последовательности в предметах, что ведет к определенной догматизации сознания. Об этом в целом идет разговор на страницах писания Августина.

Понять и обучить, научить должно учеников, не только употребив правила, но и открыть для них «тайны Закона», «глубины Закона», подвластные интуиции, что невидимое делает видимым.

XLIV. Первое правило говорит о Господе и теле Его. Зная, что в Св. Писании о главе и теле — т.е. о Христе и церкви — говорится иногда в одном и том же лице (ибо не напрасно сказано верующим: «что Авраамово семья есть»¹, тогда как семья Авраамово одно, то есть Христос), я не стану долго медлить на этом правиле касательно того, когда именно в Писании от главы делается переход к телу или когда от тела к главе, но не разумеется одно и

¹ Гал. 3:29.

то же лицо. Например, в следующих словах хотя говорит одно и то же лицо о себе: «Как на жениха возложил на меня венец, и как невесту украсил меня убранством»¹, однако ж надобно еще доискиваться, что именно здесь относить ко главе и что к телу, т.е. что ко Христу и что к церкви.

XLV. Второе правило у Тихония о двояком теле Господа, но это правило не так следовало бы назвать, ибо то не есть на самом деле тело Господа, которое не пребудет с Господом вечно. Следовало сказать: о теле Господа истинном и смешанном (*permixio*), или о теле действительном и мнимом (*simulate*), или употребить другое какое выражение, ибо лицемеры не только же будут с Господом в вечности, но и теперь уже не с Ним, хотя по-видимому находятся в Его церкви. Отсюда второе правило можно бы назвать еще и так: о смешанной церкви. Сие правило требует читателя внимательного. Ибо бывают случаи, когда Св. Писание говорит по-видимому к тем же самым лицам, к которым прежде была направлена речь, между тем как речь обращается уже к другим; или кажется, что оно говорит об одних и тех же лицах, между тем как говорится уже о других. Это происходит оттого, что те и другие составляют по временному смешению и участию в таинствах как бы одно тело. Сюда относятся слова из Песни песней: «Смугла я и прелестна, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы»². Не говорит: я была темна, как селения Кидарские, и прекрасна, как завесы Соломоновы, но говорит о себе и то и другое вместе, по причине временного соединения в одной и той же сети хороших и худых рыб³. (Ибо селения Кидарские относятся к Измаилу, который не будет наследником вместе с сыном свободной⁴). В другом месте говоря о доброй стороне: «И поведу слепых дорогой, которой они и не знают, неизвестными путями буду вести их, сделаю им тьму светом и кривое прямым. Сие сказанное сотворю и не оставлю их»⁵, — Бог тут же вдруг говорит и о противоположной стороне, которая смешана с доброй: «Но тогда обратятся же вспять»⁶. Сими словами означаются уже другие лица, а не те, что первыми. Поелику же в настоящем состоянии и те и другие составляют одно, то и кажется, будто здесь говорится о тех же самых, о которых говорилось выше; между тем сии две части не всегда будут составлять одно. Доказательством тому служит раб, в евангелии упоминаемый, которого господин, когда придет, рассечет и подвергнет одной участи с лицемерами⁷.

¹ Исаии. LXI:10. Под «убранством (*ornamentum*)» может пониматься как нарядная одежда, так и драгоценности.

² Песн. 1:4.

³ Мф. 13:47.

⁴ Быт. 21:10; Гал. 4:30. Измаил был сыном Авраама от служанки Агари.

⁵ Ис. 42:16.

⁶ Ис. 42:17.

⁷ Мф. 24:51.

XLVI. Третье правило об обетованиях и законе, которое иначе можно бы назвать «о духе и букве», как я и назвал оное в книге, написанной мною о сем предмете. Можно также назвать его «О благодати и заповеди». Но это есть, по моему мнению, скорее великий вопрос, нежели какое-нибудь правило, могущее служить к разрешению вопросов. Сего-то учения не понявши, пелагиане составили известную ересь или же распространили ее. Тихоний с похвалою трудился над ним, но вполне не исследовал его. Рассуждая о вере и делах, он говорит, что от Бога даются нам только дела в заслугу веры, но что сама вера в нас единственно от нас, а не приходит к нам от Бога. Он не вникнул в слова апостола: «Мир братьям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа!»¹ Впрочем, Тихонию не была известна ересь пелагиан, которая, роди-

NB *Вера как дар. Не всем дается «дар Божий». Что это такое — «дарование»? Мы говорим о наших детях часто как о молодых дарованиях. Но правильно ли мы понимаем это? Мне кажется, что в понятии «дарования» есть несколько аспектов.*

1. Божественное предназначение человека.

2. Телесное совершенствование.

3. Совершенствование «видовых» и «родовых» правил проживания. Как писали древние, а мы говорим сегодня, — моральные и нравственные законы жизни.

что то и другое даровано? Много есть и других свидетельств, доказывающих ту же самую истину, но я о ней теперь не распространяюсь, в других же случаях я рассуждал о ней весьма часто.

XLVII. Четвертое правило у Тихония «О виде и роде». В этом правиле сочинитель хочет, чтоб под видом разумели часть, а под родом целое, коего часть есть то, что Тихоний называет видом.

¹ Еф. 6:23.

² 1Кор. 11:19.

³ Флп. 1:29.

Например, каждая гражданская община¹ в особенности есть часть всего гражданского мира, гражданская община у него вид, а все народы суть род. И действительно, здесь — в отношении то есть к Св. Писанию — неуместна та утонченность, по которой диалектики весьма остроумно спорят еще о том, в чем состоит разность между частью и видом, неуместна потому, что Писание равно выражается известным образом не только об одной какой-нибудь городской общине, но и о целой области, народе или царстве. Я разумею тот образ выражения, что в Писании не только городам, например Иерусалиму или другому какого народа городу, положим, Тиру или Вавилону,

В *Насколько правы были отцы церкви, когда предугадывали процессы глобализации, то есть с единения народов в один род (греч. *polis* или лат. *civitas*), но мы сегодня верим, что это невозможно реализовать без планетарного мышления. Непонимание, что целое важнее части, рождает агрессивность стран, втянутых в глобализацию, которая действительно ведет к нивелированию их самобытности. Значит, целое не важнее части? Или речь должна пойти о развитии самих частей, чтобы целое перестало быть пугалом. Сегодня мы не знаем ответа на эту проблему.*

иногда приписываются такие признаки, кои гораздо обширнее сих городов и более приличествуют всем народам вообще; но и о целых странах, например об Иудее, Египте, Ассирии или другом каком народе, имеющем многие городские общины, но не составляющем всего земного шара, а только часть его, — говорится нечто такое, что также превосходит их меру и более приличествует целой Вселенной, которой они (народы) составляют части, или, как говорит Тихоний — роду, которого, они суть виды. Видовые и родовые понятия сделались известными даже народу, так что самые простые люди понимают, что в частности и что вообще предписано каким-нибудь императорским постановлением. Правильно прилагается и к людям. Например, Соломону приписываются такие признаки, кои выше его статуса и кои становятся ясными только в то время,

когда мы прилагаем их ко Христу или Церкви, которой Соломон часть.

XLVIII. И о виде в Св. Писании не всегда говорится более того, сколько ему прилично, т.е. ему приписываются или такие признаки, кои в нем действительно есть, или такие, кои ему только одному так ясно и могут приличествовать. Но ежели от вида делается переход к роду и притом так нечувствительно, что кажется, будто Св. Писание все еще говорит о виде, в таком случае читатель должен употреблять самое напряженное внимание, дабы не искать того в виде, что лучше и вернее может быть отыскано в роде. Не трудно понять, что в следующих

¹ Civitas в латинском языке аналогично polis в греческом, т.е. «гражданская община города и округи».

словах пророка Иезекииля: «Дом Израилев жил на земле и осквернил ее своим образом жизни, и идолами своими, и нечистотами своими, и по нечистоте месячной был путь их пред лицом моим. И излил ярость мою на них, и разметал их между народами, и развеял их по странам; по пути их и по прегрешениям их судил их»¹, — не трудно, говорю, понять, что в сих словах разумеется тот дом Израилев, о котором апостол говорит: «видите Израиля по плоти»², т.е. плотский израильский народ, сделавший и потерпевший. Понятно также, что и дальнейшие слова приличествуют тому же самому народу. Но когда пророк начинает говорить: «И освящу имя мое великое святое, оскверненное между народами, среди которых обесславили его, и знают народы, что я Господь», — то читатель должен тщательно вникать в то, каким образом признаки вида здесь выходят за пределы сего вида и делается переход к роду. Ибо далее говорится: «Когда освящусь в вас перед очами их, и возьму вас от народов, и соберу вас от всех стран, введу вас в землю вашу, и окроплю вас водой чистой, и очиститесь от всего вышеуказанного (нечистот ваших, и от всех кумиров ваших), и очищу вас, и дам вам сердце новое, и дух новый дам вам, и отыму сердце каменное от плоти вашей, и дам вам сердце плотяное, и дух мой дам в вас, и сотворю, чтобы в заповедях моих ходили, и суды мои сохраняли и сотворяли. И вселитесь на землю, кою дал отцам вашим, и будете моим народом, и я же буду вам за Бога, и очищу вас от всех нечистот ваших»³. Все сие предсказано о Новом Завете, к которому относится не только иудейский народ в своем остатке, как об этом написано: «Если и будут сыны Израилевы многочисленные, как песок морской, лишь остаток их спасется»⁴, — но и другие народы, обещанные их отцам, кои суть также и наши отцы. В сем никто не усомнится, когда вникнет, что здесь дано обетование и о купели возрождения, к которой, как видим, призваны теперь все народы, и что слова апостола, коими он внушает превосходство благодати Нового Завета сравнительно с Ветхим: «Послание наше вы есть, написанное не чернилами, но Духом Бога живущего, не на пластинах каменных, но на пластинах сердца плотских»⁵, — что самые слова сии и содержатся и выведены из тех слов пророка, где он говорит: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам, и возьму сердце каменное от плоти вашей, и дам вам сердце плотяное»⁶. Ибо сердце плотяное, откуда и апостол употребил выражение «на скрижалях сердца плотских»,

¹ Иез. 36:17-19.

² 1Кор. 10:18.

³ Иез. 36:23—29.

⁴ Ис. 10:22.

⁵ 2Кор. 3:2.

⁶ Иез. 11:19; 36—26.

пророк захотел отличить от сердца каменного тем, что в нем есть жизнь и чувство, а жизнью и чувством он означил силу разумную или духовную. Таким образом, духовный Израиль составляется не из одного народа, но из всех народов, обещанных отцам в их семени, которое есть Христос¹.

XLIX. Посему новый духовный Израиль от древнего Израиля плотского, состоявшего из одного народа, отличается не благородством отечества, а новою

В *И опять возвращение к граду Небесному — духовному граду и земному граду как вечный взгляд и зов в будущее, к земле грядущего века. Августин призывает нас, учителей, принять реальность идеального плана как системы более совершенной и определяющей наше бытие, но требующей от нас коренных изменений.*

благодатью, не происхождением, а духом и разумением. Между тем пророки, по возвышенности своего языка говоря о древнем или к древнему Израилю, незаметно и скрытно переходят к новому, и тогда как они говорят уже о новом или к новому, все еще кажется, будто пророчествуют о древнем или к древнему. Такие скрытные переходы в речах своих пророки употребляли не оттого, чтобы хотели, по какой-либо неприязни, затемнять для нас разум Писания, но

потому, что желали дать нам целительную пищу для упражнения. Посему и следующие слова пророка: «введу вас в землю вашу», — и дальнейшие, где он как бы повторяет вышесказанное: «вселитесь на земли, каковые дал отцам вашим», — мы должны понимать не плотским образом, как плотский Израиль, но духовно, как Израиль духовный. Ибо Церковь, не имеющая скверны или порока, собранная из всех народов и долженствующая вечно царствовать со Христом, сама есть земля блаженных, земля живых, сама должна быть почитаема за наследие, данное отцам, когда по точной и непреложной воле Божией она была обещана им, поелику самая непреложность обетованная или предопределение показывает, что сия земля уже была дана им, хотя в свое время отцы только еще веровали, что она дастся. Так в письме Тимофею и о самой благодати, сообщаемой святым, апостол говорит: «не по делам нашим (т.е. спас и призвал нас Бог), но по своему благоволению и благодати, данной нам о Христе Иисусе прежде времен вечных, сделанной теперь явной приходом Спасителя нашего»². Благодать назвал он данною, тогда как не было еще тех, коим она дана, а это потому, что самым распределением и предназначением Божиим уже было сделано то, что должно было совершиться в свое время, и о чем говоря апостол употребил слова: «сделанной теперь явной». Впрочем, приведенные слова пророка можно разуметь и о земле грядущего века, когда будет

¹ Гал. 3:16.

² 2Тим. 2:9.

небо ново и земля нова, куда нечестивые не вселятся¹. И потому справедливо говорится, что сия земля есть удел, данный праведным, в коем нечестивые отнюдь не будут участвовать, ибо сию землю должно также почитать уже данною по тому самому, что о ней есть непреложное обетование.

Л. Пятым правилом Тихоний полагает правило «О временах», дабы с помощью его можно было открывать или, по крайней мере, делать правдоподобные догадки о сокровенном в Св. Писании счислении времен. По словам Тихония, сие правило имеет применение в двух случаях, т.е. при тропе синекдоха и при так называемых числах законных (*legitimis*). Синекдоха требует либо под частью разуметь целое, либо наоборот, под целым часть. Так, например, говоря о преображении Господа на горе, где в присутствии только трех учеников лицо Спасителя просияло как солнце, а ризы сделались белы как снег, один евангелист полагает преобразование случившимся после известного разговора через восемь дней, а другой только через шесть². Явно, что сии сказания о числе дней не могут быть оба истинны, если не предположить, что один евангелист, который говорит: дней через восемь, принял последнюю часть дня, в которую Господь предсказал свое преобразование, и первую часть того дня, в который Он исполнил свое предсказание, за целые и полные два дня, а другой, употребивший слова: по прошествии шести дней, разумел все дни полные и целые, но только средние между предсказанием и преобразованием. Подобным способом выражения, полагающего часть за целое, разрешается вопрос и о времени воскресения Христова. Ибо ежели последней части дня, в который Господь пострадал, не принять за целый день, присоединив к нему и предшествующую ночь, а последней части ночи, в которую Он воскрес, не принять за целый день, присоединив также к ней последующий воскресный день, то не выйдет трех дней и трех ночей, в продолжение которых Спаситель, по Его предсказанию, долженствовал пребыть в сердце земли.

М. Законными, или определенными, числами Тихоний называет числа, преимущественно и чаще других употребляемые св. писателями, каковы: семь, десять, двенадцать и некоторые другие, хорошо известные людям, занимающимся чтением Писания. Таковые числа определенные по большей части употребляются вместо целого неопределенного времени вообще. Например, слова «семикратно в день прославляю Тебя»³ то же значат, что «постоянна хвала Его в словах моих»⁴. То же можно разуметь, когда числа помножаются или на десять, как семьдесят, семьсот

¹ Апок. 21:1.

² Лк. 9:28 (восемь); Мф. 17:1—2 (шесть); Мк. 9:1—2 (шесть).

³ Пс. 118:164.

⁴ Пс. 33:2.

(откуда и семьдесят лет Иеремииных¹ можно принимать духовно за все время, в которое Церковь находится между язычниками), или сами на себя, как десять, помноженное на десять, составляет сто, двенадцать на двенадцать — сто сорок четыре, — число, означающее всецелое общество святых (universitas sanctorum) в Апокалипсисе². Из сего последнего обстоятельства видно, что числами должны быть разрешаемы не одни только вопросы, ка-

NB По Августину, означенное число в Апокалипсисе относится не к временному фактору, а к человеческому. Ибо через человека идут процессы либо созидания, либо разрушения. И человек сам несет ответственность за мир.

сающиеся времени, но что значение их гораздо обширнее и может быть приложено ко многим предметам. Ибо означенное число в Апокалипсисе относится не ко времени, а к людям.

ЛII. Шестое правило Тихоний называет повторением или возвращением к прежде сказанному (recapitulatio), — правило, в темноте Писания довольно зорко сочинителем найденное. Ибо есть места, в коих предметы по-видимому следуют в порядке времени и раскрываются в непрерывной связи, а между тем в самой вещи повествование скрытно возвращается к тому, что прежде было опущено. Ежели в подобных случаях не руководствоваться означенным правилом, то легко можно впасть в заблуждение. Так, в книге Бытия сказано: «и насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал, и произрастил Бог еще от земли всякое дерево приятное на вид и хорошее для пищи»³. По-видимому здесь говорится, что окончательное насаждение рая совершено уже после того, как Бог ввел сотворенного им человека в рай, а между тем св. писатель, упомянув кратко о том и другом, т.е. что Бог насадил рай и ввел в него сотворенного человека, возобновляет только повествование и дополняет то, что прежде опустил, именно описывает подробнее, каким образом был насажден рай: Бог произвел, говорит он, «еще от земли всякое дерево приятное на вид и хорошее для пищи»; потом, следуя далее, прибавляет: «и древо жизни посреди рая, и древо познания добра и зла». Потом описывает реку, которая питала рай и разделялась на четыре потока четырех рек, что все также относится к устройению рая. Наконец, описав рай, повторяют то, что уже сказал, но что в порядке творения следовало за устройением рая, то есть говорит о введении человека в рай: «И взял Господь Бог человека, которого создал, и поместил его в рае». Ибо прежде рай был устроен, и потом уже введен в него человек, как показывает теперь самый порядок вещей, а не наоборот — не прежде введен человек, и потом устроен рай, как можно бы подумать с первого взгляда, если

¹ Иер. 24:11.

² Апок. 7:4.

³ Быт. 2:3.

не предложить здесь повтора (recapitulatio), по которому повествователь возвращается к тому, что прежде опустил.

LIII. Далее в той же книге Бытия по исчислению поколений сынов Ноевых сказано: «это сыны Хама в племенах своих, по языкам (secundum linguas suas) своим, по странам своим и народам своим»¹.

По исчислении сынов Симовых также говорится: «Это сыны Сима, в племенах своих, по языкам их (secundum linguas suas), в странах их и в народах их». Наконец о всех вообще прибавляется: «Это племена сынов Ноя по коленам их, по народам их. От них расселились острова народов по земле после потопа. И была по всей земле речь едина и язык един»². Сии последние слова: «и была по всей земле речь едина и язык един», т.е. был один язык у всех, — показывают, будто и в то время, когда народы были уже рассеяны по земле и даже по островам, у всех был один общий язык. Но это, очевидно, противоречит предыдущим словам, где сказано: «в племенах своих, по языкам своим (secundum linguas suas)». Писатель не сказал бы, что каждое племя, составляя отдельный народ, имело свой особый язык, если бы у всех племен был один общий язык. Следовательно, слова: «и была по всей земле речь едина и язык един», — составляют не что другое, как незаметное возобновление повествования, сделанное для объяснения того, как один и тот же язык разделился на многие. Поэтому непосредственно за сими словами повествуется и о построении той башни, за которую суд Божий посрамил гордость племен смешением языков, а после этого и народы рассеялись на земле, уже по языкам своим.

LIV. Иногда повторение в повествовании (или возвращение к прежде сказанному) бывает еще темнее и незаметнее, нежели как мы видели в приведенных нами примерах. Так, в Евангелии Господь говорит: «В день когда вышел Лот из Содомы, пролился дождем огонь с небес и погубил всех. Потому же будет день, в который Сын человеческий явится. В тот день, кто будет на кровле и сосуды его по дому, да не лезет взять их; и кто на поле, так же да не возвратится назад. Вспоминайте жену Лотову»³. Ужели в самый день явления Господа должно исполнять сии слова Спасителя: «пусть никто не оборотится назад», т.е. не станет исследовать свою прошедшую жизнь, с которой он уже навсегда расстался? Напротив, не теперь ли, то есть в продолжение нынешнего временного бытия на земле, преимущественно должно вникать в нее, дабы, когда явится Господь, каждый получил мзду по мере того, что он исполнил и чем пренебрег? Между тем, поелику сказано: «в тот день», то можно бы подумать, что повеление Спасителя надлежит исполнять именно в

¹ Быт. 10:20.

² Быт. 11:1.

³ Лк. 17:29—32.

тот день, когда явится Господь, если не предположить здесь вышесказанного правила о повторении и не призвать в помощь другое место Св. Писания, в котором еще во времена апостолов говорилось: «дети, последний час». Следовательно, под выражением: день тот, в который нужно исполнять вышеозначенные слова Спасителя, разумеется все продолжение времени проповеди евангелия, даже до последнего явления Господа, ибо и самое явление Господа относится к сему же времени, которое окончится в день суда.

LV. Седьмое и последнее правило у Тихония есть: «О дьяволе и его теле». Ибо и дьявол есть глава нечестивых, составляющих некоторым образом тело его и вместе с ним долженствующих отойти во огонь вечный, подобно как Христос есть глава Церкви, которая есть Его тело, имеющее пребывать с Ним в вечном царстве славы. Следовательно, как при первом правиле, которое Тихоний назвал: «О Господе и Его теле», нужно быть внимательным, дабы в тех случаях, где Писание говорит о Господе и Его теле в одном лице, понять, что приличествует главе и что телу, так равно потребно такое же внимание и при последнем правиле. Ибо иногда говорится о дьяволе нечто такое, что приличествует не столько ему, сколько его телу, которое составляют не те только, кои самым очевидным образом находятся вне церкви, но и те, кои, принадлежа дьяволу, до времени считаются в церкви, пока каждый оставит жизнь, пока плевелы последней лопатой отделятся от пшеницы. Так, следующие слова Исаии: «как упал с небес Люцифер, утро востока»¹ и пр., сказанные к одному и тому же лицу или о том же лице, под видом царя вавилонского заставляют разуметь дьявола, однако ж в дальнейших словах: «поверженный на землю, посланы ко всем народам» не все приличествует дьяволу, как главе. Ибо хотя дьявол посылает своих ангелов ко всем народам, однако ж на земле побивается не сам он, но его тело, а он сам сокрушается разве только потому, что находится в своем теле, которое гибнет яко прах, который сметает ветер с лица земли.

LVI. Все вообще правила Тихониевы, исключая одно: «Об обетованиях и законе», учат тому, как под одним разуметь другое, т.е. как понимать язык или речь, выраженную тропами; но этот язык, по моему мнению, гораздо обширнее и разнообразнее всяких правил науки. Ибо везде, где одно говорится, а другое разумеется, везде там есть язык тропов, хотя в науке говорить (риторике), может быть, нет даже названия такого или другого тропа. Ежели тропы употребляются так, как употребляет их принятое обыкновение, то рассудок без труда следует за ними, но если они отступают от обыкновенного употребления, то рассудок наш

¹ Ис. 14:12. Люцифер — букв. «светоносный». Именно такое имя носит Серафим, взбунтовавшийся против Бога и ставший дьяволом. До этого он ассоциировался с восточной утренней звездой — Венерой.

затрудняется, и мы понимаем их — один более, другой менее, потому что и самые умственные дарования сообщаются людям от Бога одному в большей, а другому в меньшей мере. Посему, встречаются ли слова собственные, о коих я рассуждал выше и в которых предметы должны быть понимаемы так, как выражают их слова собственные, встречаются ли выражения переносные, т.е. язык тропов, в коих одно должно разуметь из другого и о коих я, кажется, достаточно сказал теперь, — в обоих случаях надобно внушать любителям священных писем, чтобы они старались узнавать в Писании не только разные образы выражения, не только тщательно наблюдали, какие оно обыкновенно употребляет обороты речи, говоря о том или другом предмете, и твердо содержали их в памяти, но — самое важное и весьма необходимое дело — надобно убеждать их, чтобы они молили Бога, да даст им ум разуметь Писание. Ибо в том же Писании, коим они имеют охоту заниматься, сказано: «Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум»¹, и от Него самая охота к упражнению в слове Божиим, если только она сопровождается духом благочестия. Но довольно о знаках в отношении к словам. В следующей книге остается мне изложить свои, какие Господь подаст, мысли о том, как найденный смысл Писания сообщать другим.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I. Настоящее творение мое, надписывающееся: «О науке христианской», — я разделил некоторым образом на две части. Ибо после предисловия, составляющего у меня ответ тому, кто вознамерился бы порицать мой труд, я между прочим говорю: «есть два предмета, коими ограничивается все ученое занятие (tractatio) Св. Писанием: 1) способ нахождения, каковым узнается (modus inveniendi), 2) способ сообщать, каковым понимается (modus proferendi). Сначала исследуем способ, как находить, а потом — как сообщать найденный смысл. Поелику же о способе находить смысл Писания я уже сказал довольно и написал три свитка (volumina), то теперь при помощи Божией скажу несколько слов о способе сообщать или выражать найденный смысл, дабы, если можно, все остальные предметы исследования моего вместить в одной книге и целое сочинение ограничить четырьмя свитками.

II. Впрочем предварительно советую моим читателям не ожидать от меня, чтобы я стал здесь излагать те правила риторики, коим сам учил и учился в школах светских, не потому, чтобы сии правила были вовсе бесполезны, но потому, что и польза и самые правила ораторского искусства надлежит изучать особо, представления же в них требовать не от меня, ни в настоящем и ни в

¹ Притч. 2:6.

каком-либо другом из моих сочинений, а от иного доброго писателя, который, может статься, более имеет у себя досужего времени, нежели я.

III. Вообще говоря, правила риторики нужны и полезны, ибо если риторика есть искусство убеждать других и в истинном и в

NB *Разнятся ли понятия, определенные словом, знаком, и как душа воспринимает эти знаки, задаем этот вопрос себе сегодняшним, чтобы отличить истину от лжи. Он не прост для тех, кто знаком с правилами правописания, и он ставит втулик просто рассуждающих, когда мы расходимся в разные стороны, не понимая друг друга, но говоря одни и те же слова. А возможен ли диалог души с душой в разговоре о высоком? (Может, это вообще пустое и посредственное времяпрепровождение?) Сегодня мы отступаем часто от этой темы, и в нашей нетвердой духовной поступи этот отход скорее смазывает не на проживание в истине, а скорее на невхождение в нее в принципе. Задумаемся об этом, ибо, упражняясь в красноречии и остроте ума, часто ли мы с их помощью помогаем любить Свет и Тепло Блаженной и Вечной жизни.*

ложном, то кто отважится утверждать, будто истина в руках защитников своих должна оставаться безоружно против лжи? Кто станет требовать, чтобы люди, силящиеся убедительно доказывать ложные предметы, умели в самом вступлении к своим речам сделать слушателя или благосклонным, или внимательным, или понятливым, а защитники истины, напротив, не знали бы такого искусства? Чтобы в повествовании первые излагали ложь кратко, ясно, правдоподобно; а последние, напротив, рассказывали бы самую истину так дурно, что слушать их было бы скучно, понимать трудно, а потому и верить им неохотно? Чтобы защитники лжи в исследовании умели ложными доводами опровергать истину и незыблемо утверждать ложь; а защитники истины не были бы в состоянии ни саму истину защищать, ни ложь опровергать? Чтобы в заключение, наконец, одни, силою слова двигая и увлекая сердца слушателей в заблуждение, умели то приводить их в ужас и повергать в уныние, то вливать отраду и пламенно увещевать, а другие дремали бы над истиною, будучи ленивы и холодны к защите оной? Кто, говоря, захочет так немудро мудрствовать?

Напротив, если наука витийства стоит по природе своей как бы посреди двух крайностей, оказывая большую силу убеждения как в ложных, так и в правильных понятиях, то почему сей наукою не заниматься людям добрым, дабы она в руках их воинствовала за истину, когда худые люди употребляют ее орудием нечестия и заблуждения в защиту пустых и негодных предметов?

IV. Замечания и правила риторические, будучи соединены с сильным и тонким навыком выражаться ясно и обильно, употребляя при том красоты слов, заимствованные из образованнейшего языка, составляют так называемую словесность или

красноречие (*facundia vel eloquentia*). Но каковы бы ни были правила сей науки, они, говорю я, не входят в состав теперешнего моего сочинения: для изучения их должен быть отделен особый, приличный им, участок времени, удобные и соответственные им лета жизни, когда можно бывает изучать их легко и скоро. Это чувствовали сами корифеи римского красноречия¹; ибо не усомнились сказать, что если кто не может ораторского искусства изучить заблаговременно и скоро, тот никогда не в состоянии совершенно успеть в нем. Не почитаю нужным исследовать: совершенно ли и справедливо сие мнение? Ибо хотя бы риторику могли изучать с успехом люди и позднейшего возраста, у коих способности душевные делаются медленны, но я не считаю ее столь важной, чтобы для ее изучения тратить уже зрелые, тем паче преклонные годы жизни человеческой. Довольно предоставить заботу о сей науке детям, да и детям не всем, коих я желаю образовать для успешного служения и нужд церковных, а только тем из них, кои не заняты чем-нибудь гораздо необходимейшим и более предпочтительным, нежели риторика. В самом деле, если у кого есть острые и пламенные дарования душевные, то легче сделаться красноречивым посредством чтения и слушания ораторов, нежели через точное исполнение правил ораторского искусства. А у нас, не говоря уже о канонических св. книгах, кои по чрезвычайной важности своей суть как город, наверху горы стоящий, нет недостатка и в творениях собственно церковных (*litterae Ecclesiasticae*). Читая их, человек восприимчивый даже без особенного намерения сделаться самому красноречивым, но если только постоянно углубляется в предметы, излагаемые там, то от обращения с сими творениями он неприметно напитывается самым слогом или образом выражения их, особенно если вместе с чтением будет заниматься либо перепискою оных, либо диктованием, а напоследок и сказыванием собственных речей о том, что сам он смыслит и чувствует по мере веры и благочестия.

Если же нет быстрых дарований, то, с одной стороны, и правила риторики бывают вовсе непонятны, а с другой — хотя бы после многих трудов можно было их сколько-нибудь понять, но они мало принесут пользы. И те люди, кои твердо изучили сии правила, кои говорят теперь красноречиво и обильно, не все помышляют о том, чтобы, говоря речь, все и везде говорить по правилам, исключая только такие случаи, когда они рассуждают о самых правилах, да, я думаю, едва ли хотя один из них есть, который бы мог исполнить и то и другое — и красноречиво говорить, и вместе помышлять о правилах красноречия в ту минуту, когда говорит. Ибо в таком случае угрожает опасность, как бы не вышло из головы, что должно говорить, если станем вникать в то, как бы все сказать по науке. Несмотря на то, в словах и речах

¹ Цицерон. Об ораторе. Кн. 3.

людей красноречивых бывают совершенно выполнены все правила красноречия, хотя сии правила вовсе не приходили им на мысль тогда, как они или готовились только говорить, или уже действительно говорили красноречиво, учились ли они когда-либо сим правилам, или даже не дотрагивались до них, т.е. сии люди естественно и вместе невольно следуют правилам искусства ораторского, потому что они ораторы, а не подчиняются правилам, дабы сделаться ораторами.

V. Если дети делаются способными просто говорить оттого, что неприметно заучивают слова и выражения говорящих перед ними, то почему не сделаться способным говорить красноречиво, не слушая правил красноречия, а только читая и слушая людей красноречивых, только подражая им там, где можно подражать? Разве мы не видим примеров тому на опыте? Нам известны весьма многие мужи, кои — вовсе не зная правил риторических — были красноречивее людей, тщательно изучавших сии правила. Напротив, я не знаю ни одного человека, который бы сделался красноречивым без чтения и слушания ораторов. И самая грамматика, научающая правильному и цельному употреблению языка, не слишком была бы нужна для детей, если бы им довелось постоянно жить и возрастать между такими людьми, кои говорят совершенно правильным языком. Ибо в таком случае дети, не зная никаких ошибок в языке, не по правилам грамматическим, а по одному естественному навыку и себя предостерегали бы, и в других обличали бы всякую ошибку против языка так, как поселян обличают горожане, даже неученые.

VI. Но обратимся к предмету. Христианский учитель и истолкователь Св. Писания, защитник правой веры и гонитель заблуждений, обязан, с одной стороны, учить добро, с другой — отучать от худого. Обязан в своих поучениях примирять противников, укреплять слабых, внушать невеждам, что они должны делать и чего надеяться. Нашедши или же сам сделавши слуша-

NB *Здесь Августин касается того, как обучение может быть воспитывающим, а воспитание — обучающим. Сегодня у нас существует явное противоречие между верой и знанием. Уповая на рациональные наши способности, современная школа совершенно не обращается к нашей интуиции. А во времена Августина, когда природа человека была обогащена пониманием существования внутреннего мира*

телей своих благорасположенными, внимательными и понятливыми, он должен исполнять потом другие требования проповеднического искусства. Если слушателей сперва надобно учить (docendi), то в таком случае всего пригоднее род речи повествовательный или изъяснительный, смотря, впрочем, по надобности, то есть по тому, ясен или нет исследуемый предмет. Чтобы предметы сомнительные представить достоверными, для сего надлежит употреблять в речах доказательства и умозаключения. Напротив, если слушателей нужно более трогать (morendi), нежели научать, в таком

личности, обозначенного в христианской педагогике как «сердечная часть души», было понятно: логика, обращенная к разуму «внешнего человека», служит методом обучения, накопления знаний; интуиция, обращенная к миру невидимого «внутреннего человека», служит методом возбуждения души, развития ее ценностных ориентиров, то есть веры. Потому и требования к профессионализму учителя были высокие: он и оратор, и носитель истины, то есть проповедник.

случае потребно как можно более силы и убедительности в речи, дабы они не были бесчувственны и медлительны в исполнении того, что уже знают, и предметы, признанные от них за истинные, усвоили себе навсегда в своем сердце. И здесь-то особенно необходимы христианскому наставнику упрощения, обличения, побуждения, запрещения и все прочие средства, какие только могут способствовать к возбуждению души.

VII. Все то, о чем я теперь сказал, почти каждый наставник и старается соблюсти в речах своих, но одни выполняют сие грубо, безобразно, холодно, другие слишком остроумно, красиво, стремительно. К званию же проповедническому скорее способен тот, кто может рассуждать и говорить

мудро (*sapienter*), хотя бы и не мог говорить красноречиво (*eloquenter*), ибо такой может быть истинно полезным для слушающих, хотя и не столько, сколько бы пользовал их, если бы обладал вместе и даром красноречия. Напротив, человека, который обилен и силен в буйном и безрассудном витийстве, тем более должно опасаться, что он нравится слушателю и тогда, когда рассуждает о предметах, вовсе недостойных слушания: поелику он всегда говорит красиво, то слушатель думает, что он всегда говорит истинно и мудро. Сия мысль известна была самим тем людям, кои изучение науки красноречия почитали существенно необходимым, ибо и они признавались, что если мудрость без красноречия мало доставляет пользы гражданским обществам, то красноречие без мудрости часто причиняет великий вред, пользы, напротив, никогда не приносит¹. Следовательно, если по внушению одной простой истины принуждены были сделать такое признание люди, кои сами изложили правила красноречия, и сделали это в тех самых сочинениях, кои они писали о красноречии, еще не зная мудрости истинной, свыше нисходящей от Отца светов, то как же нам — чадам и служителям сей мудрости — не мыслить иначе и благоразумнее о достоинстве красноречия?

А мудро говорит человек тем более или менее, чем более или менее выказал он истинных успехов в познании Св. Писания, т.е. не в одном только чтении и затверживании прочтенного на память, но также и в добром разумении и в тщательном изыскании смысла его. Ибо есть люди, кои охотно читают Сло-

¹ *Cicero. De inventione, I.1.*

во Божие и вместе не ценят его: читают для того, чтобы удержать его в памяти, пренебрегают пониманием его. Гораздо предпочтительнее сих людей те, кои не помнят буквы Писания, но зато сердце оного — дух — ясно созерцают очами собственного сердца. А всех этих людей лучше и достопочтеннее тот, кто в одно и то же время и говорит на память места Писания слово в слово, когда ему заблагорассудится, и понимает оные как следует.

VIII. Итак, кто не может говорить красноречиво, а между тем должен, сообразно званию своему, говорить мудро, тому весьма необходимо содержать в памяти самые слова и выражения Писания. Ибо чем беднее видит он самого себя в отношении к собственным дарованиям, тем нужнее ему обогащаться знанием Слова Божия, дабы то, что он говорит своими словами слабо, подкреплять силою Писания. Таким образом, кажущийся малорослым по своему языку, некоторым образом займет себе рост от свидетельства мужей великих и будет нравиться доказательстами, когда не может нравиться красотой слова. Далее, кто хочет говорить к народу не только мудро, но и красноречиво (ибо нет сомнения, что соединение того и другого более принесет пользы), тому я советую гораздо лучше читать, слушать и подражать ораторам, чем без пользы тратить время с учителями риторики; только надобно смотреть, чтобы те, коих читает или слушает, по правдивой молве и в самом деле были в слове своем не только красноречивы, но вместе и мудры. Ибо ораторов красноречивых слушать приятно только, а мудрых спасительно. По сей причине Писание не говорит: множество красноречивых, но — «множество мудрых спасений миру»¹. Как часто бывает нужно принимать врачевства самые горькие, потому что они спасительны, так, с другой стороны, всегда должно убежать сладости, когда она губительна. Но что лучше сладости, когда она в то же время и спасительна, и спасительности, которая вместе и сладка? Ибо в таком случае, чем вожделеннее сладость, тем скорее и легче спасительность приносит пользу. У нас есть церковные писатели, которые не только мудро, но и красноречиво раскрыли в своих творениях Слово Божие; не в писателях таковых недостаток, а времени не достанет перечитать их писания, даже и таким людям, кои имеют великую охоту и досуг читать.

IX. Здесь, может быть, кто-нибудь спросит: богодухновенные писатели св. книг канонических мудрыми ли только должны быть названы или вместе и красноречивыми? Сей вопрос как я, так и все одинаково со мной рассуждающие могут весьма легко решить. Там, где сии писатели понятны для меня, там для меня ничего не может быть не только мудрее их, но и красноречивее. И смею сказать, что все, понимающие наших св.

¹ Прем. 6:26.

писателей, вместе понимают и то, что сии писатели иначе не должны были выражаться. Как в красноречии вообще есть витийство, приличествующее юношескому возрасту, есть приличествующее старцам; и то витийство, которое несообразно лицу оратора, не заслуживает имени витийства. Так есть некий особый род витийства, который один только приличен оным божественным мужам, достойным высочайшего уважения. Сим-то родом витийства глаголали богодухновенные писатели, другой род недостойн их, и другие недостойны оного: им он сообразен, а других людей далеко превышает — не напыщенностью, а твердостью и основательностью, и это тем более, чем он кажется ниже и обыкновеннее. Но где я не понимаю мужей богодухновенных, там их витийство хотя не совсем видно для меня, однако я уверен, что оно точно таково же, каким является в местах, для меня понятных. К такому роду витийства — столь возвышенному — по необходимости должно существовала примешиваться некая темнота в изложении божественных и спасительных истин, дабы, то есть, заставить наш рассудок заниматься изысканием и раскрытием оных.

X. Если б у меня было свободное время, я мог бы некоторым самохвалам, языку наших св. писателей предпочитающим свой язык не по истинному величию, а по надутости оного, я мог бы, говорю, показать все совершенства и красоты витийства, заключающиеся в св. письменах мужей, коих промысел избрал для научения нас и для приведения от настоящего развращенного века в блаженную вечность. Впрочем, совершенства языка, общие сим мужам с языческими ораторами и поэтами, самого меня, можно сказать, не слишком удивляют. Напротив, я тому наипаче дивлюсь и изумляюсь, как св. писатели, при своем особом и высшем роде витийства, так искусно умели употреблять наше человеческое красноречие, что оно и находится у них все вполне и между тем не выказывается явно, ибо им не надлежало ни отвергать красноречия человеческого, ни тщеславиться им, но они отвергали бы, когда бы явно избегали его, и напротив, выказывали бы тщеславие, когда бы в их творениях легко было признавать черты витийства человеческого. Если людям, знакомым с наукою, в некоторых местах Писания представляются явные следы красноречия человеческого, то зато в сих местах говорится о таких предметах, что слова, выражающие предметы, кажутся не от писателя придуманными и употребленными, а добровольно из сущности самих предметов родившимися. Читая их, невольно думаешь, что здесь одна простая мудрость исходит из обители своей, т.е. из груди мудреца, а красноречие следует за нею, как неотлучная раба, не будучи несколько звана к ней.

XI. Например, кто не увидит, что такое хотел сказать и как мудро сказал апостол в следующем месте: «гордимся в угнетениях знающие, что угнетение стойкость производит, стойкость же

испытанность¹, испытанность же надежду. Надежда же не стыдит, потому что любовь Бога излита в сердцах наших через Духа Святого, данного нам»²? Если бы какой-нибудь, так сказать, неискусный искусник стал спорить, что апостол в сем месте следовал правилам риторики, то не смешон ли бы он показался как ученым, так и неученым христианам? Между тем здесь есть риторическая фигура, которая у греков *klímax* (лествица), а у некоторых латинских писателей называется *gradatio*, или постепенное восхождение. (Ибо сим писателям неугодно было сказать *scala* (лествица) там, где слова или умствования постепенно вяжутся одно с другим, как, например, видим здесь их связанными: «из угнетения стойкость, из стойкости испытанность, испытанность же связана с надеждой».) Есть в сем месте и другая риторическая красота речи, именно: за несколькими, известным способом произношения определенными предложениями, кои у наших латинских писателей называются членами и отделениями (*membra et caesa*), или запятыми, у греков же *cola* и *commata*, следует объем или круг, именуемый у них периодом (*periodon*), коего члены один за другим постепенно как бы взвешиваются голосом произносящего, доколе окончится последний из них. В мыслях вышеозначенного примера сперва предшествуют периоду члены (*cola*), т.е. первый член: «что угнетение стойкость производит»,

В Великая сакральная сила Слова приподнимает или опускает Человека. Учитель обязан владеть смыслом слова, уметь наполнять этой энергией учебный процесс и удерживать его на высоте сказанного.

второй «стойкость же испытанность», третий «испытанность же надежду». А потом следует и самый период, состоящий из трех членов, из коих первый есть: «надежда же не стыдит», второй «что любовь Бога излита в сердцах наших», третий: «Духом Святым, данным нам». Сии и подобные сим правила преподаются в науке красноречия; но мы утверждаем, что

апостол не следовал правилам красноречия, а напротив, красноречие следовало за его мудростью.

XII. Обращаясь письменно к коринфянам, Павел во втором послании своем обличает некоторых лжеапостолов из иудеев, кои унижали его. Будучи принужден сам за себя говорить, он сначала приписывает себе некоторый род невежества, а между тем как мудро и красноречиво изъясняется! Как друг и наперник мудрости, как вождь красноречия, следуя за первою, предшествуя последнему и не отвергая его, когда оно само за ним идет, апостол говорит: «Повторяю еще раз: не принимайте меня за дурака! А если принимаете, то дайте мне еще немножко по-

¹ Августин употребляет вместо *probatas* «испытанный» *probatio* «одобрение». Поэтому текст мог звучать для него и так: «стойкость же одобрение, одобрение же надежду».

² Рим. 5:3—5.

быть дураком и чуть-чуть побахвалиться! То, что я сейчас скажу, конечно, не от Господа. В этой затее с бахвальством я буду говорить как дурак. Раз многие считают допустимым хвалиться, как это делают люди этого мира, похвалюсь и я. Вы же такие мудрые и с удовольствием терпите дураков! Терпите, когда вас закабаляют, когда собирают, когда вами помыкают, когда чванятся, когда угощают пощечинами... К стыду своему, признаюсь, тут мы, как видно, оказались слабоваты! Пусть кто угодно претендует на что угодно — я все еще говорю как дурак — я претендую на то же! Они евреи? И я. Израильтяне? И я. Потомки Авраама? И я. Служители Христа? Может, я в уме помешался, но все же я говорю: я больше! Больше изнурил себя трудами, больше был в тюрьмах, бит без счета, не раз смотрел смерти в глаза. Пять раз получал по 39 ударов глетью от евреев; трижды меня били палками [римляне]; однажды побит камнями; трижды терпел кораблекрушение и сутки провел в открытом море. Я постоянно в пути, постоянно в опасности, от разлива рек, от разбойников, от соплеменников, от язычников. А опасности в городах, в безлюдных местах, в море, от лжебратьев... Изнурительный труд, бессонные ночи, голод и жажда, жизнь впроголодь, холод и нагота... И кроме всего этого [внешнего] и того, чего я не перечисляю, — еще каждодневный груз забот обо всех церквях... Кто-то ослабевает — разве я не слабею? Кто-то спотыкается и падает — разве я весь не горю? И все-таки если надо чем-то похвалиться, похвалюсь тем, в чем видна моя слабость¹. Глубокую мудрость в сих словах видят люди бодрствующие, а красноречие, рекою стремящееся, и тот ощутит, кто дремлет и спит.

XIII. Далее, знаток легко увидит, что целый столь прекрасный вид и как бы лицо этой речи — вид, коим восхищаются и трогаются даже необразованные люди, образовался здесь от запятых, называемых у греков *kommata*, членов и периодов, о коих я недавно говорил и кои представляют в сем месте самое приличное разнообразие. Ибо приведенный мною пример в самом начале образует периоды: первый² меньший, т.е. двучленный (поелику период не может иметь менее двух членов, а больше может), *паки глаголю, да никто же мнит мя безумна быти*. За оным следует другой — трехчленный: *аще ли ни, поне яко безумна примите мя, да и аз мало что похваляюся*. Третий, следующий за ним, имеет четыре члена: *А еже глаголю, не глаголю по Господе, но яко в безумии, в сей части похвалы*. Четвертый имеет два члена: *понеже мнози хвалятся по плоти, и аз похваляюся*. Пятый также

¹ 2Кор. 11:16—30. Текст дан в переводе В.Н.Кузнецовой (Радостная Весть. М., 2001, с.300—301).

² Далее Августин делает разбор предшествующей цитаты. Здесь мы оставили фрагменты фраз в церковнославянском переводе, поскольку он лучше, чем современные переводы, иллюстрирует классификацию Августина.

два: *любезно бо приемлете безумныя, мудри суще*. Шестой период равным образом есть двучленный: *приемлете бо, аще кто вас порабоцает*. За ним следуют три запятых: *аще кто поядает, аще кто (не в лепоту) проторит, аще кто величается*. Потом три члена: *аще кто по лицу биет вы, по досаждению глаголю, зане аки мы изнемогохом*. К ним прибавляется трехчленный период: *о немже аще дерзает кто, несмысленно глаголю, дерзаю и аз*. Отсюда идут уже три запятые вопросительные, и столько же ответственных членов: *Евреи ли суть? и аз. Израильте ли? и аз. Семя Авраамле ли суть? и аз*. На четвертую запятую, тоже в виде вопроса предложенную, ответствуется не запятою, но противоположением члена: *Служители ли Христовы суть? Не в мудрости глаголю, — паче аз*. Четыре следующих запятых весьма прилично текут в виде отдаленного или скрытого вопроса: *в трудах множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи*. Между ними помещается краткий период, который должно обозначать здесь перемежающимся тоном в произношении: *от Иудей пятькрат* — это будет один член, к коему присовокупляется другой: *четыредесят, разве единья, приях*. Отсюда опять идут три запятые: *Трици палицами биен бых, единою каменми наметан бых, трикраты корабль опровержесе со мною* — следует член: *нощь и день во глубине сотворих*¹. За ним с самою приятною быстротою текут четырнадцать запятых: *в путных шествиях множицею: беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды в градах, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии. В труд и подвиге, в бдениих множицею, во алчбе и жажди, в пощениих многащи, в зиме и нагоме*. После них апостол полагает трехчленный период: *кро-*

¹ *Примечание переводчика.* Чтоб понять различие, которое полагает Св. Августин между запятыми (caesa) и членами (membra), надобно заметить следующее. Древние наставники красноречия определяли свойство речи периодической не только смыслом, но и числом слогов: запятая должна была заключать в себе около восьми слогов, член около семнадцати, равняясь героическому стиху или гекзаметру, т.е. или несколько более, или несколько менее. Посему и Августин называет цезамаи: 1) Ter virgis caesus sum, 2) Semel lapidatus sum, 3) ter naufragium feci; ибо в каждой из сих запятых содержится от шести до восьми слогов. Между тем, Nocte ac die in profundo maris fui — есть член, а не запятая; ибо здесь заключается тринадцать слогов. Мы не пойдем восхищения Августинова, которое ощущает он, разбирая красоты в приводимом им здесь отрывке из апостола Павла, если опять не припомним здесь учения древних о плавном, мерном и музыкальном сочетании букв и слогов. Они счисляли, измеряли, состраивали каждый слог и букву в слове, каждое слово в предложении, и налаживали звук к звуку, букву к букве дотоле, пока речь могла усладить слух подобно тону музыкальным. Запятые, члены, периоды они старались иногда размещать и разнообразить так, чтобы совокупность их составляла аккорд, какой и находит Блаженный Августин в рассматриваемом им отрывке из послания апостола Павла.

ме внешних, нападение еже по вся дни, и попечение всех Церквей. К сему периоду прибавляет он два члена в виде выведывания: *кто изнемогает, и аз не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжигаяся.* Наконец, весь этот отрывок, как бы умирая, кончается двухчленным периодом: *еще хвалитися ми подобает, о немощи моей похваляюся.* Не могу выразить, сколько красоты, сколько приятности заключается в том, что апостол, после столь быстрой и стремительной речи, некоторым образом отдыхает на кратком повествовании и заставляет с собою отдыхать слушателя. Ибо далее он говорит: «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа знает, учит благословенный вовеки, что не лгу», — и потом весьма кратко рассказывает, как он подвергался опасностям и как освободился от оных.

XIV. Не нужно более разбирать красоты сего примера или указывать оные в других местах Св. Писания. Если бы я в приведенном мною отрывке из апостола захотел еще находить фигуры речений, кои преподает риторика, то не показался ли бы через сие слишком пространным для людей степенных и слишком недостаточным для людей, пристрастных к учености? У наставников красноречия подобные красоты речи за великое почитаются, покупаются дорогою ценою и продаются с непомерным хвастовством. Рассуждая о них таким образом, я сам опасуюсь упрека в подобном хвастовстве. Но что делать! Я должен был дать ответ этим ученым невеждам, кои презирают наших св. писателей не потому, чтобы сии последние были в самом деле не красноречивы, но потому, что они не любят возвеличиваться показным красноречием.

XV. Может быть, кто-нибудь подумает, что я избрал апостола Павла с намерением, как мужа красноречивейшего из наших писателей. (Ибо, хотя он и говорит о себе: *еще и невежда словом, но не разумом*, но это говорит он, по-видимому делая уступку (*concedendo*) своим порицателям, а не то чтобы в самом деле признавал себя таким, ибо, назвав себя невеждою, он не замедлил, однако же, признать в себе разума, т.е. познаний, без коих он не мог бы быть и учителем народов.) Действительно, вышеозначенный образец красноречия Павлова взят мною из таких посланий, важность и силу коих не могли отвергнуть самые порицатели его, уверявшие, что послания его тяжки и крепки, а устное слово физически немощно и ничтожно¹. В таком случае я поставляю себе в обязанность сказать несколько слов о красноречии пророков, у коих многие истины выражаются языком иносказательным или переносным (*tropologia*), не для всех понятным; истины, чем более сокровенные в оболочке переносных выражений, тем более сладостные, когда раскроешь точный смысл оных. Но здесь я должен привести такое место из проро-

¹ Quint. 9.4.125 (о различии между вопросом и выведыванием).

² 2Кор. 10:10.

честв, где не буду иметь нужды раскрывать, что сказано, а только — как сказано. Я возьму из книги такого пророка, который говорит о себе, что он был пастух или сторож овец и что Господь от стада взял его и послал к народу пророчествовать¹. Не стану приводить по переводу семидесяти толковников, кои сами, переводя по внушению Духа Божия, по-видимому отступают иногда от подлинника для того, чтобы таким образом читателя заставить изыскивать смысл духовный, почему некоторые места и сделались у них темнее, облекшись языком тропов, но приведу по переводу с еврейского языка на латинский, сделанному пресвитером Иеронимом, искусным как в том, так и в другом языке².

XVI. Обличивши людей нечестивых, надменных, преданных роскоши, и потому вовсе не заботящихся о взаимной братской любви, пророк-пастух, или пророк из простолюдинов, так воскликнул: «горе богатым в Сионе, и надеющимся на гору Самарийскую, вельможи — главы народа, пышно ходящие по дому Израилеву! Перейдите в Халан и посмотрите, и идите оттуда в Емаф великий, и сойдите в Геф Палестинский, и ко всем наилучшим царствам сих народов: обширнее ли их пределы ваших пределов. Отделены на день зол и уже близки к престолу нечестия, кои спят на одрах слоновых и нежатся на ложах ваших, которые поедают агнца от паствы и тельцов из середины стада, которые поете под голос псалтерия! ... Они думали, подобно Давиду, иметь сосуды песней, выпивая в фиалах вино и умащиваясь наилучшими мазями, и не страдали они над печальями Иосифа»³. Люди, почитающие себя учеными и красноречивыми, и презирающие наших пророков, как писателей необразованных и несведущих в красноречии, иначе ли стали бы выражаться, если бы им случилось говорить о таком предмете или против такого же развращенного народа, против какого восстает Амос?

XVII. Ибо чего в сей речи остается желать целомудренному слуху? — вникните в нее: с самого начала каким громом отзывается это обличение, как будто желая пробудить к бодрствованию усыпленные чувства: «горе богатым в Сионе, и надеющимся на гору Самарийскую, вельможи — главы народа, пышно ходящие по дому Израилеву!» Потом, дабы показать неблагодарность к благодеяниям Бога, уделившего народу израильскому обширные пределы царства, народу, который уповал на гору Самарийскую,

¹ Ам. 7:14—15.

² Иероним (340—420) исполнил тот латинский перевод Библии, который под названием *Vulgata* завоевал потом всеевропейскую популярность (особенно с VIII в.). Августин знает и цитирует Библию по более древнему переводу, носившему название *Itala*. Отдельные от него отступления он оговаривает, как в данном случае.

³ Ам. 6:1.

где поклонялись идолам, — пророк говорит: «Идите к Халану все, и увидите, и перейдите в Емаф великий, и сойдите оттуда в Геф иноплеменников, крепчайшие от всех царств сих, разве больше пределы их пределов ваших?» Собственные имена мест: Сион, Самария, Халан, Емаф великий и Геф Палестинский, — сии имена как светила украшают речь пророка. Далее какое приятное разнообразие в следующих словах: *вы богаты, вы надеетесь, — перейдите, идите, сойдите!*

XVIII. За сим возвещается их будущее пленение при нечестивом царе, — словами: «вы, которые отделены на день зол и уже близки к престолу нечестия». Тут прибавлено пророком описание роскоши: «кои спите на одрах слоновых и нежитесь на ложах ваших, кои поедаете агнца от паствы, и тельцов из середины стада». Шесть членов образовали здесь три периода двучленных. Ибо пророк не говорит: вы, которые отделены на день зол, вы, которые близки к престолу нечестия, которые спите на одрах слоновых, которые нежитесь на ложах ваших, которые снедаете агнца от отары и тельцов из середины стада. Если бы и так было сказано, было бы красиво, потому что повторением одного местоимения «который» начинался бы каждый из шести членов, и каждый определялся бы известным изменением голоса в произношении, но у пророка более красоты оттого, что к одному и тому же местоимению относится по два члена, выражающих три мысли: первую — пророчество о пленении: вы, которые отделены на день зол и близки к престолу нечестия; вторую о роскоши — кои спите на одрах слоновых и нежитесь на ложах ваших; третью о прозорстве — кои снедаете агнца от отары и тельцов из середины стада; дабы от воли произносящего зависело, произнести ли каждый член особенно, и тогда вышло бы шесть членов, или напротив — первый, третий и пятый члены произнести с расстановкой, а второй соединяя с первым, четвертый с третьим, шестой с пятым, — устроить таким образом три весьма красивых периода двучленных: первый — об угрожающей опасности, второй — о нескромном ложе, третий — с расточительном столе.

XIX. Далее пророк порицает роскошным удовольствием слуха. Сказавши: вы, которые поете под голос псалтиря, и зная, что люди умные могут заниматься музыкой благоразумно, он делает удивительно красивый оборот речи, ослабляет быстроту обличения, и не обращается к ним во 2-м лице, а говорит о них в 3-м, дабы научить нас отличать музыку мудреца от музыки любителя роскоши. Он не говорит: вы, кои напеваете под голос псалтерия и подобно Давиду думаете иметь сосуды песней; но сделавши им упрек касательно неумеренного употребления песней и музыки — «вы, которые напеваете под голос псалтерия»; в последующих словах он показывает некоторым образом безлично их неумеренность и неискусство: они думали — подобно Давиду — иметь сосуды песней, распивая в фиалах вино и умащаясь

наилучшими маслами... Сии три члена лучше произнести так, чтобы повысивши голосом два первых члена в периоде окончить третьим.

XX. Последние слова пророка: et nihil patiebantur super contritione Ioseph — «и не страдали они над печальями Иосифа», произнесешь ли их непрерывно одним духом, дабы вышел один член, или же на словах: et nihil patiebantur (совсем не страдали), переведешь дух и потом с новою силою тона прибавишь: super contritione Ioseph (над печальями Иосифа), дабы образовался двучленный период, — эти слова пророка получают необыкновенную красоту оттого, что в них не сказано — super contritione fratris (над печальями брата), но вместо слова fratris (брат) употреблено слово «Иосиф», дабы каждый брат был ознаменован собственным именем того из них, кто славнее всех своих братьев — как в несчастьи, которым ему заплатили, так и в счастья, которым он отплатил. Не знаю, преподает ли наша риторика, которой мы сами учились и учили других, употреблять столь превосходные тропы, каков употребленный здесь троп «Иосиф», заставляющий подразумевать каждого из братьев его. Впрочем, кто сам не чувствует, тому и говорить нечего о том, сколь красив этот троп и как приятен он для читающих и понимающих.

XXI. Можно бы, по правилам красноречия, найти очень много и других красот в приведенном мною примере, но добрый слушатель не столько получает назидания от тщательного разбора, сколько согревает свое чувство оттого, когда ему с жаром и искусством произносят места Писания. Ибо сие последнее создано не усилиями человеческими, но излилось из Ума Божественного, излилось мудро и красноречиво, так что при сем не мудрость искала красноречия, но красноречие ни на шаг не отступало от мудрости. Если правила ораторского искусства, по точному мнению красноречивейших и остроумнейших мужей, не иначе могли составиться, как через наблюдение и замечание красот, находящихся в творениях лучших ораторов и через приведение оных в известную систему или науку, то что мудреного — находить сии правила и красоты в писаниях мужей богодухновенных, коих послал Тот, Кто творит умы великие? По сей-то причине я смело признаю канонических наших писателей и учителей не только мудрыми, но и красноречивыми в отношении к такому роду витийства, какой был совершенно приличен лицам богодухновенным.

NB В другом месте Августин приводит диалог двух учителей.

Молодой рассказывает:

— Я учу для того, чтобы красиво говорить.

А старый замечает:

— Не лучше ли тебе, друг мой, говорить для того, чтобы учиться?

Два источника знания здесь называет Августин: Внешнего учителя, владеющего красноречием, и внутреннего Учителя, владеющего Истиной.

Итак, «внутренний человек», слушающий нас, который видит предмет сокровенным внутренним оком и познает, о чем говорит кто-либо, посредством собственного созерцания, а не посредством слов. С точки зрения Августина, через человека протекает внутренний поток Божьего откровения. Причем это откровение идет из состояния целостности человека, часто даже вопреки моему «внешнему человеку». Наличием интуитивного целостного зрения — «объять взором за один раз» — проверяется наличие их внутреннего учителя, состояние соединенности низшего с высшим. И это есть мудрость. Соответственно иначе понимаются законы и порядок обучающего процесса. На других принципах выстраивается изучение систем «человек — человек», «человек — природа», «человек — Бог». Открывается то, что позволяет разом постигнуть в этом свете предмет целиком, именно такой взгляд дает ясное и истинное понимание мира. Более того, признается и все то, что отрицалось ранее, так как части, из которых слагается целое, теперь поняты в свете этого целого. Так, сомневающееся, раздумывающее сознание готово учиться дальше, а это значит — готово обрести внутреннего Учителя.

XXII. Но заимствуя образцы св. витийства из таких мест Писания, кои без всякого труда можно понимать, я решительно не советую подражать богодухновенным мужам там, где они выражались с полезной и спасительной темнотой, дабы каким ни есть образом занять и выпрямить умы читающих, дабы прогнать скуку, и изошрить охоту учиться желающих, и дабы на время утаить себя от людей нечестивых, или для обращения их к благочестию, или же для исключения их от таинств. То есть св. писатели выражались темно для того, чтобы люди последующего времени, желая правильно понимать и изъяснять их, старались обрести для сего в церкви Божией благодать новую, хотя и не равную, но по крайней мере подобную той, которая была в них самих. Но истолкователи их не должны в своих истолкованиях принимать на себя вид такой же таинственной важности, какая прилична была мужам богодухновенным, не должны изъяснять Писание так темно, чтобы и их изъяснения снова было нужно изъяснять. Напротив, для христианского наставника первый и главный долг есть — во всех своих поучениях быть сколько можно вразумительным и говорить с такой ясностью, что разве только самый неполковатый человек был бы не в состоянии понимать нас, или же причина неудобовразумительности в речах происходила бы не от наших слов, а от чрезвычайной трудности и утонченности предметов, кои мы желаем изъяснить и открыть другим.

XXIII. Ибо есть предметы, кои по самой сущности своей непонятны или кои едва-едва постигаешь, да и то весьма поверхностно, хотя бы наставник выражал их самыми ясными словами. Таких предметов или вовсе никогда не должно предлагать народу для слушания, или предлагать весьма редко, — в случае какой-нибудь необходимости. Впрочем, требование сие,

необходимое в общественных поучениях, не относится к сочинению книг, кои сами собою занимательны бывают для читателя, когда он понимает их, и не бывают скучны, когда их — по невразумительности — не захотят читать; не относится также к частным беседам и разговорам. Здесь, напротив, мы не должны шадить никакого труда для того, чтобы истины, даже самым трудные для разума, но хорошо нами постигнутые, каким бы то ни было образом довести до понятия других и во что бы ни стало перелить оные в душу слушателя, особенно если слушателем или собеседником нашим обладает жажда познаний и если у него есть достаточные умственные способности. Ибо в простой беседе наставнику вся забота не о том, как бы красноречивее, но о том, как бы яснее и очевиднее изложить предмет свой.

XXIV. Рачительное стремление к этой ясности (*evidentia*) вовсе не обращает внимания иногда на изящество выражений, заботясь не о том, что хорошо звучит, но о том, что хорошо высказывает и проявляет истину, которую силится сделать ясной. Посему-то один писатель, рассуждая о ясности выражения, говорит, что она бывает иногда некоей тщательной небрежностью, хотя, само собою разумеется, этою небрежностью не так уж лишается речь красивого убранства, чтоб облачать ее в безобразные покровы. Но как бы то ни было, только хорошие учителя в учении своем более всего стараются и должны стараться о ясности, и потому если выражения — чистые и правильные — в ученом употреблении темны и двусмысленны, а в простонародном употреблении хотя неправильны, но зато ясны и точны, то в таком случае они и употребляют сии выражения уже не так, как употребляют их ученые, а как произносит оные простой народ. Таким образом, если наши переводчики не постыдились сказать: *Non congregabo conventicula eorum de sanguinibus* — «не соберу собраний их от кровей»¹, ибо чувствовали, что предмет требовал употребить здесь слово *sanguinibus* (кровей) в множественном числе, хотя оно в ученом латинском языке употребляется только в единственном, то почему учителю веры, беседующему с людьми необразованными, стыдиться и не употребить простонародного *ossum* (кость) вместо книжного *os*, дабы избежать двусмыслия в слове, имеющем два значения — «кость» и «уста» и различающемся по одному только ударению в произношении — долгому или короткому (*os, oris* — короткое, *os, ossis* — долгое), — почему, говорю, не употребить, когда грубое африканское ухо вовсе не умеет судить ни о сокращении, ни о продолжении гласных букв? Какая польза от правильности языка, за которой не может следовать понятие слушателя, тогда как единственная причина и цель разговоров наших есть та, чтобы нас понимали люди, с коими ведем разговор?

¹ Пс. 15:4.

Итак, кто учит, тот пусть избегает выражений, кои не учат, пусть избирает выражения правильные, если это можно сделать, не вредя ясности; если же нельзя — либо потому, что их вовсе нет, либо потому, что они не скоро на ум приходят, то пусть употребляет слова не совсем правильные, лишь бы только самый предмет преподавать правильно.

XXV. Это требование касательно ясности и вразумительности должно соблюдать не только в частных разговорах с одним или многими лицами, но еще гораздо более в общественных поучениях к народу. Ибо в частных разговорах есть возможность спросить, когда чего не понимаешь, а где все молчат, чтоб слушать одного, где все к одному напрягли уста и уши, там спрашивать, когда чего не понимаешь, и не в обычае, и не в приличии, следовательно, здесь наивозможная заботливость оратора должна постоянно приходить на помощь молчаливому слушателю. Народ, жадный к познанию, обыкновенно нетерпеливым движением выражает, понял ли он проповедника. Пока нет сего движения, до тех пор проповедник должен представлять исследуемый предмет к различным точкам и облекать оный во всевозможные разнообразные виды речи. Этого не в состоянии, замечу мимоходом, сделать такие проповедники, кои произносят поучения, заранее приготовленные и слово в слово затверженные на память. Но как скоро проповедник поймет, что его все совершенно поняли, тогда надобно или кончить поучение, или перейти к другому предмету. Ибо как приятен тот, кто проясняет предмет незнакомый, так, напротив, тягостен тот, кто много толкует об известном. Впрочем, он тягостен для одних тех, у коих все внимание держится только ожиданием того, чтоб разрешили им трудность развиваемой истины, а в других случаях и предметы известные предлагаются слушателям с приятностью, то есть когда внимание слушателей обращено не на самый предмет, а на способ выражения предмета. Если же и самый способ выражения известен, и несмотря на то нравится слушателям, то для них почти все равно, беседует ли с ними проповедник или простой чтец (*dictor vel lector*). Ибо сочинения, приятно написанные, обыкновенно с наслаждением читают не только те, коим они в первый раз попадают, но их не без удовольствия перечитывают и такие люди, коим сии сочинения совершенно известны и находятся у них в свежей памяти, — те и другие так же охотно слушают их. Забудут ли что-нибудь из них? Забытое снова заучивают, только напони им об этом. Впрочем, о способе нравиться в речи я не рассуждаю здесь: говорю об одном способе научать желающих учиться. А самый лучший способ есть тот, чтобы слушатель слышал одно истинное и совершенно понимал слышимое. Достигнута эта цель? Тогда нет нужды трудиться над тем, чтоб широко и долго поучать известной истине. Разве будешь трудиться над тем, чтобы убедить и глубже напечатлеть ее в серд-

це, но и в сем случае надобно поступать скромно и умеренно, дабы не навести скуки.

XXVI. Точно, истинная черта красноречия в способе научать не та, чтоб жесткое и неприятное сделать приятным, скучное занимательным, но та, чтобы неясное представить ясным. Но с другой стороны, если ты неясно выражаешь ясно, а нисколько не приятно, то отсюда получают надлежащую пользу только немногие — самые ревностнейшие слушатели, — те, кои искренно желают узнать необходимые для них истины, хотя бы сии истины низко и грубо были выражены. Достигнувши сего, они сладко насыщаются истиною, и превосходное качество благородных умов есть то, чтобы в словах безусловно любить истину, а не слова. Ибо что пользы от золотого ключа, если им нельзя отомкнуть того, что мы хотим отомкнуть? И напротив, какой вред от деревянного, если он может отмыкать, когда от ключа именно мы ничего более не требуем, как только отомкнуть замкнутое? Но не должно забывать, что учащиеся некоторым образом похожи на едящих, коим хорошо нужно приправлять самую необходимую для поддержания жизни пищу, ибо большая часть людей склонны к отвращению и брезгливости.

XXVII. Один красноречивый писатель сказал, и сказал правду, что оратор обязан говорить так, чтобы научать, чтобы нравиться, чтобы убеждать. Потом прибавил: научать есть долг необходимости, нравиться — приятности, убеждать есть дело победы¹. Первое из сих требований, т.е. необходимость научать, относится к сущности предметов, последние два к способу выражения их. Таким образом, если проповедник говорит для того, чтобы научить, то пусть он говорит до тех пор, пока будет совершенно понят своим слушателем. Ибо, хотя бы он по-видимому все высказал, что сам понимает, но если не поняли его другие, — значит, он почти ничего не сказал им, напротив, если его скоро поняли, то он все сказал, каким бы образом ни сказал. Далее, если проповедник хочет нравиться или будить слушателя, в таком случае нельзя ему действовать наудачу и говорить как-нибудь, напротив, он должен тщательно обдумать способ, как именно что сказать. Нравиться должно слушателю для того, чтобы удержать его при слушании; убеждать для того, чтобы подвигнуть к действию. Нравится слушателю, если говоришь приятно, убеждается, если заставишь любить то, что обещаешь; боится того, чем угрожаешь; ненавидит то, что укоряет; принимает то, что одобряешь; скорбит там, где ты возбуждаешь скорбь; радуется тогда, когда благовествуешь радость; сочувствует тем, коих перед очами его поставляешь достойными сожаления; избегает тех, кого советуешь с ужасом отвращаться; и вообще можешь употреблять все другие средства возвышенного рода красноречия, возбуждающие души наставляемых не для того [лишь], что-

¹ Августин имеет в виду Цицерона.

бы они знали, что им должно делать, но для того, чтобы самим делом исполняли то, что они уже признают необходимым делать.

XXVIII. Если же народ еще не сведущ в истинах веры, то — опять повторяю — надобно прежде учить его и потом уже убеждать. Может быть, предметы, хорошо познанные, сами тронут слушателей, так что в последствии не нужно уже будет употреблять сильнейшие способы красноречия. Такие способы надлежит употреблять только тогда, когда нужно, а нужно тогда, когда слушатели знают, что известный поступок должно сделать, но не делают. Вот почему потребность учить есть дело необходимости. Ибо люди могут делать и не делать того, что знают, но можно ли сказать, что они должны делать то, чего не знают? Потребность убеждать не есть дело необходимости, поколику она не всегда нужна, коль скоро слушатель в известном предмете совершенно согласен с проповедником, либо научающим, либо нравящимся. Напротив, убеждать есть дело победы потому, что слушатель может быть и хорошо научаем, и поучение может ему нравиться, а между тем он может упорствовать и не соглашаться с проповедником. К чему же в таком случае послужат и способ научать и способ нравиться, когда при них не достанет способа убеждать? Способ нравиться также не имеет безусловной необходимости, ибо раскройте ясно в речи своей истину, т.е. употребите хорошо способ научать: она сама собою будет нравиться по простому изъяснению оной, а не по приятному выражению словом. Нравится часто и ложное, если оно удачно обнаружено и опровергнуто, нравится, впрочем, не потому, что оно ложно, но поелику истинно то, что оно ложно, по чему самому нравится и самый образ изложения, истинно обнаруживший то, что ложь есть ложь.

XXIX. Потребность нравиться немаловажное занимает место в красноречии тогда, когда мы имеем дело с людьми брезгливыми, коим самая истина не иначе нравится, как только под условием, чтоб нравился самый слог оратора. Но самый способ нравиться бывает вовсе недостаточен, когда у нас дело с людьми упорными и закоснелыми, кои не хотят получать пользы ни от способа научать, ни от способа нравиться. К чему послужат оба сии способы такому человеку, который истину признает, способ выражения оной хвалит, а между тем нисколько не прилагает ее к собственному чувству и не приемлет сердцем, для чего именно проповедник неусыпно трудится, истощая все роды убеждения? Ибо если преподаются предметы, относящиеся к вере и знанию, то слушателям ничего более не нужно, как только узнать истину оных. Напротив, когда преподаются им предметы деятельности, и преподаются для того, чтобы их исполнять, то напрасно ты стараешься уверять в истинности сих предметов, напрасен и приятный твой способ выражения, если ты не говоришь им так, чтобы они непременно стали поступать по твоим словам. Отсю-

да, когда церковный оратор рассуждает о предметах деятельности, то он не только должен учить, чтобы быть назидательным, не только нравиться, чтоб быть занимательным, но и убеждать, чтоб быть победоносным. Ибо в последнем случае возвышенным и величественным красноречием невольно склоняется на убеждение тот, у кого прежде не могла исторгнуть признания ни истина, ясно представленная, ни приятность, с какою она выражена в речи.

XXX. Достижению приятности в речи люди отдавали великие труды, но не подражать, а убеждать и гнушаться должно тех вредных и негодных сочинений, кои весьма красноречиво написаны вредными и негодными сочинителями не для назидания, а только для одного удовольствия. Да отвратит Господь от церкви своей то зло, на которое указывает пророк Иеремия, говоря о синагоге иудейской: «ужас и страх совершается на земле! Пророки пророчествуют неправду, и священники рукоплещут, одобряя руками своими, и народу моему нравится таковое. И что сотворите в будущем»¹? О витийство, тем ужаснейшее, чем чистейшее, и тем основательнейшее, чем сильнейшее; витийство, как секира, низвергающее скалы! Ибо сам Бог через Иеремию с секирою сравнил слово свое, которое Он изрек устами св. пророков². Да удалится от нас, да удалится то зло, чтобы священники рукоплескали говорящим несправедливое и чтобы народ Божий любил таковое, да удалится, говорю, от нас такое безумие, ибо что сотворим во времена наступающие? Пусть лучше будем мы менее поняты в своих поучениях, пусть будем менее нравиться, менее трогать, но мы должны говорить одно истинное, и слушатели наши должны восхищаться одним справедливым, а не несправедливым. Впрочем, я опять замечу, что сего восхищения нельзя произвести, если предмет поучения нашего не будет иметь никакой приятности в изложении.

XXXI. Людьми степенным и важным, о коих сказано в псалме: «среди народа многочисленного (*in populo gravi*) восхваляю тебя³, не нравится, однако же, и приятность речи, если в этой речи изображаются надутым и слишком обильным слогом хотя и не ложные, но маловажные и непостоянные наслаждения, слогом, который неприличен и не годится даже для изображений благ возвышенных и неизменных. Блаженный Киприан в посланиях своих представил образец скромного и важного витийства, образец любезный сам по себе, вожделенный для благочестивого наставника, но вместе с тем трудный для подражания. Между тем и у сего великого писателя встречаются примеры слога надутого, может быть, случайно, а может быть, и с намерением употребленного, дабы из противоположности показать читателю, какого

¹ Иер. 5:30.

² Иер. 46:22.

³ Пс. 34:18.

именно слога и языка требует здравая наука христианская и как благотворно был преобразован ею язык Киприана. Так например, в одном послании своем Киприан говорит: «Пойдем, сядем в тени садов, там соседственные одинокие места дают нам безмолвное убежище, там приятно колеблющиеся молодые ветви виноградных лоз, развешиваясь и перевиваясь вокруг подставок, обремененных ими, образовали для нас с тобою виноградную галерею с зеленым лиственным покровом, и пр.»¹. В сих словах видна удивительная плодовитость красноречия, при всем том они не могут нравиться строгому и степенному вкусу, ибо слишком растянуты и надуты. Есть люди, кои любят слишком обильный и кудрявый слог, они думают, что писатели, выражающиеся строго и точно, уклоняются от обильного слога не вследствие зрелого суждения, а вследствие своей неспособности выражаться обильно. По сей причине Св. Киприан, дабы отклонить от себя нареkanie, показал, с одной стороны, то, что он умеет выражаться обильно, ибо выразился так в известном месте; с другой — то, что не хочет говорить подобным образом, ибо, сказав таким образом однажды, он никогда уже не изъяснялся растянуто.

XXXII. Итак, наш церковный оратор достойно себя действует тогда, когда предлагает народу одно справедливое, святое и доброе, ибо другого ничего не должен он предлагать, достойно действует, когда, по возможности, умеет справедливое, святое и доброе выражать так, что его слушают с вниманием, охотно и покорно (*intelligenter, libenter, obedienter*). Но успеха в сем действовании должен ожидать он более от благочестивых молитв, нежели от способностей ораторских, пусть он, молясь за себя и за слушателей, сделается прежде молитвенником, чем проповедником. И в ту самую минуту, когда выходит на кафедру, прежде нежели отверзнет уста свои, пусть он вознесет жаждущую душу свою к Богу, да по благодати Его отрыгнет то, чем сам напоен, и да излиет от полноты своей. Ибо если во всяком предмете, с верою и любовью исследуемом, есть множество сторон, с коих можно раскрывать оный; если каждый предмет люди знающие могут выражать многими и различными способами, то кто знает, что именно должно сказать нам в такое или другое время, что выгоднее для наших слушателей; кто, говорю, знает кроме Того, Который видит сердца всех? Кто наставит нас, что должно и как должно сказать, кроме Того, в деснице Коего и мы, и словеса наши? Поэтому кто желает и сам научиться, и других учить, тот пусть изучает предметы наставления, пусть

¹ Сей отрывок, не понравившейся Августину по растянутости, или, как он выражается, *nimia profusione*, взят из Послания Св. Киприана к Донату о благодати Божией, перевод которого напечатан в Христианском Чтении за 1825 год.

² Прем. 7:16.

В Обучение как припоминание («Знание есть припоминание» — выражение из античной философии) проявляет уровень души, из духовного пространства пришедшей в мир. Душа знает — Учитель проявляет. Проговаривает вслух, а остальные активно слушают. Идет диалог равнозначных по уровню людей, независимо от присутствующего им возраста. Принять эту идею педагогом сегодняшнего дня не дает уверенность в том, что они сами обучают, передают свои знания. У Августина же — открытие истины прямо на глазах у всех. И тогда каждый урок — откровение. Какую точку отсчета примет учитель: точку Августина — о совершенной форме души и слова, несущего всегда смысл? Или другую — об отсутствии таковой в обучении? Не тогда ли урок превращается в скуку и тяжесть?

приобретает способность говорить, как прилично церковному лицу, но в самую минуту сказывания пусть лучше приводит себе на мысль слова Господа: «не позаботьтесь как или что вы сказали бы: будет дано вам в тот час, что вы сказали бы. Не вы ведь есть говорящие, но Дух Отца вашего, говорящий в вас»¹. Когда Дух Святой глаголет в тех, кои за Христа предаются гонителям, то почему не говорить Ему в тех, кои Христа словом благовествования преподают учащимся?

XXXIII. Скажут: если дух Святой производит учителей, то люди не должны предписывать правил, чему и как надлежит учить. Но в таком смысле, пожалуй, можно сказать, что и молиться нам не должно, ибо Господь говорит: «Знает Отец ваш, в чем нужду имеете, прежде чем вы попросите у Него»²; можно, пожалуй, сказать, что и апостол Павел не имеет права заповедывать Тимофею и Титу, что и как они должны были заповедывать другим. Между тем прочтите все три послания апостольские к Тимофею и Титу, кои учитель церковный всегда обязан иметь пред глазами. Разве не написано в первом послании к Тимофею: «возвращай это и учи»³? А чему учи, об этом выше сказано. Разве нет

там наставления: «старцу не твори пакости, но утешай как отца»⁴? Разве во втором послании не говорится: «образ имей здравый словес, которые от меня услышал»⁵? Разве не говорится: «постарайся себя самого пригодным представить Богу, работником непостыдным, прямо режущим слово истинь»⁶? Там же есть и следующее наставление: «проповедай слово; приступи вовремя, не вовремя; обличи, побуди, поощри во всем долготерпении и учении»⁷. Далее в послании к Титу разве не говорит апостол,

¹ Мф. 10:19–20.

² Мф. 6:8.

³ 1Тим. 4:11.

⁴ 1Тим. 5:1.

⁵ 2Тим. 1:13.

⁶ 2Тим. 2:15.

⁷ 2Тим. 4:2.

что подобает епископу быть держащимся верного слова доктрины, «чтобы силен он был в здоровом учении и противящихся обличал»¹? Там же говорит он: «ты же произноси, что подобает здоровому учению, будучи старцем трезвенным» и проч.² Там же: «Это произноси и увещивай, и обличай со всяким повелением; никто тебя пусть не презирает. Напоминай тем начальствующим и владеющим повиноваться» и пр.³ Что думать после сего? Думать ли, что апостол противоречит сам себе, когда он сказал, что учителей производит Дух Святой, сам между тем предписывает им правила, чему и как они должны учить?

Напротив, не лучше ли согласиться, что и люди, при содействии Св. Духа, не должны оставлять обязанности учить самих учителей? Только всегда надобно быть уверенным, что «не сажающий есть что-либо и не поящий, но растящий Бог»⁴? Вот почему ни помощь самых св. людей, ни даже содействие св. ангелов одни сами собою никого вполне и правильно не выучивают тайнам, относящимся к внутренней жизни с Богом, пока не станется отзывчив Богу через Бога⁵, к Коему взывает псалмопевец: «научи меня творить волю Твою, поскольку Ты есть Бог мой»⁶. Вот почему и апостол заповедует Тимофею, как учитель говоря с учеником: «ты же пребывай в чем научен и верен; ведай, от Кого научился»⁷. Как врачества телесные, прилагаемые людям от людей же, приносят пользу только тем, коим доставляет здоровье Бог, могущий и без лекарств урочевать, и хотя лекарства без помощи Божией недействительны, однако же люди и употребляют их, и усердие доставления оных во всяком случае почитается делом милосердия и благодеяния; так и пособия науки (*doctrina*), преподаваемые рукою человека, тогда только приносят пользу душе, когда делает их полезными сам Бог, который не от человека и не через человека мог, если бы восхотел, дать человеку самое евангелие.

XXXIV. Итак, кто старается силою слова своего уверить других во святом и благом, не пренебрегая притом ни одной из трех главных обязанностей витийства, т.е. обязанностей учить, нравиться и убеждать, тот пусть сперва молится и потом действует словом своим так, чтобы его слушали, как выше сказано, внятно, охотно и покорно (*intelligenter, libenter, obedienter*). Если он совершает сие с надлежащей точностью и достоинством, то по справедливости может назваться оратором, хотя бы слушатель все еще оставался не убежден и не согласен с оратором.

¹ Тит. 1:9.

² Тит. 2:1.

³ Тит. 2:15—3:1.

⁴ 1Кор. 3:7.

⁵ Ин. 6:45.

⁶ Пс. 142:10.

⁷ 2Тим. 3:14.

Мне кажется, что к трем вышеозначенным потребностям красноречия — учить, нравиться и убеждать, глава римского красноречия хотел отнести и следующие слова: «Истинный оратор будет тот, кто в состоянии о предметах обыкновенных выражаться слогом простым, о средних — умеренным, о великих и важных — слогом высоким»¹. Кажется, присоединяя сии последние требования к трем первым, он хотел изъяснить одну и ту же мысль следующую: тот будет истинный оратор, кто в состоянии о предметах обыкновенных и маловажных выражаться просто, чтобы учить, о предметах средних говорить языком умеренным, чтобы нравиться; о предметах важных говорить слогом возвышенным, чтобы убеждать.

XXXV. Впрочем, учение римского витии о предметах трех родов слога может годиться только в судебных или гражданских речах, а не в церковных поучениях, для коих я хочу образовать моего оратора. Ибо в правилах о речах судебных обыкновенным называется то, где должно рассуждать о денежных сделках или об имени вообще; важным то, где дело идет о целости и жизни людей или о делах уголовных; а где нет ни того ни другого, где не заставляют слушателя ни делать, ни определять что-либо, а только стараются ему нравиться, — там и предметы, занимающие середину между двумя вышеупомянутыми родами материй, названы как бы средними и потому посредственными, или умеренными. Название умеренных произошло от меры, и когда мы употребляем слово умеренный вместо маловажный — *modica pro parvis*, то говорим несобственно, а по злоупотреблению. Напротив того, в наших церковных поучениях нет предметов обыкновенных и маловажных, ибо все истины, предлагаемые от нас народу, особенно же истины, относящиеся к последнему из двух вышеозначенных родов, мы должны измерять отношением к спасению людей не временному, а вечному, или же отношением к вечной погибели их. В сем случае слово даже о приобретении или потере имени и денег, предлагаемое церковным наставником, не должно казаться маловажным, будет ли сумма их велика или мала. Ибо немаловажная вещь есть верность, которую мы должны хранить и в малом количестве денег, по слову Господа: верный в малом и во многом верен².

Следовательно, малое само по себе есть действительно малое, но велико то, чтобы в малом быть верным. Как причина круглоты, т.е. проведения всех линий равных от центра к оконечностям, есть одна и та же и в большом круге (*discus*), и в самой малой монете, так же точно и в делах справедливости величие верности не уменьшается от того, что исполняются верно маловажные обязанности.

¹ Цицерон. Оратор, 101, 69.

² Лк. 16:19.

XXXVI. Рассуждая о тяжбах мирских, что более, как не из-за денег, апостол говорит так: «смеет ли кто у вас, к другому имеющий дело, судиться у несправедливых, а не у святых? Не ведаете ли, что святые мир будут судить? И если в вас судится мир, недостойны вы меньших судов? Не ведаете ли, что житейское? Житейские итак суды если будете иметь презренных в церкви, те поставите. К стыду вам говорю. Разве нет среди вас никого мудрого, который может рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и это перед неверными? Уже то вообще вам поражение, что тяжбы имеете между собою. Из-за чего не более обижаемы? Из-за чего не более лишаемы бываете? Но вы сами обижаете и лишаете, да еще братьев. Или не ведаете, что неправедные царствия Божия не унаследуют?»¹ За что так негодует апостол, за что так упрекает, так поносит, так обличает, так грозит? По какой причине изливает страсть души своей в столь частых и сильных порывах? Для чего, наконец, о предметах самых малозначащих выражается он языком возвышенным и напряженным? Неужели одни пустые тяжбы по делам житейским так сильно раздражили его? Нет, он делает сие по справедливости, по любви и благочестию, коих здравый рассудок никогда не почтет маловажными даже в отношении к самым малозначащим вещам.

XXXVII. В самом деле, если бы мы писали здесь правила обыкновенным лицам, как они должны вести мирские дела за себя или за ближних пред судьями церковными, то мы сказали бы, что их защитительные речи должны быть излагаемы слогом простым, когда у них дело идет о маловажных предметах. Но мы рассуждаем о красноречии такого человека, в лице коего желаем видеть проповедника истин, спасающих нас от вечного зла и содействующих к достижению вечного блага, а такие истины всегда важны, когда бы и в какой бы ни были они представлены форме — в общественных ли поучениях к народу, или в частных наставлениях, предлагаемых одному или многим, друзьям или недругам, в проповедях, постоянно продолжающихся, или в простом разговоре, в рассуждениях, в целых книгах, даже в письмах самых кратких, равно как и самых длинных. Что, например, так неважно и малозначаще, как чаша холодной воды? Но неужели поэтому Господь изрек самую мелкую и незначащую истину, когда сказал, что не погубит зды своей тот, кто ученику Его даст чашу студеной воды?² И хорошо ли поступит проповедник, который, предлагая сию истину в Церкви, подумает, что она очень неважна и что потому об ней надобно говорить простым и низким языком, а не средним или не высоким слогом? Напротив, не лучше ли мы сделаем, если при случае говоря к народу об этом предмете, постараемся изложить его слогом более пристой-

¹ 1 Кор. 6:1—9.

² Мф. 10:42.

ным, показывая, как из оной воды холодной истекло некое священное пламя, которое надеждою мзды небесной могло некогда воспламенить даже холодные сердца людей к совершению дел милосердия?¹

XXXVIII. Впрочем, церковный наставник, обязанный быть проповедником истин великих и важных, не всегда обязан выражать их языком возвышенным. Напротив, он должен употреблять простой слог там, где чему-нибудь в важном предмете учит; умеренный или средний там, где что-либо хвалит или порицает; а где нужно побуждать к действию и где мы беседуем с такими людьми, кои должны действовать, но не хотят, там предметы важные необходимо требуют слога высокого, соразмерного потребности убедить упорные умы. Отсюда иногда один и тот же предмет важный излагается просто, когда ему учат, умеренным или средним слогом, когда описывают его качества, выражается возвышенно, когда стараются привлечь к сему предмету склонившееся от него чувство слушателя... Какой предмет величественнее и важнее самого Бога? И однако же неужели, по причине своего беспредельного величия, Бог не есть предмет для изучения? Напротив, кто учит, например, догмату о единстве Св. Троицы, тот не должен ли выражаться одним только простым слогом, дабы предмет, сам по себе неудобопримимый, представить насколько можно вразумительнее? Разве здесь требуются красоты, а не доводы? Разве здесь надобно убеждать слушателя к какой-нибудь деятельности, а не к тому, чтобы он собственно старался только учиться великому предмету? Далее, когда цель поучения бывает — прославлять Бога или Самого в Себе, или в делах Его, то какой открывается вид для среднего — прекрасного и блистательного слога такому проповеднику, который может (сколько может) прославлять Того, Кого никто не может хвалить по достоинству, никто, говорю, каким бы образом ни восхвалял! Наконец, если случится, что Бога не почитают, или почитают Его наравне с идолами, или даже предпочитают Ему идолов, демонов, либо какую-нибудь тварь, в таком случае надлежит говорить языком возвышенным, дабы показать, как велико сие зло, и дабы отворотить от оного людей.

XXXIX. Для ясности моих замечаний я приведу здесь несколько примеров. Образец слога простого есть у апостола Павла. Он говорит: «Говорите мне, под законом хотящие быть, закон не слышите? Писано ведь, что Авраам двух сыновей имел: одного от рабыни, а другого от свободной. Но который от рабыни, по плоти родился, а который от свободной, по обещанию. Что суть аллегорически: это ведь есть два завета: первый есть от горы Синайской, в рабство рождающий, каковой есть Агарь. Агарь ведь Синай гора есть в Аравии, соответствует же нынеш-

¹ 2Мак. 1:52.

нему Иерусалиму, находится в рабстве с сынами своими. А вышний Иерусалим свободен есть, каковой есть мать всем нам¹, и проч. Вот другое место из того же послания, где посредством умозаключений изъясняется так: «Братья, по человеку говорю: даже человека заверенного завещания никто не отвергает и не добавляет. Аврааму сказаны были обещания, и семени его; не говорит Он: «и семенам», как о многих, но как о едином: и семени твоему, которое есть Христос. Сие же говорю: завета, прежде заверенного Богом после четырехсот и тридцати лет, закон не отменяет, чтобы упразднить обещание. Если ведь по закону наследство, то не по обещанию, Аврааму же обещанием даровал Бог». Поелику здесь могло прийти на мысль слушателю возражение: «для чего же дан Закон, если наследие не от Закона?» — то апостол предупреждает слушателя и сам себе возражает: «Итак что — закон?» Потом отвечает: «преступлений ради он был представлен, пока не придет семя, ему обещанное; изложен ангелами, рукою посредника. Посредник же не один, истинный Бог един». Поелику здесь снова встречалось другое возражение, то апостол опять спрашивает себя: «Закон ли против обещаний Бога?» и опять отвечает: «никак». Потом приводит причину, говоря: «Если был бы дан закон, могущий оживить, воистину от закона бы была правда. Но затвори писание всех под грехом, чтобы обещание от веры Иисуса Христа дано было верующим» и проч.². Из сего последнего примера видно, что к обязанности научать относится попечение не только о том, чтобы отверзать заключенное и разрешать узлы главных вопросов, но вместе и о том, чтобы предупреждать случайные противоречия или возражения, дабы они не ослабляли и не опровергали главного предмета нашей проповеди, особенно если на вопрос у нас есть готовое решение, то мы тем паче не должны уклоняться от возражения, которого избежать не можем. Случается, что когда при главном вопросе исследователь и разрешает случайные вопросы, а потом при случайных еще новые случайные же противоречия, то внимание начинает теряться в длинной цепи умозаключений; и исследыватель не иначе может возвратиться к главному своему вопросу или предмету, разве только с помощью самой твердой и живой памяти. Несмотря, однако же, на такие случаи, весьма доброе дело — опровергать всякие случайные противоречия, дабы они не встретились слушателю в такую пору, когда некому будет отвечать ему на оные, а с другой стороны, хотя бы и было кому отвечать, но поелику слушатель при сказывании поучения стоит молча, не предлагая своих сомнений, то он может уйти после проповеди неудовлетворенным, если недогадливый проповедник не разрешит противоречий, приходивших на ум молчаливому слушателю.

¹ Гал. 4:21—26.

² Гал. 3:13—25.

XL. Образец слога умеренного или среднего представляют следующие слова Апостола: «старцу не твори пакости, но утешай как отца; юношей как братьев; стариц как матерей; юниц как сестер»¹. Так же: «молю вас, братья, через отзывчивость Бога чтобы представили тела ваши жертвой живой, святой, угодной Богу»². Да и все почти увещание это выражено слогом умеренным. Красивейшие места в нем суть те, в коих подходящее с подходящим должным образом сбалансировано, как вот здесь: «И в соответствии с разными дарованиями, которые дал нам Бог, у каждого свое назначение: кому дано пророчествовать — пусть делает это так, как внушает ему вера; кому служить братьям — пусть служит; кому учить — пусть учит; кому ободрять — пусть ободряет; кто дает, пусть дает от чистого сердца; кто руководит, пусть руководит с усердием; кто делает добрые дела, пусть делает их с весельем. Пусть любовь ваша будет искренна. Ненавидьте зло, будьте преданы добру. Любите друг друга как братья, всем сердцем; относитесь друг к другу с уважением; с неослабимым рвением, с горением духа трудитесь для Господа; пусть надежда приносит вам радость; будьте стойкими в беде; неустанно молитесь; делитесь с братьями по вере, если они в нужде; будьте гостеприимны. Благословляйте тех, кто вас преследует, благословляйте, а не проклинаяте. Радуйтесь с теми, кто радуется, плачьте с теми, кто плачет. Живите в полном согласии друг с другом»³. Как красиво льется вся эта речь и потом преграждается двучленным периодом: «не умудряйтесь великим, но следуйте за смиренными!» Спустя немного апостол говорит: «настойчивые, воздайте всем должное: кому налог — налог, кому сбор — сбор, кому страх — страх, кому почет — почет»⁴. Здесь опять весьма прилично речь, составленная из отдельных членов, заключается двучленным периодом: «никому ничего не должны, если не любите друг друга». Еще пример: «ночь проходит, а день приближается. Отложим же дела темные и облечемся в оружие света. Как днем благовидно пройдем, не в гулянках и пьянстве, не сонитиями и распущенностью, не ссорой и завистью; но облечемся Господом Иисусом Христом, и попечение о плоти не превратим в похоть»⁵. Если бы кто сказал здесь так: «et carnis providentiam ne in concuſiscentiis feceritis» вместо: ne feceritis in concuſiscentiis (и попечение о плоти не в похоть превращайте), т.е. глагол поставил бы на конце, то без сомнения сие окончание было бы приятнее для слуха по сво-

¹ 1Тим. 5:1—2.

² Рим. 12:1—2.

³ Рим. 12:6—16. Перевод В.Н.Кузнецовой с изменениями по латинскому тексту Августина.

⁴ Рим. 13:6—8.

⁵ Рим. 13:12—14.

ей плавности¹; но знаменитейший и степенный переводчик наш не захотел в переводе своем изменить даже порядка слов против подлинника. Красива ли и благозвучна ли расстановка слов вышеозначенного отрывка на греческом языке, коим говорил апостол, об этом пусть рассуждают знатоки греческого языка, а мне кажется, что и в самом подлиннике недостает плавности окончаний там, где они находятся в таком же точно порядке, каким поставлены в переводе нашем.

XLI. В самом деле, надобно признаться, что у наших св. писателей иногда недостает той красоты речи, которую сообщают ей плавные и мерные окончания (clausula) периодов. Не смею утверждать, от переводчиков ли произошел сей недостаток, или сами св. писатели (в чем я более уверен) с намерением избегали сих неважных украшений, не смею, потому что, признаюсь, сам этого не знаю наверно. Но знаю то, что если какой-нибудь знаток плавности или мерности в речи захочет расположить окончание периодов и предложений у наших писателей по закону ритма, а это весьма нетрудно сделать, переставивши некоторые слова, кои нимало не теряют своего значения от перемены порядка, то он увидит, что у богодухновенных мужей не было недостатка и в сем мелком убранстве речи, которое он как предмет очень важный изучал в школах грамматиков и риториков. Даже много найдет он как в нашем переводе латинском, так особенно в подлинном языке писания, — много найдет, говорю, таких украшений касательно слога, каких вовсе нет в сочинениях людей, преимущественно тщеславящихся размеренным складом речи. Но надобно опасаться, чтобы, придавая божественным и высоким мыслям плавность, не отнять у них важности. А что нашим пророкам был очень знаком строй и порядок речи по способу музыкального искусства, которое во всей полноте излагает науку об известном числе или ритме², — свидетель тому Иероним, муж

¹ *Примечание переводчика.* Блаженный Августин говорит, что заключение речи было бы плавнее numerosior clausula и приятнее для слуха, если бы глагол feceritis стоял на конце. Это потому, что тогда весь член большой — oblongum, заключающий в себе более законных 17 слогов, оканчивался бы стихотворною стопою дитрохеем (— v—v); что ему предшествовал бы слог краткий в союзе пе, и что наконец дитрохей заключался бы в одном слове feceritis, а не в двух. В таких окончаниях тонкое, привыкшее к гармонии уо римлянина находило великое наслаждение.

² Число или ритмы в музыке есть сочетание тактов известного темпа: метр есть такт. Из музыки число и мера перешли в поэзию: по числу построились стихи разных количеств: шести-, пяти-, четырехстопные и пр.; по мере образовались стопы разных качеств — хорей, ямб и пр.; по темпам целые пьесы разного тона, например элегические, лирические и т.д. Из поэзии число и мера переведены в самую прозу, которая, конечно, вольнее употребляла их, чем поэзия и музыка, но употребляла. Та ким образом составилась в древней речи теснейшая связь между музыкаю, стихом и периодом (см. у самого Августина De musica); и посему то можно было сказать: есть музыка в речи. *Примечание переводчика*

ученейший, которые в некоторых книгах Писания указывает даже самый метр (стопу), по еврейскому, впрочем, тексту: в переводе же своем он не соблюдал метров в словах потому, чтобы соблюсти точность в смысле. Моя собственная мысль о числе и мере, кажущаяся правдоподобнейшею, может быть, мне, нежели другим, такова, что как в моем собственном слоге я не люблю опускать складных и мерных окончаний, где считаю это приличным и не выходящим из пределов скромности, так, напротив, в Писаниях богодухновенных мужей мне более нравится то, что я весьма редко нахожу в них эти окончания.

XLII. Высокий слог отличается от среднего (смешанного, умеренного) особенно тем, что он не столько убран прикрасами

NB Речь идет о необходимости использования образного языка в педагогическом процессе. Метафора и украшает, и оживляет речь, и удивляет слушателей неожиданностью ассоциаций, активизируя их собственное мышление.

слов, сколько оживлен сильными чувствами души.

Он принимает в свой состав почти все красоты слога среднего, если они есть, но и не ищет их, если они сами не являются к нему. Он стремителен собственной быстротою и порывами. Доступны ли ему красивые выражения? Он достигает их силою предметов, а не заботливостью об украшении. Он довольствуется одним приличием выражений, хочет,

чтобы они повиновались внутреннему жару сердца, а не зависели от тонких расчетов языка. Так герой, вооруженный позлащенным мечом, осыпанным драгоценными камнями, победоносен является на поле брани не потому, что его оружие драгоценно, а потому, что оно оружие; но пусть он будет и безоружен, все останется героем, все будет могуч и силен, ибо негодование превратит для него в оружие все, что ни попадется ему под руку.

Апостол рассуждает в одном месте, что за благовестие Христово сладостно переносить все временные бедствия при помощи и утешении даров Божиих. Предмет возвышенный, но и слог, коим выражается апостол, также высок и обилен красотами речи. «Вот теперь, — говорит он, — время благоприятное, вот теперь день спасения. Никакое ни в чем не дающие спотыкание, чтобы служение не было осмеяно; но во всем представляющие себя самих как Бога слуг: в терпении многом, в скорбях, в бедах, в притеснениях, в ударах, в тюрьмах, в беспорядках, в трудах, в бодрствованиях, в постах, в чистоте, в знании, в долготерпении, в доброте, в Духе Святом, в любви нелицемерной, в слове истины, в доблести Бога, через оружие правды десницы и — шуйцы, через славу и бесчестие, через злословие и славословие; как обманщики и истинные; как неизвестные и узнаваемые; как умирающие, и вот живые; как называемые и неумертвляемые; как скорбящие, но всегда радующиеся; как нищие, многих же обогащающие; как ничто не имеющие и

всем владеющие»¹. Далее еще пламеннее выражается апостол: «уста наши открыты к вам, коринфяне, сердце наше широко раскрыто» и проч.

XLIII. Рассуждая в послании своем к римлянам о том, что гонения настоящего мира побеждаются любовью при несомненной надежде на помощь Божию, апостол подобным образом выражается сколь возвышенно, столь же и красноречиво. «А мы знаем, — говорит он, — что для тех, кто любит Бога, кто был призван согласно его замыслам, Он все обращает во благо. Это те, кого Бог знал еще тогда, когда их не было, и предназначил быть истинным подобием Своего Сына, чтобы Сын Его стал первенцем среди множества братьев. Кого Он предназначил, тех и призвал; кого призвал, тех оправдал. Кого оправдал, с теми разделил свою славу. Что еще к этому прибавить? Если Бог за нас, кто против нас? — Никто! Ведь Бог не пожалел Своего собственного Сына, а отдал Его ради нас всех. Дав такой дар, Он и ни в чем остальном не откажет нам. Кто сможет обвинить избранных Бога! — Никто! Ведь Бог их оправдал! Кто их осудит? — Никто! Ведь Христос, который умер, — более того, который был воскрешен и пребывает по правую руку Бога, — ходатайствует за нас. Кто может встать между нами и любовью Христа? — Страдания, притеснения, преследования, голод, нищета, опасность, меч? ... Писание говорит: «Из-за тебя мы все время на грани смерти, мы для них как овцы, которых ведут под нож». Но мы во всем этом одержали полную победу благодаря Тому, Кто нас любит. И я убежден, что ничто: ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни другие духовные существа и силы, ни век нынешний, ни век грядущий, ни вышний мир, ни бездна — ничто из мироздания не сможет встать между нами и любовью Бога, которую Он явил в Христе Иисусе, Господе нашем!»²

XLIV. Хотя послание к галатам почти все написано простым слогом, исключая последние части оно, изложенные слогом средним, впрочем, и в сем послании есть место, которое в отношении к красоте языка хотя не равняется с вышеприведенными образцами, при всем том в отношении к силе чувствований выражено слогом высоким. «Дни соблюдаете, — говорит апостол, — и месяцы, и годы, и времена. Боюсь о вас, не как-либо напрасно я потрудился ради вас. Будете, как и я, так как и я, как и вы. Братья, молю вас, ничем же меня не огорчайте! Ведайте, что немощью плоти благовестил вам некогда; и искушение ваше в плоти моей не уничтожили вы и выплюнули, но как ангела Божия приняли меня, как Христа Иисуса. Каково поэтому будет блаженство ваше? Свидетельство произношу вам, что если бы было возможно, очи ваши выкололи и дали бы мне. Враг ли ваш я, вам

¹ 2 Кор. 6:2—10.

² Рим. 8:28—39. Пер. В.Н.Кузнецовой.

истину говорящий? Проявляют о вас рвение недоброе, но отлучить вас хотят, чтобы о них проявляли рвение. Но хорошо всегда проявлять рвение в добром, и не только когда я с вами. Детеныши мои, коих ношу во чреве я, пока Христос не сформируется в вас. Но хотел бы уже ныне присутствовать среди вас и изменить голос мой, каковой разливается в вас»¹. Есть ли здесь разительные противоположности в словах, есть ли фигурная постепенность, благозвучный склад и расположение запятых, членов и периодов? Нет, но от сего нимало не охладело возвышенное чувство, которым здесь горит речь апостола.

XLV. Но послания апостола, из коих заимствованы вышеозначенные примеры слогов, с одной стороны, ясны и светлы, а с другой, — глубоки; они написаны и переданы памяти потомства так, что для них нужен не только просто читатель или слушатель, но вместе необходим и истолкователь, если, не останавливаясь на поверхности, желает проникнуть в глубину мыслей. Итак, от посланий апостола обратимся теперь к родам слогов у таких писателей, кои чтением Слова Божия приобрели глубокое познание о вещах божественных и спасительных и свое знание завещали церкви в своих писаниях, кои можно легко читать без толкователя. Блаженный Киприан, в своей книге о таинстве евхаристической чаши (*de sacramento calicis*), употребляет слог простой, скромный. Он решает там вопрос: Чаша Господня одну ли воду иметь должна или вместе и вино, смешанное с водою. Для примера я приведу здесь несколько слов. После вступления к посланию приступая к решению предложенного вопроса, он говорит следующим образом: «Знай же, что мы твердо убеждены в том, что чаша возносится по преданию Господню; и мы ничего иного не делаем здесь, как только то, что прежде нас сам Господь сделал за нас, т.е. чтобы в чаше, приносимой в Его воспоминание, приносилось вино, смешанное с водою. Ибо когда Христос говорит: «Аз есмь лоза истинная» (*vitis* — виноградная лоза), то кровь Христова не есть одна вода, но вместе и вино. И нельзя видеть искупившей и оживотворившей нас крови Спасителя в чаше, если нет в ней вина, означающего кровь Христову, которая проповедуется таинствами и свидетельством всех ветхозаветных писаний. Так, в книге Бытия² мы находим преобразование сей крови и изображение (*figura*) страданий Господних в таинстве лица Ноева — и именно в том, что Ной пил вино, что он упился, что обнажился в доме своем, что спал с обнаженными и открытыми чреслами, что сия нагота отца замечена была средним сыном, а большим и меньшим прикрыта; находим и другие признаки, коих не нужно приводить здесь; довольно знать, что Ной, представляя собою образ (*typus*) будущей истины, пил не воду, а вино и таким образом предначертал в себе страдание Господне.

¹ Гал. 4:10—21.

² Быт. 9:21.

Преобразование таинства Господня видим также в священнике Мелхиседеке, о коем свидетельствует Писание, говоря: «и Мелхиседек, царь Салемский, вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего и благословил Авраама»¹. А что Мелхиседек точно представлял образ (typus) Христа, это изъясняет Дух Святой в псалмах, от лица Отца говоря Сыну: прежде денницы (ante luciferum) родил тебя. Ты еси иерей вовек по чину Мелхиседека². Сие и последующие места послания Киприанова изложены простым слогом, что легко могут усмотреть сами читатели.

XLVI. Подобный пример представляет нам Св. Амвросий, когда рассуждает о Св. Духе, дабы доказать равенство его с Отцом и Сыном. Предмет важный, но слог для выражения оного употреблен Св. Амвросием простой, ибо самый предмет по возвышенности своей требует не красоты слов, не сильного чувства для убеждения сердца, а доказательств и пояснений. Между прочим, Св. Амвросий говорит: «Когда Гедеон, подвигнутый прорицанием, услышал³, что Господь избавляет от врагов народ Свой не тысячами воинов, а посредством одного человека, то принес козлице от коз; мясо его и хлебы пресные, по повелению ангела, возложил на камень, и на них бульон излил. Ангел Господен прикоснулся концом жезла своего к мясам и хлебам пресным, и возгорелся огонь из камня и поял жертву, которая была принесена. Сим знамением, кажется, объяснено, что вышепомянутый камень был образом (typus) тела Христова, ибо написано: «пили от истекающего камня, камень же был Христос»⁴. Сии слова апостола относятся не к Божеству Спасителя, а к плоти Его, которая вечно текущим источником крови своей обильно напоила сердца жаждущих народов. Таким образом, еще в древности таинственно предизображено было, что распятый Господь Иисус во плоти своей упразднит грехи всего мира, и не только вины и преступления дел, но даже и похоти сердец. Ибо мясо козлища относится к очищению вины дел, бульон же к омытию нечистоты прельщающих похотей, по оному слову Писания: «Восхотел народ похотением гнуснейшим, и сказал: «кто нас напитает мясом?»⁵. А простертый жезл ангела и прикосновение оным к камню, из коего изшел огонь, показывает, что плоть Господа, исполненная божественного духа, выжигает все грехи людские. Почему и Господь говорит: «огонь пришел бросить на землю», и пр.⁶. Таким образом изъясняется Св. Амвросий, стремясь научить читателя и доказать свой предмет.

¹ Быт. 14:18.

² Пс. 154:4.

³ *Supr.* Oper. epist. 63.2—4.

⁴ Суд. 4:19.

⁵ 1 Кор. 10:4.

⁶ Чис. 11:4.

⁷ Лк. 12:49. *Ambros. De Spiritu*, prol. 2—3.

XLVII. Образец слога среднего (умеренного, смешанного) представляет нам Киприан в своей знаменитой похвале девству: «К девам ныне слово мое, к девам, тем большую имеющим нужду в попечении, чем возвышеннейшая предоставлена им слава. Девственницы — это цвет садов церковных, слава и украшение благодати духовной, веселое выражение хвалы и почести, это невинное и неповрежденное создание, образ Божий, сообразный святынь Господа, это светозарнейшая часть стада Христова. Ими веселится и в них изобильно цветет славное плодородие матери церкви; и чем более увеличивается число славного девства, тем более умножается радость сей матери-церкви»¹. Вот другой пример, заимствованный из того же послания, в конце: «Как, говорит апостол, носили мы образ глиняного, будем носить и образ небесного»². Сей образ Небесного носит на себе девство, носит непорочность, носит святость и истину³, носят имеющие память о Боге, кои хранят правду и благочестие, кои постоянны в вере, смиренны в страхе Божиим, мужественны во всяком терпении, кротки в перенесении обид, легки к совершению дел милосердия, единокорны и согласны в братском мире. Каждую из сих добродетелей вы, о девы добрые, должны почитать, любить и исполнять, вы, досужные для Бога и Христа, кои посвятив себя Господу, приходите к Нему важнейшею и лучшею стезею, нежели мы. Старшие, представляйте собою училище для юнейших, младшие, совершайте служение старшим; возбуждайте рвение в равных вам, ободряйте себя взаимными увещаниями, зовите друг друга к славе, каждая [дева] в себе являя образец добродетели, достойный соревнования; мужественно продолжайте; духовно стремитесь; счастливо достигайте. Не забудьте и о нас в то время, когда ваше девство начнет в вас прославляться».

XLVIII. Св. Амвросий также выражается средним красивым слогом, когда успевшим в добродетельной жизни девам представляет следующий образец совершенства в виде примера для подражания. «Она была дева не только по телу, но и по душе, даже тенью притворства не омрачила она внутреннего чистого расположения. Смиренная сердцем, важная в словах, благоразумная в намерениях, чем более бережливая и осторожная в разговорах, тем ревностнейшая в чтении Писания, полагающая надежды свои не в богатстве неверном, но в смиренных мольбах, всегда преданная занятиям, целомудренная в речах, она привыкла судию и посредника своих мыслей видеть в одном Боге, а не в человеке, привыкла всем желать добра, никого не оскорблять, с почтением вставать пред старшими, не завидовать равным себе, убегать тщеславия, следовать рассудку, любить

¹ *Cypr. De habitu Virginum* 3:23.

² 1Кор. 15:49.

³ Еф. 4:2—4.

добродетель. Оскорбила ли она когда-нибудь своих родителей хотя одною минуою неприятною? Разногласила ли когда со своими приближенными? Тщеславилась ли чем-нибудь пред низшими? Насмехалась ли когда-нибудь над слабым? Она любила посещать собрания только таких людей, кои не стыдились дел милосердия и коих поступки украшались целомудрием. Не было во взорах ее ни малейшей суровости, в словах ни малейшей дерзости, в поступках ни малейшей нескромности, ее движения были кротки, походка пристойна, голос всегда ласков и приятен; в ее наружности выливалась чистая душа ее, и все тело представляло образец внутренней непорочности. Так прекрасный дом можно узнать по передней комнате, и первый шаг в оный показывает, что внутри его нет темноты! Так светильник, зажженный внутри лампы, ярко изливает свет свой наружу! Что сказать об ее воздержности касательно пищи и об излишестве касательно исполнения многоразличных должностей, об излишестве, которое превышало природу, о воздержности, для которой почти недоставало природы? Там не знала она никаких промежутков в исполнении служения, здесь все дни ее наполнялись и удваивались постом; и если приходила ей охота дать себе отдых и вкусить пищу, она употребляла первую встретившуюся ей пищу только для того, чтобы не истощить совершенно себя воздержанием, а не для того, чтобы удовлетворить прихотям». ¹ Сей отрывок я почитаю образцом слога среднего потому, что Амвросий рассуждает здесь не о том, как бы убедить к девству тех, кои еще не посвятили себя оному, а о том, каковы должны быть девы уже посвятившиеся. Если бы нужно было убеждать к сему важному предприятию, в таком случае надлежало бы употребить высокий слог, как наиболее способный к возбуждению и воспламенению чувства. С другой стороны, надобно заметить, что блаженный Киприан Мученик писал собственно о одежде (*habitus*) дев, а не о расположении принять девство, и потому выражался средним слогом, а Св. Амвросий в других местах сочинения своего о девственницах возвышенным витийством своим возбуждает и самое расположение к принятию девства.

XLIX. Приведу теперь из двух вышеозначенных писателей образцы слога высокого. Оба они сильно нападают на тех женщин, кои красят или, лучше, безобразят лицо свое румянами. Киприан, рассуждая о сем предмете, между прочим говорит: «Если бы искусный живописец самым верным телесным цветом изобразил на картине лицо и стан человека, и если бы в то время, когда картина уже нарисована и отделана, другой кто-нибудь, почитая себя искуснее, наложил на нее свою руку, чтобы, по его мнению, поправить то, что уже верно сделано и живо представлено, то последний причинил бы первому художнику

¹ *Ambros. De Virginitate* 2.2.7—8.

тяжкую обиду и возбудил бы справедливое негодование. А ты думаешь избежать наказания, если дерзкой и нечестивой твоей безрассудностью нанесешь оскорбление художнику Богу? Под соблазнительными цветами и прикрасами ты хочешь от людей утаить свой стыд и распутство, но через сие делаешься ты гнуснейшею любодейцею, испортивши и растливши в себе то, что Бог создал! Думая украсить лицо, искусно убрать волосы, ты разоряешь этим творение Божие и предаешь истину. Вот голос апостола, убеждающий тебя: «Вы очистите ветхую кваску, да будете новым тестом как вы есть опресноки. Ведь пасха наша заклан был Христос. Давайте будем праздновать не в закваске ветхой и не в закваске зла и подлости, но в опресноках чистоты и истины»¹. Но может ли торжествовать и праздновать чистота истины там, где чистое оскверняется поддельными цветами, где истинное и подлинное превращается во лжу аптекарскими притираниями? Господь твой говорит: «Не можешь один волос белым или черным сотворить»², а ты хочешь быть сильнее Господа твоего, чтобы одержать победу над словом Его! С дерзким тщанием и святотатской небрежностью красишь ты свои волосы: злополучное предвестие! Сим самым ты пророчишь себе в будущем огненные власы ада»³. Дабы не сделаться обширным, не выписываю дальнейших мыслей Киприана.

Л. Св. Амвросий, беседуя о том же предмете, говорит: «Отсюда-то происходят первые зародыши пороков, что женщины расписывают лица свои выисканными цветами, боясь не понравиться мужчинам; они подделывают наружный вид свой, а подделкою наружности портят и внутреннюю чистоту нравственную. Как это безумно — изменять живой образ природы, искать себе личины в живописи и, опасаясь суждения мужчин, выставлять напоказ свое собственное невыгодное о себе суждение! Ибо та первая произносит суд о самой себе, которая хочет переменить в себе то, чем она рождена, и явно показывает, что прежде всех она самой себе не нравится, когда силится понравиться другим. О женщина, женщина! какого правдивее искать нам судии безобразия твоего, кроме тебя самой, когда ты боишься казаться тем, что ты есть действительно? Если ты прекрасна, для чего скрываешься в румянах? Если безобразна, для чего лжешь, что ты красива, когда притом этим притворством ты ничего не можешь выиграть ни в собственном твоём сознании, ни от ошибки другого. Ибо, смотри, ты хочешь нравиться второму, а первый любит другую; и ты сердисься, если тот любит другую, который у тебя самой научается искусству притворяться. Худая ты наставница к собственному вреду. Даже женщина, используемая сводником, избегает подобных обольще-

¹ I Кор. 5:7—8.

² Мф. 5:36.

³ *Cypr. De disciplina et habitu virginum*, 15—16.

ний и никчемна, так как она по крайней мере грех совершает против себя самой, а не ради других. Таким-то образом едва ли не менее преступления в явном прелюбодеянии, нежели в подделывании лица, ибо там нарушается целомудрие, а здесь чинится любодейство с самою природою»¹.

Мне кажется, подобное красноречие довольно имеет силы, чтобы возбудить в женщинах стыд и страх не портить лица своего ненужным украшением. Поэтому я отношу приведенные мною слова не к простому, не к среднему, но к высокому слогу. У Киприана и Амвросия, представленных мною за образец, равно как и у других церковных писателей, можно весьма много найти примеров для всех трех родов ораторского слога, весьма много притом у них и прекрасных мыслей и прекрасного способа изложения, т.е. по свойству раскрываемых предметов изложения умного, красноречивого и пламенного. Ревностный любитель церковной словесности может переселить в себя и дух и язык сих писателей, если тщательно и неутомимо будет читать и слушать их, особенно же делать опыты и упражнения в подражании оным.

LI. Немаловажное искусство уметь произвести сколько можно приличное смешение в слогах и оразнообразить проповедь свою всеми способами выражения. Если поучение слишком долго и пространно выражается одним каким-либо из трех вышеозначенных слогов, то скоро наскучивает слушателю. Напротив, если делает приличные отливы и переходы от одного слога к другому, тогда и длинная проповедь бывает гораздо занимательнее. Конечно, в речах искусных ораторов каждый слог сам по себе получает свои особые оттенки, свое разнообразие, которое не допускает тому или другому слогу ни слишком застывать, ни слишком нагреваться в чувствах слушателей, но вообще гораздо легче и долее можно слушать и выносить один простой слог, нежели один слог высокий, долго тянущийся. И потому чем важнее потребность возбуждать сильные движения души, дабы исторгнуть согласие и чувство у наших слушателей, тем короче должно быть сие возбуждение, дабы именно остановиться там, где душа слушателя растрогана до надлежащей степени. Всегда надобно опасаться, дабы стараясь поднять выше и выше то, что уже поднято, не уронить чувство слушателя с той точки, на которую сила речи возвысила оное. Но умейте кстати примешать в вашей проповеди слог простой, тогда вам хорошо будет переходить, где нужно, к слогу возвышенному, дабы течение и стремительность вашей речи поочередно изменялись, как прилив и отлив моря. Отсюда происходит, что высокий слог, если есть нужда продолжить оный на значительное пространство, никогда не должен быть употребляем один, сам по себе, но должно разнообразить его примешиванием других слогов. Ибо вообще образ изложения

¹ *Ambros. De virginitate, I.6.28.*

мыслей относится к тому роду слога, которые оказывается преобладающим в речи.

III. Какой слог с каким именно слогом должно смешивать? В каких случаях прилично взаимное сочетание оных? В слог высокий всегда или почти всегда с достоинством и приличием могут входить начала и основания слога среднего. Равным образом от воли оратора зависит выражать простым слогом некоторые черты таких предметов, о коих можно говорить слогом высоким, дабы слог возвышенный от сравнения с простым слогом представлялся еще возвышенные и стоя как бы в некоей тени, являясь тем светоноснее. Далее, в каждом слогом нужно бывает разрешать известные узлы вопросов и возражений, следовательно, в каждом слогом нужна тонкость (асимет) или пронизательность, а тонкость есть собственная принадлежность слога простого. Поэтому простой слог необходимо должен входить в состав других двух слогов и именно там, где встречаются вопросы для решения. Так же точно и средний слог должен входить в состав и простого и высокого слога в таких случаях, где нужно бывает что-нибудь или хвалить или порицать, но где, впрочем, главная цель речи не есть ни решительное осуждение чего-либо, ни оправдание, ни убеждение к известному действию. Итак в высоком слогом имеют свои места простой и средний слог, в простом также могут быть средний и высокий, а средний слог, если не всегда, то иногда имеет нужду в простом, т.е. (как выше сказано) когда ему встречаются вопросы, необходимые для решения или когда некоторые мысли, сами по себе способные к красоте, не украшаются, но выражаются простым языком для того, чтобы другим мыслям доставить, как бы в брачной храмине красот, блистательнейшее место. Но этот же средний слог не имеет нужды в слогом высоким, ибо цель среднего есть нравиться, а не убеждать сердца.

III. Не признак, не доказательство возвышенного и сильно-го слога, когда проповеднику воздают громкие похвалы и частые рукоплескания, ибо то же самое действие производят и остроты слога простого, и красоты слога умеренного или среднего. Напротив, возвышенный слог тяжестью и силой своей прекращает хвалебные клики, но исторгает искренние слезы. ... В Кесарии Мавританской был варварский обычай, называвшийся «катера»; это было народное игрище, похожее на гражданскую войну и даже хуже, чем на гражданскую. В известное время года собирались в назначенное место не только граждане, чужие друг другу, но даже близкие родственники, братья, отцы и дети; по жеребьям делились на две стороны; в течении нескольких дней сряду торжественно производили битвы и поражали, нередко до смерти, друг друга, кто кого чем мог. Мне надлежало поучениями своими отклонить народ от сего обычая, и потому я употреблял сколько можно сильный и возвышенный тон речи, чтобы исторгнуть и уничтожить в сердцах и нравах моих слушателей столь

жестокое и от давности глубоко вкоренившееся зло. Но о надлежащем действии моих поучений узнал я не тогда, когда слышал одобрительные клики народа, а тогда, как заметил на глазах его

ВВ *Вот истинный критерий педагогического мастерства. Правда, когда речь идет об образе мыслей, он требует для своей проверки промежутка времени, иногда в несколько лет. Вот почему для управленцев этот критерий не пригоден, хотя он и самый объективный. Не разработана у нас пока диагностика «образа мыслей», то есть ценностного, духовного отношения человека к миру, выливающегося в поступки. А как без этого оценивать воспитательный процесс? По любви к учителю!*

слезы. Кликки народные показывали, что мои слушатели понимают меня и что я нравлюсь им, а слезы их свидетельствовали, что они точно убеждены мною. Как скоро увидел я эти искренние слезы, тогда вполне уверился, что я победил этот варварский обычай, переданный от отцов, от дедов и даже от дальнейших предков бедным потомкам, обычай, злодейски осаждавший, или лучше сказать, совершенно державший в плену сердца народа. Тот час окончивши мое слово¹, я обратил сердца и очи к небу, дабы возблагодарить Господа. И вот, по милосердию Христа моего, протекло уже почти восемь или более годов, как сия варварская забава не возобновляется. Много есть и других опытов, которые научили меня, что полное действие на слушателей, производимое высоким сло-

гом, благоразумно употребляемым в слове, выражалось не хвалебными восклицаниями проповеднику, а более глубокими вздохами, иногда даже слезами, и наконец переменою образа мыслей.

LIV. Поучения, изложенные простым слогом, также многих переменяли, но переменяли только в отношении к предметам ведения и веры, а не в отношении к предметам деятельности, т.е. слушатели узнали из сих поучений то, чего прежде не знали, поверили тому, что прежде казалось им невероятным, но если они не хотели делать того, что, впрочем, признавали необходимым для деятельности, то и не делали. Ибо чтобы победить упрямство людей упорных, убеждая их к деятельности, для сего нужно употреблять слог высокий. Равным образом и слог средний или умеренный, красноречиво изображающий предметы похвалы или порицания, так сильно действует на некоторых людей, что они не только восхищаются красноречием в изображении похвал и порицаний, но в то же время самым делом стремятся к похвальному и избегают укоризненной жизни. Между тем все ли те

¹ Это слово говорено было в сентябре 418 года; ибо к этому времени относится пребывание Бл. Августина в Кесарии Мавританской. Самого слова не находим в творениях Бл. Августина; есть иное слово, говоренное в том же городе к простому народу, по случаю распространившейся там ереси донатистов.

изменяют образ жизни, кои восхищаются слогом умеренным, как все действуют надлежащим образом, кои убеждает слог высокий; и все ли, научаемые слогом простым, действительно знают то, чему их учат, или верно приемлют за истину то, чего они не знают? ...

LV. Отсюда следует, что высокий и простой слог, имеющие целью действовать на душу, вообще необходимы таким ораторам, кои хотят поучать народ мудро и красноречиво. А средний или умеренный слог, имеющий в виду нравиться одним наружным красноречием, не должен быть употребляем сам для себя; напротив, его надобно употреблять только для того, чтобы он своею приятностью выражения несколько легче возбуждал и крепче удерживал мысль и чувство слушателя на тех предметах, кои излагаются с пользою и достоинством; и пусть проповедники берут этот слог в пособие себе тогда, когда не видят нужды в слогe назидательном и убеждающем, уже имея у себя слушателей сведущих и благонастроенных. Ибо если главный и всеобщий долг красноречия в каждом из трех означенных слогов есть говорить языком, способным к убеждению, если вообще главная цель витийства есть действительно убедить своею речью в том, в чем намереваемся убедить, то оратор, какой бы он ни употреблял из трех слогов, конечно, везде будет говорить языком, приуроченным к убеждению, но истинной цели красноречия достигнет он только тогда, когда совершенно и несомненно убедит в предлагаемых истинах. Оратор убеждает посредством слога простого, когда старается уверить в истине предлагаемых им предметов; убеждает посредством слога высокого, когда заставляет слушателей немедленно делать то, что они знают, но не делают; убеждает наконец посредством слога среднего, но в чем? — только в том, что речь его красива и убрана. А в такой цели убеждения что нам нужды? Пусть к ней стремятся те, кои любят тщеславиться искусством и обработанностью языка, пусть хвастают ею в панегириках и таких речах, где нет надобности ни назидать, ни убеждать к деятельности, а только нравиться слушателю. Напротив, мы, христианские наставники, должны эту цель заменить другою, более существенною целью, т.е. средний слог должен иметь у нас одну и ту же цель, какую имеет слог высокий, именно — возбуждение в слушателях любви к благонравию и отвращения от худой нравственности. Пусть он отличается у нас достоинством слога возвышенного, дабы, с одной стороны, исправить людей, еще не совсем чуждых жизни безнравственной, а с другой — людей добрых более утвердить в добродетели и сильнее поощрить к дальнейшему совершенству христианскому. Тогда выйдет, что и красотою слога среднего мы будем пользоваться не для хвастовства, а по благоразумию, не будем довольствоваться тем, чтобы только нравиться слушателю, но будем употреблять сей слог, как вспомогательное средство, к убеждению в истинно благом, в коем желаем убедить.

LVI. Итак, три выше мною предложенные требования, в силу коих говорящий мудро и вместе желающий говорить красноречиво обязан говорить внятно, приятно и убедительно, — эти требования должно понимать не так, чтобы каждое из них порознь присваивать каждому из трех слогов, то есть слогу простому усвоить одну внятность или вразумительность, среднему — одну приятность, высокому — одну убедительность, но так, чтобы, употребляя тот или другой слог, в каждом из них иметь на виду все требования вместе и в каждом, по возможности, выполнять их. Я никак не хочу, чтобы мною пренебрегали и скучали за то, что в известном случае я говорю слогом простым, а поэтому я и здесь хочу говорить не только внятно, но и приятно. Чего иного мы домогаемся, уча народ божественным свидетельствам, как не того, чтобы заставить слушать нас с покорностью, т.е. чтобы произвести твердую веру в сии свидетельства, утверждаясь на словах: «Откровения твои несомненно верны»? Чего другого, как не веры, желает достигнуть от учеников своих наставник, излагающий им известные предметы слогом простым? Но, с другой стороны, кто захочет слушать его, если он и в простом изложении не пленяет слушателя известною степенью приятности слога? Наконец, кто не знает, что нельзя того слушать ни с охотою, ни с покорностью, кто говорить невразумительно?

Часто речь, изложенная самым простым слогом, возбуждает столько непритворных похвал, что при оных почти совсем забываешь о простоте изложения. Это случается тогда, когда сия речь, несмотря на свой простой слог, разрешает самые трудные вопросы и проливает неожиданный свет и ясность; когда она остроумнейшие мысли выводит наружу, извлекая оные как бы из некоей сокровенной глубины, откуда их вовсе нельзя было надеяться; когда победоносно ниспровергает заблуждения противника и точно представляет ложным то, что казалось ему неопровержимым; особенно, когда в ней есть красота неизысканная, а некоторым образом прирожденная, есть плавность в окончаниях периодов, не из хвостовства употребленная, но как бы необходимая и из свойства самих предметов, так сказать, насильно исторгнутая. Выходя на борьбу с противником необрунную, безоружную, такая речь побеждает его одною наготою своею, одною внутреннею силою и крепостью, могучими членами своими она ниспровергает и разрушает упрямую ложь. Откуда в сем случае происходят частые и многочисленные рукоплескания оратору? Оттуда, что здесь нравится сама истина, будучи просто, но верно изъяснена, защищена и представлена непобедимою. И вот каким образом наш христианский наставник и проповедник в самом простом слоге может и должен говорить не только внятно, но вместе и приятно и убедительно!

¹ Пс. 92:5.

изменяют образ жизни, кои восхищаются слогом умеренным, как все действуют надлежащим образом, кои убеждает слог высокий; и все ли, научаемые слогом простым, действительно знают то, чему их учат, или верно приемлют за истину то, чего они не знают? ...

LV. Отсюда следует, что высокий и простой слог, имеющие целью действовать на душу, вообще необходимы таким ораторам, кои хотят поучать народ мудро и красноречиво. А средний или умеренный слог, имеющий в виду нравиться одним наружным красноречием, не должен быть употребляем сам для себя; напротив, его надобно употреблять только для того, чтобы он своею приятностью выражения несколько легче возбуждал и крепче удерживал мысль и чувство слушателя на тех предметах, кои излагаются с пользою и достоинством; и пусть проповедники берут этот слог в пособие себе тогда, когда не видят нужды в слогe назидающем и убеждающем, уже имея у себя слушателей сведущих и благонастроенных. Ибо если главный и всеобщий долг красноречия в каждом из трех означенных слогов есть говорить языком, способным к убеждению, если вообще главная цель витийства есть действительно убедить своею речью в том, в чем намереваемся убедить, то оратор, какой бы он ни употреблял из трех слогов, конечно, везде будет говорить языком, приуроченным к убеждению, но истинной цели красноречия достигнет он только тогда, когда совершенно и несомнительно убедит в предлагаемых истинах. Оратор убеждает посредством слога простого, когда старается уверить в истине предлагаемых им предметов; убеждает посредством слога высокого, когда заставляет слушателей немедленно делать то, что они знают, но не делают; убеждает наконец посредством слога среднего, но в чем? — только в том, что речь его красива и убрана. А в такой цели убеждения что нам нужды? Пусть к ней стремятся те, кои любят тщеславиться искусством и обработанностью языка, пусть хвастают ею в панегириках и таких речах, где нет надобности ни назидать, ни убеждать к деятельности, а только нравиться слушателю. Напротив, мы, христианские наставники, должны эту цель заменить другою, более существенною целью, т.е. средний слог должен иметь у нас одну и ту же цель, какую имеет слог высокий, именно — возбуждение в слушателях любви к благонравию и отвращения от худой нравственности. Пусть он отличается у нас достоинством слога возвышенного, дабы, с одной стороны, исправить людей, еще не совсем чуждых жизни безнравственной, а с другой — людей добрых более утвердить в добродетели и сильнее поощрить к дальнейшему совершенству христианскому. Тогда выйдет, что и красотою слога среднего мы будем пользоваться не для хвастовства, а по благоразумию, не будем довольствоваться тем, чтобы только нравиться слушателю, но будем употреблять сей слог, как вспомогательное средство, к убеждению в истинно благом, в коем желаем убедить.

LVI. Итак, три выше мною предложенные требования, в силу коих говорящий мудро и вместе желающий говорить красноречиво обязан говорить внятно, приятно и убедительно, — эти требования должно понимать не так, чтобы каждое из них порознь присваивать каждому из трех слогов, то есть слогу простому усвоить одну внятность или вразумительность, среднему — одну приятность, высокому — одну убедительность, но так, чтобы, употребляя тот или другой слог, в каждом из них иметь на виду все требования вместе и в каждом, по возможности, выполнять их. Я никак не хочу, чтобы мною пренебрегали и скучали за то, что в известном случае я говорю слогом простым, а поэтому я и здесь хочу говорить не только внятно, но и приятно. Чего иного мы домогаемся, уча народ божественным свидетельствам, как не того, чтобы заставить слушать нас с покорностью, т.е. чтобы произвести твердую веру в сии свидетельства, утверждаясь на словах: «Откровения твои несомненно верны»¹? Чего другого, как не веры, желает достигнуть от учеников своих наставник, излагающий им известные предметы слогом простым? Но, с другой стороны, кто захочет слушать его, если он и в простом изложении не пленяет слушателя известною степенью приятности слога? Наконец, кто не знает, что нельзя того слушать ни с охотою, ни с покорностью, кто говорить невразумительно?

Часто речь, изложенная самым простым слогом, возбуждает столько непритворных похвал, что при оных почти совсем забываешь о простоте изложения. Это случается тогда, когда сия речь, несмотря на свой простой слог, разрешает самые трудные вопросы и проливает неожиданный свет и ясность; когда она остроумнейшие мысли выводит наружу, извлекая оные как бы из некоей сокровенной глубины, откуда их вовсе нельзя было надеяться; когда победоносно ниспровергает заблуждения противника и точно представляет ложным то, что казалось ему неопровержимым; особенно, когда в ней есть красота неизысканная, а некоторым образом прирожденная, есть плавность в окончаниях периодов, не из хвастовства употребленная, но как бы необходимая и из свойства самих предметов, так сказать, насильно исторгнутая. Выходя на борьбу с противником неубранною, безоружною, такая речь побеждает его одною наготою своею, одною внутреннею силою и крепостью, могучими членами своими она ниспровергает и разрушает упрямую ложь. Откуда в сем случае происходят частые и многочисленные рукоплескания оратору? Оттуда, что здесь нравится сама истина, будучи просто, но верно изъяснена, защищена и представлена непобедимою. И вот каким образом наш христианский наставник и проповедник в самом простом слогом может и должен говорить не только внятно, но вместе и приятно и убедительно!

¹ Пс. 92:5.

LVII. Равно и красноречие, свойственное среднему слогу, у искусного проповедника не терпит ни излишней небрежности, ни неприличного украшения, не стремится к тому одному, чтобы нравиться, как это бывает обыкновенно у светских ораторов, напротив, приятно изображая предметы, достойные хвалы или порицания, и стараясь возбудить сильнейшее стремление и постоянство в достохвальном, произвести отвращение и презрение к достойному презрения, это красноречие хочет быть не только приятным, но и внятным и убедительным. Если оно не внятно, не вразумительно, то не может быть и приятно для слушания. Отсюда, хотя главный характер слога среднего есть приятность или занимательность (*delectatio*), но он должен соединять в себе и другие требования красноречия, т.е. должен стремиться к тому, чтобы в одно и то же время слушатели и понимали его, и пленялись, и покорствовали ему.

LVIII. Далее, когда нужно трогать и убеждать слушателя, а нужно бывает тогда, когда слушатель сам признается, что проповедник поучает его с достолюбезною истинною и приятностью, а он между тем не хочет исполнять то, чему учат его, — в таком случае, без сомнения, надлежит употреблять возвышенный слог или род красноречия. Но можно ли тронуть слушателя, если он не понимает того, что ему проповедают? Можно ли заставить его слушать с охотою, если поучение не пленяет его своею приятностью? Нельзя, следовательно, и высокий слог, имеющий целью свою посредством могучего витийства пленить в послушание ожесточенное сердце слушателя, не может быть убедителен, если он в одно и то же время не есть вразумителен и приятен.

LIX. Между тем как бы ни была возвышенна проповедь наша, но в действительной победе над слушателями всегда более имеет весу и силы жизнь проповедника, нежели слово его. Правда, кто другим проповедует мудро и красноречиво, а сам живет бесполезно, тот, без сомнения, научает многих ревностных любителей истины, хотя «своей душе бесполезен»¹, по Писанию. Почему и апостол говорит: «Притворством или истинною Христос проповедуется»² и проч. Это значит, что Христос есть истина, но что и эта чистейшая Истина может быть возвещаема не истинною, т.е. правое и истинное может проповедывать тот, кто имеет неправое и лживое сердце. Так проповедают Иисуса Христа обыкновенно такие люди, кои ищут своего собственного, а не Христова. Добрые христиане с покорностью внимают в этом случае не человеку, каков бы он ни был, а самому Господу, рекшему: «все, что велит вам соблюдать, соблюдайте, но не делайте; глаголют ибо и не творят»³; поэтому они с пользою и благопотребно слушают таких учителей, кои сами живут непотребно.

¹ Сир. 37:22.

² Фил. 1:18.

³ Мф. 22:5.

Ибо сии учителя хотя стараются своего искать, но не смеют своему поучать, не смеют по причине святости и величия церковной кафедры (престола), которую установила здравая наука христианская. Посему-то и сам Господь, намереваясь говорить о подобных учителях, прежде всего прибавил следующие слова: «на Моисеево сидение сели»¹. То есть кафедра, не книжникам, а Моисею принадлежащая, заставляла их преподавать одно доброе, хотя они сами не делали доброго; и хотя жизнь свою вели они по-своему, но преподавать свое и по-своему не позволяла им чужая кафедра.

LX. Итак, многим, говорю, приносят пользу проповедники, проповедующие другим то, чего сами не исполняют, но несравненно большему числу людей доставили бы они существенную выгоду, когда бы сами наперед исполняли то, о чем проповедуют другим. Ибо мало ли есть таких слушателей, кои защиты своей порочной жизни ищут в поведении самих настоятелей и учителей своих, помышляя в душе своей, или — в недобрый час — даже в глаза говоря проповеднику: «для чего ты сам того не делаешь, что мне заповедуешь?» Вот откуда происходит, что люди не внимают с покорностью тому, кто сам не внимает себе, и вместе с проповедником пренебрегают словом Божиим, которое проповедуется им. И вот почему апостол, в письме к Тимофею сказавши: «никто твою юность пусть не презирает», тотчас прибавил причину, за что никто да не презирает: «образец делайся, — говорит, — верным в слове, в поведении, в любви, в вере, в чистоте»².

LXI. Чтобы заставить с покорностью слушать себя, наставник, служащий образцом для других, проповедует ли слогом простым, или средним, или высоким, — всегда проповедует непостоянно, ибо живет неукоризненно. Благоразумно распоряжаемая им добрая жизнь несколько не мешает ему заслуживать добрую славу, напротив, боясь Бога и промышляя о людях, он по мере сил своих всегда заботится о том, что доброхвально пред Богом и людьми³. И в самих поучениях своих ему всегда благоугоднее покажется угодить вещами, нежели словами, одно то почтет он в выражении лучше и красивее, что выражается истиннее и вернее, и не станет думать, что учитель должен быть рабом слов, но что, напротив, слова должны раболепствовать учителю. Сие-то понимает апостол, когда говорит: «не в премудрости слова, чтобы не уничтожить крест Христов»⁴. Такую же силу имеют слова, сказанные им Тимофею: «не устраивать словесных битв ни к чему полезному, ни к разрушению слушаю-

¹ Мф. 22:2.

² 1Тим. 4:12.

³ 2Кор. 8:21.

⁴ 1Кор. 1:17.

⁵ 2Тим. 2:14.

ших»⁵. Не для того сказано не устраивать словесных битв, чтоб мы оставались вовсе без слова за истину пред противниками, нападающими на истину, ибо касательно борьбы за истину есть другое наставление у апостола, где он, изображая характер епископа, между прочим говорит: «да силен будет и утешать в здоровом учении, и противящихся обличать»¹, — но для того, что препираться или бороться словесно значит заботиться не о том, как бы истиною победить ложь, а о том, как бы твоя проповедь по своей наружной красоте заслужила предпочтение перед проповедью другого. Но кто борется не словами, а делом, тот и в простом, и в среднем, и в высоком слоге всегда имеет одну цель слов: чтоб в словах истина сама себя раскрывала, чтобы истина благоугождала, чтоб истина трогала². Без истины и самый важнейший предмет, как например христианская любовь, конец заповеди и исполнение Закона, никаким образом не может быть справедливым, если то, что любишь, не есть истинно, а ложно. С прискорбием смотришь на человека, прекрасного телом, но безобразного душой, и думаешь: лучше бы уж и телом быть ему безобразным. Так точно и ораторы, красноречиво изображающие предметы ложные, более достойны сожаления за свое искусство в выражении, чем если бы они, по неискусству, выражали сии предметы дурно и безобразно.

Итак что же такое значит быть и мудрым и вместе красноречивым проповедником? То, чтобы, с одной стороны, избирать предметы проповеди по существу своему истинные и достойные слушания, с другой, — чтобы для изображения сих предметов употреблять выражения в простом слоге удовлетворительные (*sufficiencia*), в среднем красивые и блестящие (*splendentia*), в высоком сильные и поразительные (*vehementia*). Если кто не в состоянии разом выполнить обоих требований, тот пусть лучше говорит мудро то, чего не умеет сказать красноречиво, нежели говорит красноречиво то, чего не умеет сказать мудро. Если же кто ни того ни другого не может сделать, пусть ведет себя так, чтобы не только себе стяжать небесную награду, но и другим подать собою пример, пусть образ жизни его и поведения будет всегдашним безмолвным поучением.

LXII. Есть люди, которые могут хорошо произносить проповеди, но не могут выдумать того, что произнести, не могут сами писать проповедей. В таком случае нет греха и бесчестия заимствовать у других мудро и красноречиво написанные поучения, выучивать их на память и предлагать аудитории. Это один из истинно полезных способов распространять истину, ибо через него делается вдруг много проповедников и провозвестников истины без умножения числа учителей³, если только все они проповеду-

¹ Тим. 1:19.

² *Ut veritas pateat, veritas placeat, veritas moveat.*

³ Ср. Иак. 3:1; 1 Кор. 3:4—9; Мф. 23:7—8.

ют одно и то же учение истинного Учителя и нет между ними разделений (schismata). Проповедники, сказывающие чужие сочинения, отнюдь не должны приходить в смущение от гласа пророка Иеремии, через коего Бог обличает тех, «которые крадут слова мои каждый у ближнего своего»¹. Ибо крадет тот, кто похищает чужое, а слово Божие не есть чужое для тех, кои повинуются Богу; и скорее тот говорит чужое — краденое, кто свое говорит хорошо, а живет худо; все, что говорит он хорошего, хотя, с одной стороны, и кажется произведением его собственного ума, но с другой — это у него чужое по отношению, то есть, к его

NB Вот самое трудное место в педагогическом труде — отчуждение учителя от самого себя, от своей целостности, когда говорит одно, а делает другое, и когда вообще не верит в то, о чем говорит. Так заражается детское сердце лицемерием и притворством, так начинается расщепление детской души. Педагогика может быть или «духовной медициной», или духовным насилием.

нравам или сердцу. Следовательно, такими своего слова Бог назвал тех, кои хотят казаться добрыми, красиво проповедуя то, что собственно принадлежит Богу, но кои в самой вещи злы, делая то, что собственно принадлежит им. И точно, если тщательно вникнуть в слова таких учителей, найдешь, что они, говоря хорошее, говорят как будто не сами. Ибо как же это — на словах они говорят то, что отвергают на деле? Не напрасно апостол пишет о них: «признаются знающими Бога, делами же отрицают»². Следовательно, сии люди в одно и то же время некоторым образом говорят сами, некоторым образом — не сами; и то и другое

истинно, по свидетельству самой истины. Ибо истина, изыясняясь о подобных учителях, в одном месте говорит так: «все, что велят вам соблюдать, соблюдайте, но не делайте»³; т.е. что слышите из уст их — делайте; что видите в делах их, не делайте; «говорят, — прибавляет она, — и не делают», — следовательно, хотя не творят, однако же глаголют. Но в другом месте та же истина, обличая их, говорит: «лицемеры, как можете добро возглашать, будучи злыми»⁴? Следовательно, все, что ни говорят эти учителя, говоря хорошее, говорят не сами, поколику собственная воля и поступки их решительно опровергают то, что они говорят. А из сего выходит, что красноречивый, но худой человек против своей воли как бы для того именно и сочиняет хорошее поучение, чтобы проповедал оное другой, хотя не красноречивый, но добрый человек; и в таком случае один сам от себя производит и передает чужое, а другой от чужого приемлет свое. Если же добрые христианские наставники сужают свои сочинения добрым же

¹ Иер. 23:30.

² Тим. 1:16.

³ Мф. 23:3.

⁴ Мф. 12:34.

проповедникам, то здесь все они проповедуют свое, а не чужое: поелику у обоих у них и Бог свой, коему принадлежит то, что они проповедуют, и сочинения чужие делаются своими для тех, кои не в состоянии сочинять свои, живут чинно по чужим сочинениям.

LXIII. Впрочем, намеревается ли христианский наставник говорить свое слово пред целым собранием или пред несколькими лицами, намеревается ли продиктовать проповедь свою другим, желающим и способным сказать ее пред народом, во всяком случае пусть он усердно молится, да даст Господь в уста его слово благо. Ибо если царица Эсфирь, приготавливаясь пред царем Артаксерксом говорить за временное спасение народа своего, молилась, чтобы Господь дал «слово благоугодное в уста ее»¹, то не паче ли должен молиться о получении сего важного дара тот, кто трудится над словом и учением о вечном спасении людей? Далее, лица, намеревающиеся говорить чужие, от других заимствованные проповеди, до получения пусть молятся за тех, от коих думают получить, да дастся им то, что они действительно желают получить, а по получении пусть молятся, во-первых, за себя, чтобы хорошо произнести, во-вторых, за слушателей, дабы они хорошо приняли произносимое к ним; наконец, за счастливое окончание проповеди пусть возносят благодарение Тому, от Коего без сомнения зависел успех их, дабы хвалящийся хвалился о Том, «в руке Коего и мы и слова наши»².

LXIV. Книга моя вышла гораздо обширнее, нежели как я хотел и как думал. Впрочем, если она для кого-нибудь из моих читателей или слушателей приятна, то не покажется обширную, а кому покажется обширную, тот пусть читает ее по частям, если хочет иметь сообщенные в ней познания, если же кто ленится приобретать познания, тому не для чего жаловаться и на обширность. А я со своей стороны приношу благодарение Богу моему за то, что в четырех частях своей книги изложил, по мере сил моих, свои мысли не о собственных, по многим отношениям недостаточных, дарованиях, а о надлежащем характере того, кто ревностно желает трудиться на поприще здравого обучения христианского, как для себя, так и для других.

¹ Есф. 4:17.

² Прем. 7:16.

ОБ ОБУЧЕНИИ ОГЛАШАЕМЫХ*

1

(1) Ты просил у меня, брат Деогратий¹, написать тебе что-нибудь, что пригодилось бы тебе при обучении новичков² вере. Ты

NB *Рассуждая, как обучать новичков вере, знаению, какие качества должен иметь учитель, Августин рассуждает вновь и вновь о символе Веры, о том, что очень важно не проговаривать заповеди, а проживать их. Ведь то, что понятно тебе, может быть непонятно другим, поэтому необходимо донести до учеников своих через слова свет своей души — и тем самым озарить их души. И тогда память о таком общении дает ростки многих знаний и зерна веры. И другой говорящий на непонятном тебе языке будет понят, ибо у веры и слова есть еще чувственное переживание. Но только вкладывая искры души своей, можешь достигнуть понимания у собеседника, ибо говорить с равным сложно и интересно. Но и в этом случае надо «обучать с радостью».*

говорил, что в Карфагене, где ты диаконом, к тебе часто приводят людей, которых надо впервые ознакомить с христианской верой, тебя считают человеком, обладающим всеми качествами учителя. — и знакомством с правилами веры, и даром речи. Ты же, по твоим словам, почти всегда испытываешь затруднения, как убедить именно в том, что христианами нас делает вера, как внушить это, с чего начинать, до чего доводить рассказ, надобно ли, по окончании рассказа, прибавить какое-либо увещание? не достаточно ли одних заповедей, соблюдая которые наш слушатель узнает, как вести христианскую жизнь и пребывать христианином. (2) Ты признавался и жаловался, что бывает так: ты говоришь долго, одушевленно — и сам себе становишься скучен и противен, не говоря уже о том, кого ты поучал, и о тех, кто пришли послушать³. Эта беда тебя и принудила понудить⁴ меня, из любви к тебе, не счесть тяготой среди занятий моих написать тебе кое-что по этому поводу.

(3) Я должен сделать это не только ради тебя, человека мне близкого, но ради Матери-Церкви вообще; меня

*Приводится по изданию: Богословские труды. Вып. 15. Сергиев Посад, 1976, с. 25—55.

понуждают и любовь и служба — не смогу ли, по милости Господа нашего, достичь чего-нибудь своей работой. И Господь велит мне оказывать помощь тем, кого Он сделал мне братьями, — ни в коем случае не отказывать в ней, помогать быстро и самоотверженно. (4) И чем шире я хочу раздавать из сокровищницы Господней, тем больше надлежит мне прилагать сил, если я вижу, что казначей³, мои товарищи по работе, чувствуют затруднения в задаче: пусть легко и свободно выполняют то, к чему стремятся неленостно и настойчиво.

2

(1) Что же касается твоих, лично к тебе относящихся мыслей, то не стоит тебе волноваться, если твоя речь кажется тебе скучной и никуда негодной. Может быть, тому, кого ты наставляешь, она показалась не такой: ты ведь горячо стремился к тому, чтобы от тебя слышали что-то лучшее, и слова твои казались тебе недостойны других ушей. (2) И мне почти всегда моя проповедь не нравится⁴. Я жадно хочу лучшего и часто наслаждаюсь им сам с собой, пока не начну излагать в словах: я не в силах целиком выразить себя, и мне горестно, что язык мой сердцу моему не смог послужить службу.

(3) Я хочу от моего слушателя понимания всего того, что понял я, и чувствую, что не моим словам этой цели достигнуть. И главная причина здесь в том, что понимание озаряет душу, как вспышкой молнии, и речь, длинная и медлительная, так не соответствует мысли. И пока она тянется, мысль уже скрылась куда-то в свои тайники и, однако, — удивительно! — запечатлела свои следы в памяти, и они не исчезают, как слова, задерживающиеся на мгновение. (4) Мы перерабатываем эти следы, превращая их в звуки, которые называются словами латинского, греческого, еврейского или любого другого языка, хотя те следы не будут ни латинскими, ни греческими, ни еврейскими или принадлежащими какому-либо народу.

NB *Момент творческого озарения, интуитивного прозрения (или инсайта, как говорят современные психологи) резок и у учителя, и у ученика, так он готовится к восхождению по дороге знания.*

Они относятся к душе, как выражение лица ко всему внешнему облику. (5) «Гнев» по-латыни *ira*, по-гречески он называется иначе и по-разному в других разных языках, но выражение лица у разгневанного человека не латинское и не греческое. Не все иноплеменники, а только знающие латынь поймут слова «*iratus sum*» («я разгневан»), но если вспыхнувшее негодование отразится на лице и придаст ему особое выражение, то все, глядя на это лицо, поймут, что человек разгневан⁷. (6) Нельзя, конечно, вынуть и как бы разложить в словах для вразумления слушателей те следы, которые мысль отпечатлела в памяти: это не выражение лица, которое видят

всегда — одно скрыто в душе, другое явно. Отсюда и следует заключить о той разнице, которая существует между звуками, слетающими с наших уст, и пониманием, поражающим как удар: оно и само ведь не похоже на отпечаток, оставленный в памяти.

(7) Мы же обычно горим желанием принести пользу слушателю и хотим, чтобы речь наша была в меру нашего понимания, но нашего напряжения и усилия для этого мало. От неудачи мы приходим в расстройство; нам скучно, будто от дела, напрасно начатого, и у нас опускаются руки. Нам скучно, и от этого и речь наша становится иной, чем была, вялой и бледной, и вызывает тоже скуку. (8) Между тем, судя по вниманию тех, кто хочет меня слушать, слова мои не так уж холодны, как мне кажется; по их удивительному виду я заключаю, что они извлекли из них кое-что полезное, и я очень озабочен выполнением этого своего учительного служения⁸, ибо вижу, что люди хорошо воспринимают предлагаемое им учение.

(9) К тебе часто приводят людей, которых надо наставить в веру, — неужели тебе непонятно, что другим не так уж не нравятся твои слова, как они не нравятся тебе; ты не должен считать, что не приносишь плода по той причине, что не можешь изложить постигнутое тобой так, как тебе бы хотелось. Бывает ведь, что и ты, при всем своем желании, чего-то постичь не можешь. (10) Кто в этой жизни видит не гадательно, и только как отражение в зеркале? и сама наша любовь не так уж велика, чтобы, разорвав темницу плоти, проникнуть в вечный свет, отблеск которого как-то ложится и на преходящее. (11) Нехорошие люди со дня на день преуспевают в том, чтобы увидеть день, на который не набегает ночь и который не зависит от вращения неба. Этого не видит глаз, не слыхало ухо, это не приходит на сердце человеку — и вот главная причина, почему обучение новичков кажется нам занятием ничтожным: хочется созерцать необычное и скучно твердить обычное.

(12) В действительности же нас слушают гораздо охотнее, когда мы сами увлекаемся делом обучения; наша радость окрашивает всю словесную ткань нашей речи: нам легче говорить, нас лучше воспринимают. (13) Нет тяжелого труда в обучении правилам веры; надо знать, с чего начинать и на чем кончать, как разнообразить рассказ, — пусть он будет иногда короче, иногда длиннее, но всегда закончен и отделан — и когда говоришь короче, и когда пространнее, — самое же главное подумать, как сделать, чтобы учитель вел свое обучение с радостью (он будет тем милее, чем больше ее внесет). (14) Руководство к этому известно. Господь любит радостно раздающего мирские сокровища; неужели еще больше не возлюбил Он того, кто радостно раздает духовные блага? А чтобы радость эта приходила вовремя, это уже зависит от милосердия Того, Кто это заповедал.

(15) Итак, ты прежде всего хочешь узнать об объеме рассказа, о том, как наставлять и обучать; а затем уже мы поговорим, как создать эту радость, которую тайно подает Господь.

3

(1) Рассказ для приступающего впервые к обучению вере будет целен, если начать его со слов Писания: «В начале сотворил Бог небо и землю» и довести до церковных событий настоящего времени. (2) Это отнюдь не значит, что ты должен все Пятикнижие, все книги Судей, Царств и Ездры, все Евангелие и Деяния апостолов пересказать на память, если мы их выучили дословно, или, рассказывая своими словами, изложить все содержание этих томов: времени не станет, да это и не нужно; охватим все в общих главных чертах. Выбирай события и чудесные — их слушают с большим удовольствием, — и случившиеся в решительные моменты истории. Показывать их нужно сначала как бы в обертке, и не убирать сразу же прочь, но задерживаться подольше, словно разворачивая вынутое из завязанного кулька; предлагать душам слушателей то, что требует всматривания и вызывает удивление; остальное можно присоединить в беглом обзоре. (3) Благодаря таким пропускам больше выделится то, на чем мы хотим особенно задержать слушателя: он узнает это, не успев еще устать, а мы ведь как раз и хотим воодушевить его своим рассказом. И память человека, которого мы должны обучать, не будет перегружена и подавлена. Во всем, конечно, следует обращать внимание не только на цель наставлений, — это любовь от чистого сердца, добрая совесть и вера нелицемерная. — к этому следует сводить все наши слова. — но и взгляд того, кого мы этими словами поучаем, должен быть обращен к этому и на это устремлен.

NB *А потому и важно это и для начинающего взрослого ученика, а особенно для маленького. Излагать предмет удобно через события чудесные, необыкновенные, ибо слушают их с большим удовольствием, разворачивать содержание постепенно — так, чтобы ученик понял его и часто рассуждал сам. Затем бегло заключить свой рассказ, сосредоточив внимание на главном. Мы воодушевляем ученика работать с памятью (а память, воодушевленная рассказом, не перегруженная и не подавленная, всякий раз будет обращать нас к этим событиям).*

Цель наставления учителя сопряжена с любовью от чистого сердца, доброй совестью и верой нелицемерной. Устремленность — вот одна из главнейших черт учителя.

(1) Все, о чем мы читаем в Священном Писании, написанном до прихода Господа, имеет целью приготовить к Его приходу и в прообразах показать будущую Церковь, Тело его, т.е. народ Божий, состоящий из всех племен; сюда же надо добавить и причислить всех святых, которые жили на этой земле до Его прихода и так же верили, что Он придет, как верим мы, что Он пришел.

(2) Иаков, еще до появления на свет, высунул из чрева руку, которой держался за ногу брата, родившегося первым; за ней последовала голова, а потом, разумеется, и прочие члены; голова, однако, по достоинству и значению, стоит выше не только членов, за ней следовавших, но и самой руки, при рождении ее опередившей; она первая — пусть не по времени появления, но по естественному порядку. (3) Так и Господь Иисус Христос, прежде чем явиться во плоти и выйти из чрева, из тайника Своего, и предстать глазам людей человеком, — Он, посредник между Богом и людьми, Он, Вышний всех, Господь, благословенный во веки, — в святых патриархах и пророках предпослал частично Тело Свое (т.е. Церковь), предвозвещая, словно рукой, грядущее рождение. (4) И народ, горделиво выступавший впереди, он смирил, охватив его узами закона, словно пятью пальцами (ибо в течение пяти периодов⁹ времени Он не переставал возвещать о своем приходе и предсказывать его через пророков; в согласии с этим и тот, через кого дан закон, написал пять книг; гордецам, плотски мыслящим и желающим установить свою правду, Господь не дарует благословения раскрытой рукой. Он сжимает ее и отталкивает их; скованы ноги их, и они упали, а мы встали и стоим)¹⁰.

(5) И хотя, как я сказал, Христос Господь предпослал некую часть Своего Тела в лице святых, предшествовавших Ему по времени своего рождения, но Он Глава тела — Церкви; они же все прилепились к этому Телу, Главой которого является Он, ибо уверовали в Того, Кого предвещали. Они не удалены, как предшественники, а скорее присоединены, как последователи. Хотя голова и может отправить руку впереди себя, но рука все же помещена ниже головы.

(6) Поэтому все, что написано раньше, написано ради нашего поучения, все это для нас прообразы и заключено там в прообразах; написано же ради нас, ибо на нас приходится конец мира.

(1) Зачем и пришел Господь, как не затем, чтобы явить Божию любовь к нам и показать всю ее силу: и хотя мы и доселе ведем себя как враги, но Христос умер за нас, ибо главная запо-

ведь — заповедь любви, и в ней исполнение закона. Возлюбим же и мы друг друга, и как Он положил за нас душу свою, так и мы будем полагать душу за братьев. И если мы не торопимся полюбить Бога, — а Он еще раньше полюбил нас, не пожалел Своего единственного Сына и отдал Его за всех нас, — то, пожалуй, поторопимся ответить на любовь.

(2) Ничто так не склоняет к любви, как сознание, что ты уже любим. Пусть человек не хотел подарить своего расположения, отдарить им не захочет только грубая душа. (3) Мы видим это на примере постыдной и грязной любви: желающие быть взаимно

ВВ Педагогическая идея, или прием, такова: чтобы приблизить знания к «сонным душам». Такая душа проснется, почувствовав, что любима. Душа ученика непременно откликается на ту помощь, которую предлагает ей учитель.

Понятие низших и высших душ вводит Августин в разговор для того, чтобы пробудить в нас, читающих и размышляющих, понимание того, какова степень несовершенства в нас.

любимы только и делают, что стараются всеми средствами, какие у них есть, обнаружить и показать, как сильна их любовь; они настаивают, как на чем-то справедливом, на своем требовании ответного чувства со стороны тех, прельстив кого усиливаются; почувствовав, что души, которых они добиваются, охвачены тем же огнем, они разгораются еще сильнее. Если и сонная душа просыпается, почувствовав, что она любима, если уже разогретая окажется в пламени, когда узнает, что ей отвечают любовью, то не ясно ли, что вот главная причина, по которой и возникает, и растет любовь: человек не любим или только надеется, что его смогут полюбить, и вдруг узнает, что

он любим. А если он полюбил первым, он докажет свою любовь.

(4) Если так ведут себя люди, связанные любовью низкой, то насколько эти чувства сильнее в дружбе! Какую обиду дружбе нанести страшнее всего? Друг может подумать, что мы не любим его или любим меньше, чем он нас. Если он поверит этому, любовь его, которой наслаждаются люди в своей взаимной близости, станет прохладнее; если он не настолько слаб, чтобы от этой обиды охладеть ко всякой привязанности, он сохранит ее в той степени, которая не дает радости, но заставляет помогать¹.

(5) Стоит заметить, что хотя высшие и желают любви от низших, радуются их ревностному угождению, и чем больше его замечают, тем больше их любят, но гораздо сильнее любовь, которой загорается низший, заметив, что высший любит его. (6) Любовь души сухой и скудной хуже любви, изливающейся из души щедрой и доброй: та от страдания, эта от сострадания. Если низший отчаивался, что высший может его полюбить, то какой же ответной любовью взволнуется он (передать это словами невозможно), если вдруг высший удостоит показать ему, как он любит его, не смеявшего и мечтать о таком счастье. (7) А что выше Бога

Судящего, что безнадежнее человека грешащего?¹² а если тем более он покорно вверил себя покровительству властителей горделивых, которые счастья ему дать не могут, то как же ему не отчаяться в заботе Властителя, Который не хочет возвышаться злом, но высок благостью?

(8) И Христос пришел именно для того, чтобы человек понял, как его любит Бог, а понял затем, чтобы вспыхнуть любовью к Тому, Кем был любим еще раньше, и, по Его приказу и указанию, полюбить ближнего, — ближним его, ушедшего в дальнюю страну¹³, делает любовь. Все Священное Писание, написанное раньше, написано, чтобы предвозвестить приход Господень; все, что потом доверено письму и укреплено Божественным авторитетом, повествует о Христе и побуждает к любви. Ясно, что весь закон и пророки основаны на этих двух заповедях о любви к Богу и к ближнему; к Священному Писанию, существовавшему тогда, когда Господь сказал это, добавлены Божественные книги, написанные нам на пользу и доверенные памяти.

(9) В Ветхом Завете скрыт Новый, в Новом Завете раскрыт Ветхий. И вследствие этой сокровенности плотские люди, мыслящие по-плотски, и живут, как и жили, под страхом наказания. Вследствие этого раскрытия духовно мыслящие свободны по дарованной им любви — и тогда тем, кто благоговейно стучался, открывалось тайное, и теперь оно открывается смиренно вопрошающим — иначе и отверстое закрывается. (10) А любви ничто так

NB Педагогика Веры, Надежды и Любви охраняет от соблазнов духовно мыслящей свободной личности. И отступают слабость и обиды, и страдания, уходят гордость и великая надменность, страх. Вера требует не поплавок, а верящей души. Смыслы творимого Господом могут не быть до конца понятными, но остается надежда на восстановление каждого, кто прикоснулся к такой педагогике.

не противоположно, как зависть, мать же зависти — гордость. Поэтому Господь Иисус Христос, Бог и Человек — есть и Свидетель Божией любви к нам, и пример человеческого среди нас смирения: да излечится наша великая надменность лекарством противодействующим и более сильным — смирением. Сильно страдание, ибо возгордился человек, но сильнее сострадание и смиренен Бог.

(11) Поставь себе целью говорить об этой любви; пусть все твои слова возвращают к ней; что ни рассказываешь, рассказывай так, чтобы тот, к кому ты обращаешься, слушая, верил; веря, надеялся; надеясь, любил.

6

(1) Из самой Божественной строгости, которой трепещут в спасительнейшем страхе людские сердца, следует выводить любовь: пусть человек радуется, что он любим Тем, Кого он боится, осмеливается отвечать любовью, и совестится не угодить

Ему, Благоволящему, хотя бы и можно было сделать это безнаказанно.

(2) Очень редко, да нет, никогда не бывает так, чтобы человека, по доброй воле ставшего христианином, хоть как-то не пронзило страхом Божиим. Если же он видит в христианстве единственное средство расположить к себе людей, от которых ждет каких-либо благ, или в расчете уклониться от беды — от нападков и вражды людей, ему страшных, — то он хочет не стать христианином, а только им притвориться. Вера требует не поклонов, а верующей души.

(3) Часто Господь оказывает свое милосердие через катехизатора: тронутый его речью, человек захочет действительно стать тем, кем прежде решал только притвориться. Когда в нем начнет возникать это желание, тогда и будем считать, что он пришел.

(4) От нас сокрыто, когда придет душой тот, кого в телесном облике мы перед собой видим; тем не менее мы должны вести себя с ним так, чтобы у него возникло это желание, даже если сейчас его нет. Если же оно есть, то ущерба от такого нашего поведения не будет; оно только укрепит это желание, хотя мы и не знаем, когда, в какой час оно появилось. (5) Хорошо, конечно, если есть возможность предварительно справиться у тех, кто знает этого человека, в каком состоянии его душа, какие причины подвигли его принять христианство. Если нет человека, от которого можно было бы это узнать, нужно расспросить самого пришедшего и, сообразуясь с его ответами, начать свою речь. (6) Если перед нами притворщик, который ищет земных благ или бежит от беды, то он, конечно, будет лгать, и с этой его лжи, отнюдь ее не опровергая, как заведомо тебе известную, ты и начинай свою беседу. Раз он сказал, что пришел с намерением, заслуживающим одобрения, то, говорит он правду или лжет, но одобряя и похвалив намерение, с которым, судя по его ответу, он явился, мы заставим его почувствовать удовольствие от того, что он именно таков, каким хочет казаться.

(7) Если же слова его не соответствуют чувству, которое должно быть в душе человека, желающего проникнуться христианской верой, то укори его, с лаской и кротостью, как неотесанного невежду, и кратко, в словах торжественных, покажи и восхвали истинное значение христианского учения. Не занимай этим времени, назначенного для рассказа, и не смей влагать его в душу еще неустроенную: сделай, чтобы он захотел того, чего по заблуждению или притворству не хотел¹⁴.

(8) Если же вдруг он скажет, что хочет стать христианином, наставленный к тому или уstraшенный свыше, то вот прекраснейший повод заговорить о том, как печется о нас Господь.

(9) Надо, конечно, отвлечь внимание этого человека от таких чудес и сновидений¹⁵, и устремить его на твердую дорогу — к Священному Писанию и действительным чудесам. Пусть знает, однако, сколь милосердно было наставить его еще раньше, чем он

заялся Священным Писанием. (10) И обязательно покажи, что Господь Сам не наставил бы его и не побудил стать христианином и присоединиться к Церкви, не поучал бы его знаменами и откровениями, если бы в Священном Писании не был уже уготован путь, на котором ему надо искать не чудес видимых, но надеяться на невидимое, слушать наставления не во сне, а наяву, пожелав и в дальнейшем в спокойствии и безопасности идти этим путем.

7

(1) Начинать рассказ надо с того, что Господь сотворил все очень хорошим, и довести его, как мы и сказали, до нынешних церковных событий. Надо указать причину и смысл всего, о чем мы рассказываем: это поможет свести весь рассказ к главной цели — к любви, от нее нельзя отводить глаз, что бы ты ни делал, что бы ни говорил. (2) Хорошими учителями считаются грамматики¹⁶, пытающиеся извлечь некоторую пользу (пусть мнимую, жадную до мирского корма!) из рассказов, выдуманных поэтами для услаждения душ, которые питаются пустяками. Насколько мы должны быть осторожнее! нельзя, чтобы правдивому рассказу поверили в силу его пустой завлекательности или из жадного и опасного любопытства — а так и будет, если излагать только события, не указывая их причин. (3) Не будем, однако, нанизывать эти причины, не будем оставлять колею рассказа, чтобы не запутаться и мыслью и речью в извилах трудного рассуждения; пусть истинный указанный нами смысл окажется как бы той золотой нитью, которая соединяет в один ряд драгоценные камни, но ничем лишним не нарушает стройный лад украшения. (4) Закончив рассказ, внушим надежду на воскресение. Соображаясь с умственными силами слушателя и отпущенным нам временем, опровергнем пустые насмешки язычников по поводу воскресения тела, расскажем о Страшном Суде, добром к добрым, суровом к злым и справедливым ко всем; вспомнив с отвращением и ужасом муки грешников, восхвалим царство праведных и верных и вздохнем о Небесном граде и его радостях.

8

(1) Тогда же надо вооружить и укрепить человека — он слаб — против искушений и соблазнов, придет ли они извне или изнутри самой Церкви — извне от язычников, иудеев и еретиков; изнутри — от мякины¹⁷ на току Господнем. Не надо спорить в отдельности с каждым учением этих совратителей; опровергнем, задав несколько вопросов, их извращенные мнения; кратко, в зависимости от времени, укажем, что так было и предсказано; в чем для верных польза от знакомства с иску-

шениями и как укрепляет нас пример Божественного терпения: Господь разрешил быть всему этому до конца дней.

(2) Давая оружие против тех развратников, которые заполняют церкви своими телами, напомним, в краткой и пристойной форме, с кем указано общаться добропорядочному христианину: нельзя допустить, чтобы его легко сбивали с пути пьяницы, скупцы, обманщики, игроки, прелюбодеи, развратники, любители зрелищ, составители богомерзких снадобий¹⁸, заклинатели¹⁹, астрологи, гадатели, гадающие любым лживым и дурным способом; пусть он не считает, что общение с ними пройдет безнаказанно, потому что он видит много людей, называющихся христианами, которые все это любят, этим занимаются, это защищают и убежденно к этому склоняют. Свидетельством Божественных книг следует подтвердить, какой конец предназначен увязшим в такой жизни и почему терпят их в Церкви, от которой они в конце будут отлучены. (3) Следует, однако, предупредить, что он найдет в Церкви много хороших христиан, истинных граждан Небесного Иерусалима, если сам будет становиться таким же.

(4) В заключение старательно убеждай не возлагать своих надежд на человека: человеку трудно судить, кто праведен, а если бы и было легко, то не за тем предложены нам в пример праведники, чтобы через них оправдаться, а чтобы, подражая им, мы знали, что Тот, Кто оправдал их, оправдает и нас.

NB *Разные стелени и ступени восхождения к Учению даются Августинном. Он оставляет педагогический наказ, как работать с думающими, учеными мужами, которые проштудировали все известные книги. Сегодня так много книг, распад и насилие в которых захлестывает читающих, или тех, которые вызывают интерес плотский, низменный, или страсть иного порядка. А проникать в сокровенное — это работа души, сопряженная с разумом, озарением. Но оно не осветит погрязшую в темь плотских инстинктов душу.*

(5) Так и создается самое важное: слушающий нас слушает через нас Бога, начинает совершенствоваться и в нравах, и в знании, бодро вступает на путь Христов, не осмеливаясь ничего приписывать ни нашим, ни своим заслугам; и себя, и нас, и каждого друга своего, которого любит, он любит в Нем и ради Него, Кто полюбил его, врага Себе, чтобы оправдать и сделать другом. В совете говорить кратко, я думаю, ты не нуждаешься — и ты, и слушатели твои — люди занятые. Если со временем просторно, то и говори пространнее: как действовать, покажут сами обстоятельства: никаких указаний не нужно.

NB *Жизнь града земного сложна, олицетворена в людях, погрязших в пьянстве, обманщиках, изроках, прелюбодеях. Но свет Небесного Иерусалима ярок и чист, мыслящий, думающий, верящий в добро видит*

его. Учитель прокладывает Дорогу, Путь именно туда, а «как действовать, покажут сами обстоятельства; никаких указаний не нужно». Педагогика, опирающаяся на сердечные чувства и применяющая таинства Слова, — образец для нас, педагогов настоящих. И как в любой другой работе, у нас тоже есть вечная неудовлетворенность сделанным, ибо постигнуть совершенное дано немногим, и ты можешь не быть в их числе.

9

(1) Никак нельзя пройти мимо такого случая: к тебе, как катехизатору, пришел человек ученый: он уже решил быть христианином и пришел стать им. Он, конечно, многое узнал из нашего Писания и наших книг; уже наставленный ими, он пришел только, чтобы получить возможность приступать к таинствам. Такие люди обычно еще до того часа, как стать христианами, тщательно до всего допытываются, сообщают, кому только могут, о своих колебаниях и обсуждают их. (2) С ними не распространяйся; им нельзя досаждать, повторяя то, что они сами знают; коснись этого слегка и говори так: мы верим, как им известно, так-то и так-то; бегло перебери все, что невеждам и людям без образования тебе приходится вдалбливать; пусть этот ученый не выслушает, как от учителя, то, что он уже знает; а если ему что-то еще неизвестно, вспомни об этом, как о том, что он, — мы в этом убеждены, — знает, и пусть таким образом он это и усвоит.

(3) Не бесполезно расспросить его, что вызвало в нем желание стать христианином: если увидишь, что его убедили книги, может быть, канонические, может быть, чьи-то полезные произведения, то поговори сначала о последних, хваля в зависимости от их разной канонической авторитетности, от умения и старания их авторов; особенно подчеркивай в канонических Писаниях — они глубины изумительной — их спасительную и смиренную простоту; что же касается тех книг, то обрати внимание, что по своему языку, звучному и обработанному, — в меру авторского таланта, — они приспособлены для душ гордых и потому бессильных.

(4) Надо также выведать у него, кого он больше всего читал, какие книги ему известны и ближе, откуда у него желание присоединиться к Церкви. (5) Если он назовет книги, нам известные, или о которых в Церкви идет молва, что они написаны человеком православным и достопамятным, то радостно одобри это чтение. (6) Если же ему попались книги какого-нибудь еретика, и он, усвоив их содержание, считает себя православным, не зная, может быть, чего не одобряет истинная вера, то такого надо поучать и поучать, в первую очередь ссылаясь на авторитет всей Церкви и на творения ученейших мужей, утвердившихся в ее истине. (7) Были, правда, люди, которые уш-

ли из этой жизни, как православные, и оставили кое-какие писания потомкам христианам; но, по непониманию ли, по бессилию ли — такова уж человеческая немощь — проникнуть умом в сокровенное, они кое-где в своих трудах уклонились от истины к ее подобию, и для дерзких выскочек это как раз оказалось удобным случаем приложить свои силы к созданию ереси. (8) Тут нечему удивляться: даже в канонических книгах, где каждое слово здраво, кое-что можно понять иначе, чем думал писавший²⁰, или в чем выражает себя истина (если бы было только так, кто охотно не простил бы человеческой немощи, с готовностью исправляющей ошибки?). Но они, мысля извращенно и ложно, защищаясь со страстной горячностью и дерзким упорством, создали много опасных догматов и раскололи церковное единство.

(9) Обо всем этом надо в тихой беседе поговорить с ним, не простецом, а человеком, вынесшим из чтения ученых книг высокую культуру и пришедшим в круг Христова народа. Храни авторитет наставничества, но берегись оступиться и показать свое превосходство; следи за мерой его смирения, приведшего этого человека к нам. (10) В остальном же, согласно правилам спасительного учения, надо рассказывать и рассуждать о вере, о нравственности, об искушениях, быстро перебирая, как я и говорил, все эти вопросы, и все относить к тому, самому высокому, пути.

10

(1) Приходят также люди из обычных грамматических и риторских школ; считать их простецами и не думай, но не относи к тем ученым, чей ум изощрен размышлениями о высоком²¹.

NB *Как важно для педагогов осознать то, что говорится у Августина. Как бы ни был высок в званиях и науках человек, приходя в лоно школы, открывает он здесь главное — свое чистое сердце, и нет другой более важной науки, как та, где смысл знаний и есть повествование об истории и делах человеческих. Уделяй больше внимания ученикам, которые грамотны, ибо гордость охватывает их от их же знания. Понять сокровенность смыслов — это ведь «не*

(2) Этим людям, которым кажется, будто они, благодаря искусству речи, превзошли всех остальных людей, мы должны, если они приходят, желая стать христианами, уделить внимания больше, чем безграмотной толпе, потому что им надо внушать и внушать, чтобы, облекшись христианским смирением, они привыкли не смотреть свысока на тех, кто выучился избегать нравственных пороков больше, чем словесных ошибок²²; пусть не смеют свою речь, которой они привыкли кичиться, сравнивать с речью воспитанной на уроках чистого сердца. (3) Самое же главное — научить их слушанию Священного Писания: пусть не брезгают речью, полной содержания,

просто слушать, как звенят буквы», а извлекать истину, заставляя узгодить лень и скуку жизни. Опыт учителя — это опыт наставника: он в неторопливом подвижничестве, в желании показать, как «душу предпочитают телу и как словам надо предпочитать мысли».

потому что в ней нет напыщенности²³, и пусть знают, что тот плотяный покров, в который завернуто и под которым скрыто в этих книгах повествование о словах и делах человеческих, надо развернуть и снять затем, чтобы понять его смысл, а не просто слушать, как звенят буквы²⁴; покажи этим людям на их собственном опыте, как полезна сокровенность (отсюда слово «мистерии»), каким образом загадки прогоняют лень и скуку и заставляют

искать истину именно потому, что они ее прячут: какой-то ясный рассказ не произвел на них никакого впечатления — и вдруг распутывается аллегория и извлекается некий тайный смысл. (4) А самое для этих людей полезное — понять, что как душу предпочитают телу, так и словам надо предпочитать мысли²⁵. Из этого же следует, что должны они с большим удовольствием слушать речи правдивые, а не красноречивые, как и друзей себе желать скорее разумных, чем красивых.

(5) Пусть знают, что единственный голос, который доходит до Божних ушей, это голос сердечного чувства; тогда они не станут смеяться, заметив, что кое-кто из священников и церковных служителей призывают Бога с варваризмами и солецизмами или даже не понимают произносимых слов и путаются в их расстановке²⁶. (6) Нужно, конечно, это исправлять, чтобы народ понимал, на что он отвечает «аминь», но любовно это терпеть, зная, что на форуме похвальны звучные слова, а в церкви молитва: иногда хорошее произношение, имеющее такое значение на форуме, может ничего не значить в церкви.

(7) Что касается таинства, которое они примут, то тем из них, кто потолковее, достаточно послушать, в чем его значение; с теми, кто менее сообразителен, надо поговорить подробнее, прибегая к сравнениям, чтобы они не отнеслись презрительно к тому, что видят.

11

(1) Ты, может быть, желаешь получить образец речи, хочешь, чтобы я тебе на деле показал, как выполнять мои советы. Я это сделаю, когда с Божией помощью смогу, но сначала я должен сказать о том, как создать ту радость, о которой обещал рассказать. (2) Свое обещание наставить тебя в том, как говорить с человеком, желающим стать христианином, и как его поучать, я, по-моему, выполнил целиком. На мне нет долга сделать в этой книге то, что, по моим советам, надлежит делать. Если я все-таки это сделаю, чаша окажется переполненной, а на каком основании я буду переливать через край, не долив еще нужной меры?

(3) Главная твоя жалоба на то, что когда ты ведешь человека к имени христианина, то речь твоя начинает тебе казаться скучной и противной. Знаю также, что это не от недостатка знаний — мне известно, что ты достаточно подготовлен и научен, — и не от бедности языка, а от душевной неудовлетворенности. (4) Происходит ли это потому, что нас больше привлекает и захватывает то, что мы молчаливо созерцаем умом, и мы не хотим отрываться от этого созерцания для столь с ним несхожего словесного треска, или потому, что если даже нам и нравится наша речь, то все же слушать или читать приятнее: и сказано лучше, и без хлопот и забот для нас. Тут же сразу надо подбирать слова, приспосабливая их к чужому разумению, причем нет уверенности, соответствуют ли они мыслям и с пользой ли воспринимаются. А потом скучно повторять все время и втолковывать новичкам одно и то же: нам это так известно, для нашего продвижения не нужно, и подросшая душа без всякого удовольствия шагает по торной, проложенной для детей дороге. (5) Скучно говорить слушателю, который неподвижно сидит перед тобой (потому ли, что он ничем не взволнован, потому ли, что не хочет показать ни одним жестом, понимает ли он то, что мы говорим, и нравится ли ему это). Не подобает нам, конечно, жадно искать людской похвалы, но ведь мы подаем Божественную пищу, и чем милее нам те, с кем мы говорим, тем горячее мы желаем, чтобы им понравилось то, что предлагается для их спасения; если удачи нет, мы огорчаемся и тут же на ходу слабеем и понижаем, как от зря затеянного дела. (6) Иногда нас отрывают от дела, которым мы хотели заняться, которое нам доставляло удовольствие или казалось более необходимым, и по приказу ли человека, которого не хотим обидеть, или по чьему-то настоятельному требованию, уклониться от которого нельзя, мы вынуждены кого-то обучать. Мы расстроены — а приступаем к делу, которое требует полного спокойствия, — нам грустно потому, что мы не можем сохранить в наших занятиях желательный порядок и во всем успеть; речь наша от огорчения становится не очень приятна: печаль ее обессиливает и сушит. (7) Бывает, что сердце наше охвачено скорбью от каких-то неурядиц²⁷, а нам говорят: «ступай, поговори с ним, он хочет стать христианином». Говорят это люди, не знающие, что скрыто в нашем сердце и что жжет нас; если им не следует открывать наших чувств, то мы неохотнее беремся за то, чего от нас ждут. Речь наша, пройдя через сердце, которое горит и дымится, будет действительно вялой и неприятной. (8) Какова бы ни была причина, облаком затянувшая ясность нашей души, но лекарств надо искать у Бога; да ослабнет напряжение наше, да возвеселимся, горя духом, и принесем радость другим своим спокойным добрым трудом. Ибо «радостно дающего любит Бог».

(1) Бывает, мы огорчены потому, что слушатель не понимает наших мыслей, и мы вынуждены, спустившись с высот, топтаться внизу и твердить азы, а мы ведь были так озабочены, в каких бы длинных и сложных извилях изложить плотскими устами то, что мгновенно поглотит и впитает ум. Все выходит настолько по-другому, что становится противно говорить и хочется молчать.

NB *Способность «всозерцания ума» восходит к очень древней философской традиции, важна она и в наше время особенно. Научились же когда-то Учителя (например, Августин) и слова, и речь подбирать под каждого и приспособлять их к разному разумению. Это была настоящая работа души с душой с помощью слова, проходящего через сердце. Как сегодня учителю достучаться, найти то, что тронет душу и ребенка, и взрослого человека? Ясно, что свет знания возрастает с взрослением души человеческой. Как это было важно две тысячи лет назад, так важно и сейчас.*

Педагогическая культура выражается через взаимодействие учителя и ученика в слове. Чистые размышления всегда радостные. Суть высказывания — в истине. В каких бы словах, выразительно или совершенно безразлично, она ни звучала, ты будешь понять. Дорога воспитания — это дорога терпения и МИЛОсердия. Интересно, в какие технологические приемы ее может переложить учитель XXI века?

Подумаем тогда, что предуказано Тем, Кто дал нам пример: да следуем по стопам Его. (2) Как бы ни отличалась наша членораздельная речь от нашего живого ума, но еще больше разницы между плотью с ее смертностью и Божеством с Его неизменностью. И однако, «Он, будучи Богом, уничтожил Себя самого, приняв образ раба... смирил Себя до смерти крестной». А для чего? Он стал слабым для слабых, чтобы привлечь слабых. (3) Услышь другие слова того, кто Ему следовал: «если мы выходим из себя, то для Бога; если сдерживаем себя, то для вас. Любовь Христова побуждает нас судить так, ибо Один умер за всех». Мог ли бы Он с готовностью отдать жизнь за их души, если бы Ему опротивело склоняться к их ушам? (4) Потому и стал Он меньшим среди нас, пестуя, как кормилица, детей Своих. Бормотать искалеченные обрубки слов приятно потому, что это подсказывает любовь: люди хотят иметь детей и так с ними и разговаривать; матери слаще вкладывать маленькому сыну из своих уст крохотные кусочки, чем самой жадно сжевать большущий кусок. (5) Да не оставляет сердца твоего мысль о курице, истомленной²⁴ и все же прикрывающей своими перьями крохотных цыплят; охрипшим голосом созывает она своих пискунов; если они возомнят о себе и не будут прятаться под ее ласковыми крыльями, они станут добычей хищных птиц. Если радостно предаваться чистому размышлению в самых глубоких тайниках души, то радостной должна

быть и эта мысль: чем с большей готовностью послужить спускается любовь твоя к слабым, тем больше крепнет она и проникает существо твое от сознания, что ты ничего не ищешь от тех, к кому спускаешься, кроме их вечного спасения.

13

(1) Если мы больше стремимся почитать или послушать уже готовое и лучше сказанное и нам поэтому скучно приноравливать свои слова к данному случаю, причем без уверенности в успехе, то пусть только душа твоя не отходит от истины. Не беда, если слушателя твоего заденет что-то в словах твоих: он тут же поймет, что если суть усвоена, то совершенно безразлично, была ли твоя речь менее чистой и звучала ли менее выразительно — звучала она ведь затем, чтобы он понял суть. (2) Если же, по человеческой слабости, ты отойдешь от самой истины — при обучении невежд, когда надо держаться самой избитой дороги, это, правда, случается очень редко, — если же все-таки случится, и как раз это заденет слушателя, то мы должны считать, что случилось так только потому, что Бог хочет испытать нас, спокойно ли сознаемся мы в своей ошибке: да не впадем, защищая свое заблуждение, в заблуждение еще большее. Если никто нам этой ошибки не укажет, и ни мы, ни слушатели наши ее не заметили, то печалиться нечего — только бы не повторить ее. (3) Чаше всего мы сами, переделывая свою прежнюю речь, что-то в ней оуждаем, даже не зная, как она была воспринята; но особенно огорчаемся, если горим любовью и видим, что наша ложная мысль воспринята была с удовольствием. Поэтому, улучив удобный случай, постараемся (мы ведь в тишине сами себя оуждали) постепенно исправить и тех, кого не Божии слова, а наши собственные натолкнули на ложные мысли.

(4) Если же нашему заблуждению радуются ослепнувшие в безумном злорадстве сплетники, хулители, люди ненавистные Богу, то да послужат они нам к воспитанию терпения и милосердия: ведь и Господь терпением Своим доводит их до раскаяния. Что отвратительнее, что больше собирает гнев на день гнева и праведного суда Божия, как не радость чужой беде, которой, на беду себе, подражаем мы дьяволу и уподобляемся ему?

(5) Иногда все сказано верно и правильно, но что-то непонятно, или же мысль, несогласная с мнением слушателя и его привычным, застарелым заблуждением, резнула его самой своей новизной, — он задет и смущен. Если это обнаружилось, и он поддается лечению, то его надо лечить без промедления, приведя ему множество авторитетных соображений. (6) Если он молчит, затаив обиду, помочь Своим лекарством может Господь. Если же он кинется прочь и откажется от врачевания, утешимся примером Господа: когда люди, задетые Его словами,

будто бы жестокими, отошли от Него, он сказал оставшимся: «не хотите ли и вы уйти?» (7) Следует крепко-накрепко запомнить и никогда не забывать, что Иерусалим, плененный Вавилоном века сего, по истечении времени освобожден будет, и никто оттуда не погибнет; кто погиб, тот был не оттуда. «Твердо стоит основание Божие, и запечатлено на нем: знает Господь своих, и да отступит от неправды всякий, призывающий Имя Господне».

(8) Думая об этом и призывая Бога в сердце наше, мы будем меньше беспокоиться о том, что нам неизвестно впечатление от нашей речи, ибо неизвестны и чувства слушателей; нам будет радостно, творя дело милосердия, терпеть тяготы (если мы не ищем в этом своей славы). Тогда только дело будет хорошим, когда работника гонит на него любовь, и он, сделав его, отдыхает в этой любви, словно вернувшись к себе домой. (9) Мы говорим лениво и скучно, потому что есть книга, доставляющая нам удовольствие, или же нам скорее хотелось бы слушать прекрасную проповедь, а не произносить свою, но ведь все это встретит нас — и мы будем веселее, и все после работы покажется приятнее. С большей уверенностью будем мы просить Бога возвещать нам то, что мы хотим, если радостно возьмем на себя возвещать слова Его так, как можем; вот и оказывается, что для любящих Бога все ведет к добру.

14

(1) Если нам опротивело все время повторять слова привычные, приноровленные к детскому пониманию, то приноровимся

В Мысль, несогласная с мнением слушателя, спорит с его консерватизмом, стереотипом мышления. Очистительная сила мысли может, согласно Августину, «резануть своей новизной» — тогда человек смущен, задет. Опираясь на авторитеты, можем ученику помочь двигаться дальше, понимая, что мы все — дети, развивающие вместе свои несовершенные способности. Понимаешь загадку: процесс обучения нашей души бесконечен, и здесь учитель подталкивает, и сочувствующая душа ученика идет

сами к этим детям, полюбив их братской, отцовской, материнской любовью; соединим сердца наши, и эти слова даже нам покажутся новыми. Такова сила сочувствующей души: когда их трогают наши слова, мы, пока они учатся, вселяемся в них, а они в нас; слушатели словно говорят в нас, и сами мы как-то в них учимся тому, чему учим. (2) Разве обычно не случается так: часто видя в городе и в деревне места обширные и прекрасные, мы проходим мимо, не испытывая уже никакого удовольствия; когда же мы показываем их тем, кто их раньше не видел, то от их восхищения новым оживает и наше восхищение? чем ближе нам эти люди, тем это чувство сильнее: поскольку, любя их, мы в них живем, постольку и для нас старое

вслед за ним, и открывает он с учениками новые места, доселе ему неизвестные, и с радостью восхищения замечают все свое обновление: переход от мертвящих заблуждений к животворящей вере.

нию Бога, Творца всего — сколько сильнее должны чтобы узнать Бога, ради

NB *Подготовка к выступлению часто бывает сложной и для опытного, тем более для молодого преподавателя, учителя. Перед нами как раз пособие для них, наставление в том, как, желая слушать учеников, замечаем их охлаждение и находим шутку или тему (об удивительном и потрясающем), не забывая, что это должно быть важно и нам самим.*

дений душу мы выводим на пути мира — и по велению Того, Кто поручил ее нам.

15

(1) Бывает, действительно, очень трудно довести речь до назначенного себе конца, когда мы видим, что слушатель остается бесчувственным — потому ли, что не осмеливается ни словом, ни жестом выразить свое одобрение из религиозного страха, или сдерживает себя по человеческой застенчивости; может быть, он не понимает наших слов, может быть, относится к ним с пренебрежением. В чем дело, нам неизвестно; душу его мы не видим и должны в своей речи испробовать все, что сможет его разбудить и словно вытащить из норы. (2) Чрезмерный страх, мешающий обнаружить свое суждение, надо прогнать ласковым уговором; умерить застенчивость, твердя о братском общении; задавая вопросы, поискать, что ему непонятно, и внушить уверенность, что он может свободно возражать, если ему это покажется необходимым. (3) Надо выпросить, не слышал ли он уже когда-то то же самое, — и может быть, слова наши, как нечто общеизвестное и

становится новым. (3) Но если созерцание предметов способствовало нашему преуспеянию, то мы не захотим радовать и приводить в изумление тех, кого любим, предлагая им вглядываться в дела рук человеческих; мы захотим поднять их: показать искусство и замысел самого Устроителя, а затем вознести их к восхищенному восхвалению — это полное завершение любви. (4) Намы радоваться, когда люди приходят, Которого надо знать все, что стоит знать, когда можно освежиться свежестью их восприятия настолько, что наше обычное холодное изложение согревается от их необычного внимания. (5) И еще прибавит нам радости мысль о том, что человек от мертвящих заблуждений перешел к животворящей вере. И если мы весело шагаем по самым знакомым улицам, потому что случилось помочь человеку и показать усталому и заблудившемуся дорожку, то насколько бодрее и радостнее должны мы пройти из конца в конец по этому спасительному учению, хотя нам и не нужно объяснять его вновь? жалкую, усталую от мирских заблуждений

знакомое, его и не трогают. Поступать надо в соответствии с его ответом: говорить проще и яснее; опровергать мнения противоположные; на том, что известно, долго не задерживаться, а пересказать это кратко и сжато. Выберем из Священного Писания — особенно для рассказа — что-нибудь, что имеет таинственный смысл; объясняя и раскрывая его, мы можем сделать свою речь такой приятной. (4) Если же наш слушатель очень туп и невосприимчив к наслаждению такого рода, то надо милосердно потерпеть его; кратко пробежать остальное и вбивать, пугая будущим судом, самое необходимое: о единстве Православия, об искушениях, о христианском образе жизни. Надо больше говорить о нем Богу, чем ему о Боге.

16

(1) Часто бывает, что вначале человек слушал охотно, а затем, устав слушать или стоять, раскрывает рот не для хвalebных слов, а для зевка, невольно тем обнаруживая, что хочет уйти.

(2) Заметив это, дадим отдохнуть его душе: приправим наши слова веселой шуткой, пристойной и подходящей для нашей темы, расскажем о чем-нибудь удивительном и потрясающем или

печальном и горестном, а главное — поговорим о нем самом, чтобы он встрепенулся, смущенный заботой лично о нем, — нельзя при этом задеть его самолюбие какой-нибудь резкостью, а надо расположить к себе дружеским обхождением и помочь, принеся сиденье. Несомненно лучше сделать так, — где сделать это благопристойно, — чтобы слушатель с самого начала сидел. В некоторых заморских церквях существует очень разумный обычай: священники не только говорят сидя, но и сами предлагают народу сиденья: нельзя, чтобы человек слабый, устав от стояния, от-

NB *Есть страх, человеческая застенчивость ученика. Ему противостоит братское общение, вера в его умение находить точное выражение. Методика педагогического диалога выстраивается в логику индивидуальной работы, основанной на уговоре, внушении уверенности в способности свободно выражать свои мысли, в том числе кратко и сжато.*

вратился от своего самого здорового намерения или был даже вынужден уйти.

(3) И очень важно различать, выбирается ли из толпы, чтобы передохнуть, человек уже связанный с ней общностью таинств, или уходит тот, кого надо впервые к таинствам приобщить: чаще всего он уходит потому, что вынужден уйти, — иначе он свалится от недомогания; сказать, почему он идет, ему стыдно, а стоять не позволяет слабость. Говорю это по опыту: один крестьянин ушел в то время, как я наставлял его в вере. Для меня это был урок большей внимательности. (4) Можно ли в самом деле терпеть наше чванство: взрослым людям, братьям

нашим, и тем, кого сделать себе братьями должно быть главной нашей заботой, мы не позволяем перед нами сидеть, а ведь Самого Господа нашего, которому прислуживают ангелы, женщины слушала сидя. (5) Если, конечно, проповедь будет краткой, или место не приспособлено для сиденья, тогда пусть слушают стоя, но только в том случае, если слушают много людей, и это не новоначальные. Если же пришли стать христианами один, двое или несколько человек, то говорить с ними, оставив их стоять, опасно.

(6) Если, однако, мы уже так начали, то, заметив, что слушатель томится, предложим ему сейчас же сиденье, больше того, заставим его сесть и расскажем что-нибудь, что его освежит и даже прогонит заботу, если она вдруг ворвалась в его душу и отвлекла от слушанья. (7) Так как нам неизвестно, почему он молчит и не слушает, то, когда он уже сел, расскажи ему весело или с печалью что-нибудь в осуждение мирских, внезапно возникающих помыслов. Если как раз они занимали его ум, то они уйдут, словно обвиненные поименно; если дело не в них, и он просто устал слушать, и мы скажем о них, будто дело именно в них, что-нибудь неожиданное, из ряда вон выходящее, то внимание оживится. Только говори коротко — особенно если вставляешь что-то вне общего плана, — чтобы болезнь скуки, которую мы хотим излечить, не усилилась от самого лекарства. И с остальным следует поспешить: надо пообещать и показать, что скоро конец.

17

(1) Если же ты сокрушаешься потому, что тебе пришлось оставить другое дело, которому, как более необходимому, ты отдавался всей душой, и ты, помрачнев, обучаешь вере так, что тебя противно слушать, то подумай вот о чем: не будем говорить об известном нам правиле: в чем бы ни выражалась наша деятельность среди людей, она должна быть проникнута состраданием и самой искренней любовью, — не будем говорить об этом правиле, но ведь неизвестно, что нам полезнее делать и где уместнее приостановиться, а то и вовсе остановиться.

(2) Мы ведь не знаем, каковы перед Богом заслуги тех людей, для которых мы работаем; о том, что им сейчас полезно, мы вовсе не догадываемся или строим очень шаткие и неверные предположения. Поэтому порядок наших дел мы должны устанавливать, памятуя о мере нашего разумения; если мы смогли выполнить все, как намечили, то порадуемся, что по Божией воле (не по нашей) все в таком порядке и делалось. Если же, по какой-то необходимости, этот порядок наш будет спутан, давай легко согнемся, чтобы нам не сломаться; пусть своим станет для нас порядок, который Бог предпочел нашему. Правильнее ведь, чтобы мы повиновались Его воле, а не Он

нашей. И порядок, в котором мы располагали наши дела и которого хотели по своей воле придерживаться, заслуживает, конечно, одобрения только в том случае, если более важное поставлено впереди. (3) Мы, следовательно, печалимся, что Господь Бог в Его могуществе стоит впереди людей, и по любви к своему порядку стремимся утратить всякий порядок в жизни? Лучше всего располагает свои дела человек, который с готовностью отказывается от дела, запрещаемого Божественной властью, а не тот, кто жадно хватается за дело, измышленное человеческим умом. «Ибо много мыслей в сердце человека, совет же Господень остается на века».

18

(1) Если душа твоя в смятении от каких-то неурядиц в Церкви и поэтому речь твоя не может быть спокойной и приятной, то все же надлежит иметь такую любовь к тем, за кого умер Христос, пожелевший своей кровью искупить их от смерти, следствия мирских заблуждений, что самая весть нам, сидящим в печали: «тут вот какой-то человек желает стать христианином» должна утешить нас и разогнать нашу печаль: ведь радость от прибавки смягчает печаль от убытка. (2) Мы огорчаемся, что кто-то преткнулся, только в том случае, если думаем или видим, что он погибает сам или через него погибает другой, слабый человек. (3) И человек, пришедший вступить в Церковь и подающий надежду на преуспевание, да сотрет печаль об ушедшем. И если в нас затаился страх, как бы прозевит не оказался сыном геенны — много таких толчется у нас перед глазами; от них-то и идут все жгучие неурядицы, — то это должно нас не приостанавливать, а скорее ободрять и подстрекать. (4) Будем убеждать наставляемого, да остерегается он подражать тем, кто христиане только по имени, а не по существу; смущенный их множеством, да не захочет идти за ними и откажется ради них идти за Христом; да не откажется остаться в Церкви Божией, где есть и они, да не захочет быть в ней таким, как они. (5) Не знаю, каким образом, но эта, увещательная, речь наша становится горячеей; наша боль разжигает этот огонь; мы не медлительны; слова наши пламенны и сильны; будь мы в спокойном состоянии, мы говорили бы более холодно и вяло. Порадуемся же, что нам дан случай пережить душевную тревогу, принесшую плоды.

19

(1) Если же охватывает нас печаль: в чем-то ошиблись, в чем-то согрешили, то вспомним не только: «жертва Богу дух сокрушен», а также и другие слова: «как огонь водой, так грех погашается милостью». И еще: «милости хочу, а не жертвы». (2) Если

у нас пожар, мы кинемся, конечно, за водой, чтобы его залить, и будем благодарны человеку, который покажет ее по соседству; если из нашего сена пробилось греховное пламя, и мы в смятении

NB *Разработка психологии души, понимание душевных огорчений и надежд, печаль об ушедшем, увещание, душевные тревоги — все наставляет нас в понимании. Истинная педагогика вбирает все переживания человеческого существования, все сложности бытия и, относясь с любовью и почтением к ребенку, выходит на диалог с ним. Знание истинное не ведает скуки, и преподавание идет в поиске смысла слова с той неутомимостью, с которой дан нам замысел урока.*

— и вдруг представляется случай совершить дело милосердия, — возрадуемся, словно показан источник, черпая откуда потушим огонь. Не будем, однако, глупцами: не подумаем, что надо кинуться скорее с хлебом, чтобы насытить желудок голодного, а не со Словом Божиим, чтобы насытить душу вкушающего это слово. (3) Добавим к этому: не думай, будто поступить так — на пользу, а не поступить — не ко вреду; на горе себе отвергнем мы предложенное лекарство: в опасности ведь спасение — даже не ближнего, а наше собственное. (4) Как грозно звучат слова Господа: «раб негодный и ленивый, ты мог отдать деньги мои менялам!» Не безумие ли, чувствуя, как грех нас душит, снова хотеть грешить и не отдать денег Гос-

подних желающему и просящему?

(5) Разогнав такими мыслями и соображениями туман скуки, настроимся на преподавание, дабы с удовольствием впитывались слова, неутомимо и радостно рвущиеся от избытка любви. (6) Это не столько говорю я тебе, сколько всем нам говорит сама любовь, вливая в сердца наши Духом Святым, нам данным.

20

(1) Теперь я сделаю и то, чего не должен был делать, не дай раньше обещания. Ты, может быть, и требуешь это с меня, как долг: развернуть перед тобой и дать тебе для изучения образчик проповеди, с которой я бы обратился к новонаначальному.

(2) Прежде чем я начну, подумай, пожалуйста, о том, что у автора, диктующего свое произведение для будущего читателя, намерения одни, а у проповедника, обращающегося к стоящему перед ним слушателю, другие; и у него они разные в зависимости от того, увещевает ли он кого-то с глазу на глаз, когда судить о его словах некому, или учит чему-то в окружении инакомыслящих слушателей; поучает ли одного, а прочие только слушают уже знакомое им, обсуждают и подтверждают его слова; или все сообща ожидают речи, обращенной к ним ко всем; усаживается ли он и завязывает своего рода частную беседу или будет говорить с возвышения, а весь народ в молчании внимательно станет

глядеть на него одного, ожидая, что он скажет. В этом случае очень важно, много присутствующих или мало, образованные это люди или невежды, или в смешении одни с другими; горожане это или сельские жители или и те и другие; не очень ли разнообразен и состав всего народа. (3) Не может быть, чтобы все они действовали одинаково на собравшегося говорить; как на речь накладывает свой отпечаток чувство говорящего, и она действует на слушателей по-разному в зависимости от разницы между ними, так и сами они взаимно по-разному действуют друг на друга одним своим присутствием. (4) Так как у нас сейчас идет речь о том, как учить новоначальных, то я сам скажу о себе: я испытываю совершенно разные чувства, смотря по тому, вижу ли я перед собой в качестве ученика ученого или невежду, гражданина или чужеземца, богача или бедняка, человека частного или магистрата, занимающего некий пост; человека того или другого народа, того или другого возраста и пола, пришедшего из той или другой секты, от тех или других обычных заблуждений. И от разницы в моих чувствах зависит и начало, и продолжение, и конец моей речи. (5) И хотя с одинаковой любовью должно относиться ко всем, но одинаковое лечение ко всем применять нельзя; сама любовь рождает в муках одних, болеет с другими;

NB Увещание духовным смыслом дойдет до каждого и будет понято. Мы разные, и каждый возьмет от учителя то, что в нем проявлено более всего. Душа у всех разная: одна душа трепещет, другая непреклонна, третья сурова и так далее, но становится более ласковой, и все, преломляясь через смирение и труд, восходят к некоему образу, идеалу.

одних старается поставить на ноги, трепещет обидеть других; к одним склоняется, к другим непреклонна; к одним ласковая, к другим суровая, никому не враждебная, она всем мать. (6) Человек, не испытывавший той любви, о которой я говорю, считает нас счастливыми, ибо видит, что имя наше на устах толпы, восхваляющей нас (я доставляю ей удовольствие благодаря кое-каким данным мне способностям); Господь же, к Которому поднимаются вздохи окованных, да видит смирение наше и труд наш и да отпустит все грехи наши. (7) И если тебе что-то у нас нравится и ты хочешь наших замечаний на твою проповедь, то ты лучше усвоишь все, видя за этим делом и слушая меня, а не читая написанное под мою диктовку.

21

(1) Предположим, что к нам пришел человек, который хочет стать христианином, человек простой, но не из деревенских, а горожанин, — с такими ты в Карфагене чаще всего и вынужден иметь дело. На вопрос, хочет ли он стать христианином ради каких-то выгод в здешней жизни или ради покоя, на который на-

деется после этой жизни, он ответил, что ради будущего покоя. Тогда мы наставим его, пожалуй, таким словом:

(2) Возблагодарим Бога, брат; поздравляю тебя и радуюсь, что среди множества таких опасных бурь этого мира ты подумал о настоящей и верной безопасности. (3) И в этой жизни люди много трудятся, ища покоя и безопасности, и не находят, ибо извращены желания их. Они хотят найти покой в беспокойном и преходящем; оно уходит, похищаемое временем, тревожит страхом и печалью и не дает успокоиться. (4) Человек ищет покоя в богатстве: оно придаст ему гордости, как не отнимет забот. Разве мы не видим, сколько людей его внезапно потеряли, а сколько из-за него даже погибли, или в жадной погоне за ним, или, под бременем его, от руки людей более жадных? а если бы оно оставалось с человеком на всю его жизнь и не покинуло своего любителя, он сам покинул бы его, умирая. (5) Долга ли у человека жизнь, если даже он доживет до старости? и желая себе старости, чего желают люди, как не длительной дряхлости? а что такое мирские почести? — чванство, пустота и угроза крушения. Поэтому в Священном Писании и сказано: «всякая плоть — сено, и людская слава, как цветок из сена. Сено высыхает, опадает цветок; слово же Господне пребывает во веки». (6) Поэтому тот, кто хочет настоящего покоя и настоящего счастья, должен надеяться не на смертное и преходящее, а возложить надежды свои на Слово Божие: прилепившись к тому, что пребывает во веки, да пребудет и сам во веки.

(7) Есть и такие люди, которые не ищут стать богатыми и не выпрашивают пустой пышности почетных должностей; они хотят отдыхать и веселиться в харчевнях и непотребных домах, наслаждаются жалкими театральными представлениями и зрелищами, которые в больших городах предлагаются даром. (8) Так они и проматывают свое скромное состояние и, гонимые нищетой, устремляются воровать, грабить, а иногда даже становятся разбойниками. И вот великий страх охватывает их душу: тем, кто недавно распевал в харчевне, начинает сниться тюрьма и рыдающие узники. (9) Люди, увлекающиеся зрелищами, становятся похожи на демонов: своими криками они стравливают людей: пусть, злобно состязаясь, убивают друг друга. Если бойцы, желая угодить обезумевшему народу, друг друга все-таки не задевают, и люди заподозривают их в сговоре, то они приспосабливаются к ним ненависти, гонят их, кричат, чтобы их избили палками, как обманщиков, и заставляют совершить эту несправедливость даже судью, наказывающего за несправедливости. Если же толпа видит, что те охвачены страшной взаимной ненавистью — будь то так называемые синты, актеры, певцы, возницы или охотники (этих несчастных людей посылают не только на людей, а заставляют их, людей, бороться и состязаться со зверями), — если она почувству-

ет, что они обезумели в лютой вражде, она восхищается ими, любит их, поощряет стравленных и, поощряя, стравливает. Зрители болеют один за одного, другой за другого, неистовствуя сами против себя же, они безумны больше тех, чье безумие вызывают, и на кого, обезумев, хотят смотреть. (10) Может ли душа, питая себя враждой и соревнованием, остаться здоровой и мирной? Какова пища, такое и здоровье. (11) И наконец, — хотя нездоровая радость не есть радость, — но какова бы она ни была, как бы приятно ни было хвастать богатством, надмеваться почестями, объедаться в харчевнях, глядеть на соперничество в театрах, грязнить себя развратом и щекотать свою чувственность в банях, — все это унесет первая же лихорадка, целиком забрав еще при жизни мнимое счастье. Останется сознание пустоты и совесть в ранах: человек поймет, что Бог, Которого он не хотел иметь Хранителем, станет Судьей, и сурового Господина найдет он в Том, Кого не удосужился найти и полюбить, как нежного Отца.

(12) Ты же ищешь истинного покоя, который обещан христианам после этой жизни, и ты вкусишь его сладость даже здесь, среди горьких тягот этой жизни, если возлюбишь заповеди Того, Кто этот мир обещал. Ты быстро почувствуешь, что плоды правды слаще тех, которые возвращает несправедливость; что чистая совесть доставляет больше настоящей радости среди бедствий, чем худая среди наслаждений; и не затем пришел ты соединиться с Церковью Божией, чтобы чем-то от нее временно попользоваться.

22

(1) Некоторые хотят стать христианами, чтобы выслужиться перед людьми, от которых ожидают временных благ, или не желая обидеть тех, кого боятся. (2) Это отбросы; Церковь терпит их до времени — так и мякина лежит на току, пока не пришло время веять; если они не исправятся и не станут христианами ради будущего вечного покоя, они будут в конце отделены. Пусть не ласкают себя мыслью, что могут оставаться на току вместе с пшеницей Господней: они не попадут вместе с ней в закрома, а предназначены заслуженному огню.

(3) Есть люди, подающие большие надежды, но находящиеся в опасности не меньшей: они боятся Бога, не издеваются над именем христианина, вступают в Церковь Божию без притворства, но они ждут счастья в этой жизни, рассчитывают быть на земле счастливее тех, кто не чтит Бога. И когда они видят преступников и безбожников в силе и блеске земного благополучия, а его у них меньше, или они его лишились, они смущаются, словно нет у них основания чтить Бога, и легко отпадают от веры.

(1) Тот, кто ради постоянного блаженства и непреходящего покоя, обещанного святым после этой жизни, хочет стать христианином, чтобы не пойти в огонь вечный вместе с дьяволом, но вступить в Царство Вечное с Христом, тот настоящий христианин. Он осмотрителен в искушениях, боится стать хуже в счастье и сломаться в несчастье; среди обилия земных благ он скромн и умерен, среди бедствий мужествен и терпелив. (2) Человек, который, преуспевая, дойдет до такого состояния, что будет больше любить Бога, чем бояться геенны, так что если бы Господь Сам сказал ему: «пользуйся во веки плотскими наслаждениями, грешь как только можешь — ты не умрешь, не попадешь в геенну, но только не будешь со Мною», — он придет в ужас и перестанет совсем грешить не из страха, чтобы не случилось то, чего он боялся, а чтобы не обидеть Того, Кого он так любит, — в Нем же Едином покое, которого ни глаз не видел, ни ухо не слышало, и не восходило на сердце человека, что приготовил Господь любящим Его.

(3) Этот покой имеет в виду Писание и не умалчивает о нем: в самом начале мира, когда Бог создавал небо и землю и все, что на них, Он был занят шесть дней, а в седьмой опочил. (4) Всемогуший мог создать все в одно мгновение: Он ведь не работал, чтобы опочить, ибо «сказал — и сделалось; повелел — и сотворилось», но чтобы показать, что после шести периодов, пережитых этим миром, Он опочивает в седьмой период, как в седьмой день, среди святых Своих, и сами они упокоятся в Нем после всех добрых трудов, совершенных в служении Ему; через них творил Он, Который зовет и наставляет и отпускает прошлые грехи и оправдывает прежнего беззаконника. (5) Они хорошо трудились, ибо это было даровано Им, и потому правильно сказать, что это Сам Он трудится; и когда они почивают в Нем, правильно сказать, что почивает и Он Сам. Что до Него, то Он передышки не ищет, ибо не чувствует труда. (6) Все сотворил Он словом Своим, а Слово Его — Сам Христос, в Котором почивают в святом молчании ангелы и все небесные чистейшие духи. (7) Человек, согрешив, пал и потерял покой, который имел в Нем, Боге, и получил обратно в Нем, Человеке; поэтому в свое время, — Он знал, когда этому надлежит быть, — Он стал человеком и родился от женщины. Не мог быть запятнан плотью Он, пришедший скорее затем, чтобы очистить плоть. (8) Святые в древности знали, по откровению Духа, что Он придет, и пророчествовали о Нем, и спаслись верой в будущее Его пришествие, как и мы спасаемся верой в Его уже бывшее пришествие. Возлюбим же Бога, Который так возлюбил нас, что послал единственного Сына Своего, дабы, облечшись в наше уничиженное смертное тело, Он умер от руки грешников и за грешников. (9) И давно, от начала времен, непрерывно в прообразах предвозвещалась глубина этой тайны.

(1) Так как всемогущий Бог и благ и справедлив и милостив, то Он все создал хорошим, великое и малое; сильное и слабое; видимое — небо, землю и море, на небе солнце, луну и прочие светила, на земле же и в море деревья, кусты и животных — все разнообразие природы — и вообще все тела небесные и земные... и невидимое, каковы духи, чьи тела полны бодрости и силы. (2) Создал и человека по образу Своему; и как Сам Он всемогуществом Своим превосходит все сотворенное, так и человек разумом своим, которым познает он Своего Создателя и чтит Его, превосходит всех земных животных. (3) Создал Он ему в помощь и жену не ради плотских желаний — тела их были нетленны, пока, в наказание за грех, не пришла к ним смерть, — но чтобы жена была славой мужа, ведущего ее к Господу и являющего для нее пример святости и благочестия, как и сам он слава для Господа, если следует путем мудрости Его.

(4) Он поместил их в месте вечного блаженства, которое Писание называет раем, и дал им заповедь — если они не преступят ее, то пребудут во веки бессмертными и блаженными; если преступят, наказанием будет смерть. (5) Господь заранее знал, что

NB Поражает мысль о величии и благосклонности учителя, представленных Августиню. Как не хватает нам, учителям, веры в хорошее. Как убедить нас в том, что чтить необходимо все разнообразие природы. Как убедить в том, что даже Господь, зная, что люди не раз будут преступать сначала одну, а затем и многие заповеди, дал им возможность раскаяться. И всякий раз учитель, если он возвращается к правильному образу мысли и жизни, то начинает веровать в ученика. Ибо он знает, как и Учитель Учителей, что от потомков смертного человека произойдут святые. О величии традиции духовной культуры говорит Августин. А что остается нам? Прославлять тот путь, кото-

они преступят эту заповедь, и именно поэтому, Учредитель и Творец всякого блага, Он и создал их, создавая и животных, дабы наполнить землю земными благами. Человек, даже грешник, все же лучше животного. (6) И заповедь, которую они не соблюдают, дал именно затем, чтобы не было им извинения, когда Он наложит на них наказание. Что бы ни сделал человек, в делах его прославляется Бог: если он поступил правильно, Он прославляется за справедливое воздаяние; если согрешил, прославляется за справедливое наказание; если, раскаявшись в грехах, вернулся к правильной жизни, Он прославляется за милосердную снисходительность. (7) Почему было Господу и не создать человека, хотя Он и знал заранее, что тот согрешит, когда Он устоявшего венчает, упавшего устроит, встающему помогает, всегда и везде Славный благостью, справедливостью, милосердием! А самое главное: Он знал, что от потомков этого смертного человека произойдут святые, которые не будут искать свое.

рый мы выбрали, путь ОБРАЗования — путь Веры, Надежды и Любви.

но прославят своего Создателя; чтя Его, освободившись от всякой скверны, они заслужат вечно жить и блаженно жить со святыми ангелами.

(8) Он дал людям свободную волю, чтобы они чтили Бога не по рабской необходимости, а по выбору благородной души. Далее также ангелам, и ангел, который в сопровождении других духов покинул от великой гордости путь послушания Богу и стал дьяволом, нанес ущерб не Богу, но себе. (9) Господь умеет приводить в порядок души, Его покинувшие, и справедливое их несчастье превращает в радость для низших Своих созданий — по законам вполне сообразным с дивным порядком равномерного распределения. Итак, дьявол не нанес никакого ущерба Богу ни своим собственным падением, ни тем, что совратил человека к смерти; и сам человек, тем, что по собственной воле согласился с женой, совращенной дьяволом, нарушить запрет Божий, насколько не умалил ни правды, ни могущества, ни блаженства Творца своего. (10) По справедливейшим Божиим законам они все осуждены; Бог прославлен справедливой карой, они обесславлены постыдным наказанием. Человек, отвратившийся от своего Создателя, побежден и подчиняется дьяволу; человеку, обратившемуся к своему Создателю, предложено победить дьявола; те, кто до конца соглашались с дьяволом, с ним пойдут в муки вечные; те, кто смирились перед Богом и, по благодати Его, победят дьявола, заслужат вечную награду.

(11) Нас не должно тревожить, что много людей соглашались с дьяволом, и мало кто следует за Господом: ведь и пшеничных зерен так мало по сравнению с мякиной. Но как земледелец знает, что ему делать с огромной кучей мякины, так и для Бога множество грешников — ничто; Он знает, как с ними быть, чтобы Царство Его не знало ни волнения, ни посрамления. Не следует думать, что дьявол остался победителем потому, что увлек за собой множество: его победят немногие.

В Преодолевая в себе себя, познавая в себе себя, человек устремляется к себе творящему и духовному. Через возрождение и проявление в себе святости возникает новый человек, со свободной волей и такой способностью выбора, которая присуща благородным душам. Мысль — это отпечаток Бога на земле. И это надо помнить.

(12) Два града — нечестивцев и праведников — существуют от начала человеческого рода и пребудут до конца века. Теперь граждане обоих живут вместе, но желают разного, в день же Суда поставлены будут розно. (13) Все люди горделивые, любящие временное господство с его пустой надменностью и дерзким великолепием, связаны воедино, как сообщники, со всеми духами, которым это любезно и которые ищут себе славы за то, что подчинили людей. И те, кто часто ведет друг с другом борьбу за эти блага, низвергнутся под таким же бременем страстей

в ту же бездну, присоединившись к ним по сходству нравов и заслуг. (14) Все же люди и все духи, смиренно искавшие Славы Божией, а не своей, благочестиво за Ним следуя, составят единое общество.

25

(1) И, однако, Господь в Своем великом милосердии терпелив к нечестивцам и даст им возможность покаяться и исправиться. (2) Он уничтожил потопом всех, кроме одного праведника с его семьей, и пожелал спасти их в ковчеге. Он знал, что люди не исправятся; в течение сотен лет строился ковчег; предвоз-

NB Мы проявляем удивительные гордость и чванство от уничтожения богоученый, и тысячу лет делаем попытку совместить два града, земной и небесный, изобретая человеческие подходы.

вещено было им, что гнев Божий придет на них, но если они обратятся к Богу, то Он пощадит их, как пощадил впоследствии Ниневию, которая покаялась, когда пророк возвестил ей, что ее ожидает гибель. (3) Так же поступает Бог и с теми, о которых знает, что они закоснеют во зле: Он дает им время для покаяния, чтобы укрепить

наше терпение и воспитать Своим примером: да знаем, насколько терпимее должны мы быть к злым людям, мы, не ведающие, какими они станут в будущем, если Он, от Которого ничто в будущем не сокрыто, падит их и позволяет жить.

(4) Дан был в потопе и прообраз того древа, чрез которое освобождаются праведные: будущей Церкви, которую Ее Царь и Господь Христос тайной Своего Креста вознес над затопляющими волнами этого мира. Господь знал, что даже от тех, кто спасся в ковчеге, пойдет злое потомство, которое опять наполнит землю неправдой, но Он дал и пример будущего суда и предвозвестил освобождение святых таинственным деревом. (5) И после потопа зло продолжало давать обильные побеги: не исчезли ни гордость, ни похоть, ни запретное нечестие, когда люди, оставив своего Творца, скатились не только до поклонения твари, созданной Богом, и чтли вместо Бога то, что сотворил Бог, но согнули души свои перед делами рук человеческих, перед искусными созданиями художников; тут диавол и демоны справляли свой гнусный триумф: они радуются, когда им молятся перед такими изображениями и чтут их в этих образах, — они питают свои заблуждения заблуждениями человеческими.

26

(1) Не было, конечно, и тогда недостатка в праведниках, которые благочестиво искали Бога и одолели гордость диавола, в гражданах того святого города, которых вразумило грядущее явление уничтоженного Христа, открытое им Духом. Из их сре-

ды и выбран был Авраам, благочестивый и верный раб Божий, чтобы явить ему в прообразе Сына Божия; уподобляясь ему верой, да назовутся в будущем все верные во всех народах Его сынами.

(2) От него произошел народ, почитавший Единого Истинного Бога, Создавшего небо и землю; в это время остальные народы служили изображениям и демонам.

(3) Этому народу будущая Церковь явлена была в прообразах более ясных. Большинство его составляли люди плотские, чтившие Бога ради видимых благ; мало было таких, кто, раздумывая о будущем покое, искал Небесного Отечества. Им в пророчествах и было открыто будущее уничтожение Бога, Царя и Господа нашего Иисуса Христа, дабы верой в Него излечились они от всякой гордости и чванства. (4) Не только слова этих святых, живших до рождения Господа, но и жизнь их, их браки, дети, поступки, — все пророчествовало о тех временах, когда чрез веру в Страсти Христовы народы соберутся в Церковь. (5) Через этих святых патриархов и пророков плотскому народу, Израилю (он стал потом называться народом иудейским), посылались и видимые блага, которых они по-плотски желали от Господа, и плотские наказания, чтобы на время утратить их, как того требовало их жестокосердие. И во всем этом были указания на духовную тайну, относящуюся к Христу и Церкви; членами этой Церкви были и те святые, хотя и жили они раньше, чем родился во плоти Христос Господь. (6) Сам же Он, Единородный Сын Божий, Слово Отчее, равное и совечное Отцу, Которым все стало, стал человеком ради нас, чтобы быть Главой цельной Церкви, как цельного тела. (7) И как человек, рождаясь, хотя и высовывает вперед руку, но она только часть всего тела, крепко с ним, ниже головы, соединенная, так и некоторые из патриархов родились, чтобы указать на это будто вытянутой вперед рукой. И все святые, бывшие на земле до рождения Господа нашего Иисуса Христа, хотя и родились раньше, срослись со всем телом, Главой Которого является Он, но находятся ниже Главы²⁹.

27

(1) Народ этот, переселившийся в Египет, оказался в рабстве у очень жестокого царя; наставленный тягчайшими мучениями, он обратился к Богу-Освободителю, и послан ему был человек из того же народа, святой раб Божий Моисей. Великими чудесами, сотворенными силой Божией, он утратил нечестивое племя египетское, и вывел оттуда народ Божий через Чермное море; вода, расступившись, дала дорогу переходившим; египтяне же, преследовавшие их, погибли, утонув в водах, вернувшихся на свое место. (2) И как в потоке водой очистило землю от грешников с их мерзостями — их уничтожило наводнением,

праведники же спаслись благодаря дереву, — так и народ Божий, выйдя из Египта, нашел путь через воды, в которых враги его погибли. (3) И там налицо тайна древа: Моисей, чтобы сотворилось это чудо, ударил по воде жезлом. В обоих случаях знаменовано святое Крещение, которым верные переходят в новую жизнь: уничтожены и умирают, как враги, грехи их. (4) Страсти Христовы были показаны этому народу в прообразе еще более явном: им велено было заколоть и съесть овцу, а кровью ее помазать свои двери; справлять это ежегодно и назвать Пасхой Господней. Яснее ясного говорит об Иисусе Христе пророчество: «Как овца веден был на заклание». Знаком Его Страстей и Креста должно сегодня осенять лоб свой, будто дверь, и все христиане им себя осеняют.

(5) Затем, в течение сорока лет народ этот ходил по пустыне; получил Закон, написанный перстом Божиим: именем этим обозначен Дух Святой, как это яснее ясного указано в Евангелии. (6) Бог не ограничен телесным образом, нельзя думать, что у Него есть члены и пальцы, какие мы видим у себя. Но так как, по Священному Писанию, разделены Божии Дары между святыми в зависимости от их разных способностей (это отнюдь не уменьшает их любовного единодушия), пальцы же явно и отделены один от другого и соединены с единым целым, то поэтому ли или по какой другой причине, но Дух Святой именуется Перстом Божиим, — нельзя, однако, услышав это слово, представлять себе человеческий облик. (7) Итак, народ этот получил Закон, начертанный Перстом Божиим на скрижалях, конечно, каменных, в обозначение твердокаменности их сердец: предписания Закона они не выполняют. Они желали от Господа плотских благ и сдерживались больше плотским страхом, чем духовной любовью; Закон же выполнить может только любовь. (8) И поэтому отягощены они были множеством видимых обрядов: как рабское ярмо, давили их правила, касавшиеся пищи, принесения в жертву животных и бесчисленного множества других случаев. Все это, однако, знаменовало и нечто духовное, относящееся к Господу Иисусу Христу и к Церкви, но только немногие святые, соблюдая эти обряды в соответствии с их временем, понимали их смысл себе во спасение, толпа же плотских людей только соблюдала их, но не понимала.

(9) Получив много разных прообразов будущего, упоминать их все долго, и мы видим ныне их исполнение в Церкви — народ этот был приведен в землю обетованную, где временно и плотски царствовал в меру своих желаний; это земное царство содержало в себе, однако, образ духовного царства. (10) Там основан был Иерусалим, знаменитейший град Божий, символ Свободного Града, именуемого Небесным Иерусалимом; это еврейское слово: в переводе значит «видение мира». Все святые — те, кто был, кто есть и кто будет — его граждане, так же как и святые души, даже пребывающие на самых небесных высотах, благоговей-

но послушные Богу, — нечестивая гордость диавола и ангелов его им не пример. (11) Царь того града Господь Иисус Христос, Слово Божие, царствующий над высшими ангелами; Слово, ставшее человеком, чтобы царствовать и над людьми, которые — все вместе с Ним — будут царствовать в вечном мире. (12) Как прообраз этого Царя в том земном царстве народа Израильского особенно выделяется царь Давид, от семени которого — по плоти — родился истинный Царь наш, Господь Иисус Христос, «Бог, вышний всех, благословенный во веки». В этой обетованной земле явлено было много прообразов, свидетельствующих о грядущем Христе и о будущей Церкви; ты сможешь постепенно знакомиться с ними из Священного Писания.

NB *У Августина поражает вера в человека, его движение и преодоление страстей, его выход из состояния зла к добру. Разве это не пример нам, учителям, верить в детей наших: шалящих (без злого умысла или с умыслом), негодующих, ожесточенных — и видеть в них будущий образ облагороженного человека?*

Понятие «Небесный Иерусалим» на еврейском языке означает «видение мира». Как волнует Августина этот образ мироустройства Свободного Града, отражающий связь человека с миром космоса. Сегодня учителям св. Августина напоминает о единстве всех форм бытия, о трансцендентном смысле человеческого бытия, основанном на приоритете Универсума, реализуемого в понимании целостности как всеединства всех форм мироздания. В философском смысле речь идет о проявлении закона согласованного сущего, изначального родства всего со всем. Для понимания этого мировоззренческий уровень восприятия мира и человека у учителя должен коренным образом измениться.

(1) Через несколько поколений был показан прообраз, имеющий прямое отношение к этим событиям. Город этот был взят, и значительная часть его жителей уведена в Вавилон. Как Иерусалим означает град и общество святых, так Вавилон означает город и общество нечестивцев, — само имя его переводится словом «смешение». (2) Об этих двух градах, жители которых от начала рода человеческого и до конца века в смене времен пребывают в смешении друг с другом, но будут отделены на последнем суде, мы говорили немного раньше. (3) Через Иеремию, пророка того времени, возведено повеление Господне о том, чтобы город Иерусалим был взят, а народ этот уведен в рабство в Вавилон. (4) И пока он жил там в рабстве, стали появляться в Вавилоне цари, которые, в добрый для себя час, будучи поражены некоторыми чудесами, познали Единого Истинного Бога, Создателя всей твари, стали Его чтить сами и распорядились Его чтить. Отдано было повеление тем, кого они держали в плену, молиться за них и, пребывая в мире с ними, рассчитывать на мирное житье, рож-

дать детей, строить дома, сажать сады и виноградники. А через семьдесят лет обещано им освобождение из плена.

(5) Все это в целом прообразовательно означало, что Церковь Христова со всеми ее святыми, гражданами Небесного Иерусалима, будет в подчинении мирских властителей. (6) Сказано ведь и в поучении апостольском: «Всякая душа да будет покорна высшим властям... да воздается всем все: кому подать — подать; кому оброк — оброк» — и прочее, что мы, при целостности и сохранности нашего Богопочитания, воздаем стоящим во главе организованного человеческого общества. Сам Господь подал нам пример послушания этому здравому учению, не пренебрегнув уплатой подати за себя, как за человека, в чьем облике Он тогда был. (7) Велено также рабам Христовым и добрым христианам терпеливо и верно служить своим временным господам, они будут судить их, если те окажутся до конца нечестивы, или наравне с ними будут царствовать, если и они обратятся к Истинному Богу. Предписано повиноваться всем человеческим и земным властям, пока, после предуказанного времени (его и обозначают семьдесят лет), Церковь, как Иерусалим, будет, словно из плена Вавилонского, освобождена от смещения с этим миром. (8) По случаю же этого пленения земные цари и сами оставили идолов, за которых преследовали христиан, узнали Истинного Бога и Господа Иисуса Христа и стали их чтить. Апостол Павел велит молиться за них, даже если они преследуют Церковь: «Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за царей, за всех человеков и за всех правительствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте». (9) Через них дан мир Церкви, пусть временный, временное затишье, чтобы устроить — духовно — дома, насаждать сады и виноградники. Вот и тебя сейчас этой речью мы устроим и засаживаем. И так происходит по всей земле — мы в мире с властителями христиан, как и сказал тот же апостол: «вы Божия нива, Божие строение». (10) После семидесяти лет, о которых говорил Иеремия, указывая в этом прообразе на конец времени, восстановлен был в Иерусалиме храм Господень — да явится прообраз в полноте. А так как все происходило прообразовательно, то не было прочного мира, и не долго были иудеи свободны: их покорили римляне, которым они и платили подать.

(11) С того времени, как они вошли в землю обетованную, у них появились цари, а чтобы они не думали, будто все уже исполнилось в ком-либо из этих царей — им ведь обещан был освободитель Христос, — Он еще яснее предсказан был им во множестве пророчеств не только самим Давидом в Книге Псалмов, но вплоть до самого Вавилонского пленения и другими великими и святыми пророками. И во время их плена были пророки, предсказывавшие пришествие Господа Иисуса Христа, который

освободит всех. (12) А потом, когда через семьдесят лет был восстановлен храм, иудеи претерпели такие угнетения и бедствия от иноплеменных царей, что поняли: Освободитель еще не пришел. Не понимая, что Он освободит их духовно, они желали его ради плотского освобождения.

29

(1) Прошло пять периодов этого мира: первый — от начала человеческого рода, т.е. от Адама, первого человека, и до Ноя, построившего ковчег при потопе; второй — от него и до Авраама, который назван отцом всех племен, принявших за образец его веру; был он через свое плотское потомство и отцом будущего народа иудеев. До принятия христианской веры язычниками они были единственным народом среди всех народов по всей земле, которые чтит единого истинного Бога; из этого народа и пришел — по плоти — Спаситель Христос. (2) Эти основные моменты двух периодов особо выделены в древних книгах; основные моменты остальных трех показаны в Евангелии при упоминании происхождения — по плоти — Господа Иисуса Христа. Третий период — от Авраама до царя Давида; четвертый — от Давида до того пленения, когда народ Божий переселился в Вавилон; пятый — от этого переселения до пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

(3) С Его пришествия идет шестой период; духовная благодать, знакомая тогда только немногим патриархам и пророкам, явлена теперь всем народам: пусть же человек чтит Бога бескорыстно и желает от Него не видимых наград за свое служение и не счастья в нынешней жизни, а только жизни вечной, когда он будет зреть Самого Бога; в этот шестой период обновится душа человеческая по образу Божию: в шестой ведь день создан был человек по образу Божию. (4) Тогда исполнен будет и закон, ибо не в жадной погоне за временным, но по любви к Тому, Кто заповедал, исполняется то, что Он заповедал. Кто же не устремится ответить на любовь такого праведного, такого милосердного Бога, Который до того полюбил таких неправедных, таких гордых людей, что ради них послал единственного Сына, через Которого создал все и Который, Себя не изменяя, человеческое принимая, стал Человеком, чтобы иметь возможность не только жить с людьми, но за них и от них быть убитым?

30

(1) Итак, явлен Новый Завет о новом наследии, где человек, обновленный Божией благодатью, будет вести новую жизнь, т.е. жизнь духовную; Ветхий показывал плотский народ, живший жизнью ветхого человека (исключение составляло небольшое число разумных патриархов и пророков и несколько тайных

святых); плотски живя, плотских наград желал он от Господа Бога и получал их в прообраз духовных почестей. (2) Ибо Господь Христос, став человеком, презрел все земные блага, показав тем, что их следует презирать; Он перенес все земные бедствия, уча этим, что их следует переносить: не надо в тех искать счастья, не надо в этих бояться несчастья. (3) Рожденный от Матери, которая зачала, не зная мужа и никогда его не знала (девой зачала, девой родила, девой скончалась), но все-таки была обручена плотнику, Он угасил всякое превозношение земной знатностью. (4) Рожденный в Вифлеме, который среди всех иудейских городов был таким ничтожным, что ныне его зовут поселком, Он не пожелал, чтобы кто-либо хвалился значительностью любого земного города. (5) Бедняком стал Тот, Кому принадлежит все и через Кого сотворено все: да не смеет человек, в Него уверовавший, кичиться земными богатствами. (6) Он не захотел, чтобы люди объявили Его царем; Он показал путь смирения тем несчастным, которые отошли от Него по гордости, а ведь все творение свидетельствует о вечном Его царствовании. (7) Голодал Питающий всех; жаждал Сотворивший всякое питье, Он — духовный Хлеб алчущим, Источник жаждущим; уставал на земных дорогах Сделавшийся для нас путем к небу; словно онемел и оглох перед поносившими Его Тот, Кто возвращал речь немому и слух глухому; связан был Разрешавший узы немощей; подвергнут бичеванию Отвративший от людей бичи всех горестей; распят Покончивший наше распятие; умер Воскресавший мертвых. Воскрес Тот, Кто никогда не умрет; пусть каждый научится от Него не презирать смерть, думая, будто он никогда не оживет.

31

(1) Затем, укрепив учеников, общаясь с ними в течение сорока дней, Он, на глазах у них, вознесся на небо, а через пятьдесят дней после Воскресения послал им Духа Святого (Он обещал это), Который преисполнил сердца их любовью, и они смогли, не только не тяготясь, но с радостью исполнять Закон, (2) данный иудеям в десяти заповедях. Они сводятся к двум: возлюбим Бога от всего сердца, от всей души, от всего разума; возлюбим ближнего, как самих себя. На этих двух заповедях покоятся Закон и пророки; это сказал сам Господь в Евангелии и засвидетельствовал своим примером. (3) Ибо народ Израильский, когда, с того дня, как он впервые справлял — прообразовательно — Пасху, вкушая закланного агнца, кровью которого помечены были их двери во спасение им, — когда с того самого дня исполнился пятидесятый, он получил Закон, начертанный Перстом Божиим (этим Именем, как мы говорили, обозначен Дух Святой), — так и в пятидесятый день после Страстей Господних и Воскресения, которое и есть настоящая Пасха, — по-

слан был ученикам Дух Святой, но не было каменных скрижалей, обозначающих закоснелость сердец. (4) Когда в самом Иерусалиме все они собрались вместе, внезапно раздался с неба шум, словно налетел буйный ураган; они увидели как бы огненные разделившиеся языки и начали говорить на разных языках, так что все, кто приходил к ним, узнавали свой язык (а в город этот сходились иудеи со всей земли, где только ни были рассеяны, и они выучили у разных народов их разные языки). Затем, в полноте веры стали они проповедовать Христа и именем Его совершали много знамений; даже мертвец воскрес, когда на него упала тень от проходившего мимо Петра.

(5) Когда иудеи увидели, что такие знамения творятся во имя Того, Кого они распяли, отчасти по ненависти, отчасти по неведению, то одни из них в раздражении стали преследовать апостолов, Его проповедников, другие же, особенно изумляясь, что именем Того, над Кем они издевались, как над загнанным и побежденным, творятся такие чудеса, покаяться, обратились и уверовали в Него, — таких иудеев была тысяча.

(6) Они уже не желали от Бога земных благ и земного царства, не ожидали в обещанном им царе, Христе, земного царя; понимая Его как Бессмертного, они возлюбили Того, Кто за них и от них, как смертный, столько перенес, и даже заплатил за грехи их Своей Кровью. Он показал им на примере Своего Воскресения, что надо надеяться на бессмертие, Им даруемое, и желать его. (7) Итак, умерщвляя земные желания ветхого человека, горя новой духовной жизнью, они, как и заповедал Господь в Евангелии, продавали все, что имели, и складывали к ногам апостолов деньги от продажи имущества, чтобы те раздавали всем — кому что нужно. Живя в христианской любви и единодушии, они ничего не называли своим; все у них было общее; душой и единым сердцем были они в Боге. (8) Затем, испытав от иудеев, сограждан своих по плоти, плотское преследование, они рассеялись, чтобы через это рассеяние шире был проповедан Христос. Они же сами подражали терпению Господа своего: Он, кротко пострадавший за них, велел им кротко страдать за Него.

(9) В числе преследователей христиан был и апостол Павел, особенно свирепствовавший против них; потом он уверовал, стал апостолом и был послан проповедовать Евангелие язычникам; перенес он за имя Христово муки более тяжкие, чем когда-то причинял, идя против имени Христова. (10) Устроая Церкви среди язычников, повсюду сея среди них Евангельское Слово, он усиленно настаивал, чтобы они делали сборы для бедных христиан в церквях, состоявших из иудеев, уверовавших во Христа (только что пришедшим от почитания идолов, еще совсем не знающим, как чтить Единого Бога, не легко было бы продать и раздать свое имущество, чтобы служить Богу). (11) Поэтому в своем апостольском учении он определял одних

как воинов; других как провинциалов, обложенных податью; но Христа он сделал для них как бы Красугольным Камнем, как и возвещали о Нем пророки; на Нем строились с противоположных сторон две стены, иудей и язычники, соединившиеся в братской любви.

32

(1) Но потом против Церкви Христовой воздвигнуты были от неверующих язычников преследования более тяжкие и частые. Каждодневно исполнялось Слово Господне: «Вот Я посылаю вас, как овец среди волков». (2) Но та лоза, которая по всему миру раскинула свои плодоносные ветви, — как и было о ней предсказано у пророков и предвозвещено Самим Господом, — разрасталась тем шире, чем щедрее поливала ее кровь мучеников. По всем землям в бесчисленном количестве умирали они за истинную веру, и цари-преследователи отступали, познали Христа и склонились перед Ним: сломана у гордыни выя ее.

(3) Надлежало, однако, как и было предречено Господом, эту самую лозу подчищать и удалять бесплодные побеги: еретиков и раскольников, которые появились по местам и, прикрываясь Христовым именем, начали искать славы не Ему, а себе самим. Сопrotивляясь им, Церковь все больше и больше крепла; испытаны были и прославлены Ее учение и терпимость.

(4) Обо всем этом, заранее предсказанном, мы читали, а уже совершившиеся и сами видели. Первые христиане, которые не знали, что произойдет, подвигнуты были к вере чудесами; нас наставляет в вере то, что все исполнилось так, как об этом мы читаем в книгах, написанных задолго до того, как этому исполнится; там предсказано грядущее, и уже видится настоящее. Поэтому выдержим и то, что остается, и, утвердившись в Господе, без колебания уверуем в то, что придет. (5) В том же Писании читаем мы о будущем смятении и о последнем дне — дне Суда, когда все граждане тех двух градов воскреснут в своих прежних телах и перед Судьей — Христом отдадут отчет в своей жизни. (6) Придет Прославленным Властителем Тот, Кто удостоил прийти раньше уничтоженным Человеком, и отделит всех благочестивых от нечестивцев, не только от тех, кто вовсе не захотел поверить в Него, но и от тех, чья вера была пустой и бесплодной; одним Он даст вечно царствовать с Собой, другим вечно мучиться с дьяволом. (7) И как нет радости от чего-либо временного, которая хотя в чем-то могла бы оказаться сходной с радостью вечной жизни, которую получают святые, так и никакие земные мучения и пытки не могут сравниться с вечными мучениями беззаконников.

(1) Итак, брат, укрепись в имени Того, в Кого ты веруешь, и с Его помощью иди против тех, кто языком своим осмеивает вашу веру, через кого совращающие речи произносит диавол, больше всего желающий осмеять веру в Воскресение.

(2) Вглядись в себя самого — и ты поверишь, что будешь жить, как и жил тогда, когда еще не появился на свет; что ты живешь теперь, ты это видишь. Где была вся масса твоего тела, твой облик, крепко соединенные с телом члены за несколько лет до твоего рождения, даже до того времени, как ты был зачат в материнском чреве, — где было твое тело с его весом и ростом? разве оно вышло на свет не из скрытых тайников творения, невидимо образованное Господом Богом и достигшее с течением лет этой величины и вида? (3) Трудно ли Богу, который сразу собирает откуда-то громады туч и в одно мгновение затягивает небо, придать размеры твоему уже существовавшему телу, если Он мог создать его — не существующее? (4) Верь же глубоко и непоколебимо, что все, что как будто гибнет и исчезает с глаз человеческих, оказывается целым и невредимым у Всемогущего Бога; Он восстановит это, когда захочет, без промедления и труда — по крайней мере то, что сочтет, по справедливости Своей, необходимым восстановить. Люди отдадут отчет в поступках своих, находясь в тех самых телах, в которых их совершали, и заслужат за дела благочестия изменения этих тел, — они станут нетленными — или же останутся за дела беззакония в состоянии тленности, но такой, что смерть ее не сможет разрушить, а только предоставит материал для вечных страданий³⁰. (5) Итак, твердо веруя и сохраняя добрую нравственность, постарайся, брат, постарайся избегнуть этих мучений — мучители там всегда есть, умученные не умирают; смерть для них длится вечно, они не могут умереть в пытках. (6) Загорись любовью к вечной жизни святых и тоской по ней; там деятельность не утомляет, а покой не расслабляет; не пресыщает чистая хвала Богу, душа не знает тоски, тело — боли; нет ни в чем нужды — ни своей собственной, от которой захочешь избавиться, ни у ближнего, которого поспешишь от нее избавить. О Боге радуется Святой Град, в Нем живет мудро и блаженно. (7) Осуществим же то, на что надеемся и чего ожидаем (это и обещано Им): равные ангелам Божиим, одинаково с ними, видением радостно познаем Троицу, Которую ныне знаем верой. Мы верим в то, чего не видим, чтобы подвигом веры удостоиться увидеть то, во что верим, и прилепиться к этому, дабы уже не говорить о вере, не оглашать воздух гулом слов о равенстве Отца и Сына и Святого Духа, о единстве Троицы, о том, как Бог Един в этих Трех, а в чистом огненном созерцании молча впитывать в себя это знание.

(1) Крепко держи это в сердце своем и моли Бога, в Которого ты веришь, чтобы Он защитил тебя от искушений диавольских; внимательно следи, чтобы откуда-нибудь не подполз к тебе этот враг: злобно утешается он, осужденный, разыскивая таких, кого бы осудили вместе с ним. (2) Не только через тех, кто ненавидит имя христиан, кто скорбит, что имя это распространилось по всему свету, и кто до сих пор хочет служить идолам и демонским тайнам, — осмеливается он искушать христиан; через тех, кого мы недавно упоминали, через отрезанных от Церкви, как от подчищенной лозы, так называемых еретиков и раскольников, пытается он иногда это делать. (3) Иногда пытается тоже искушить и увести через иудеев.

(4) Но больше всего надо остерегаться соблазна и разочарования от людей, которые находятся в самой Православной Церкви и которых Она терпит, как мякину, пока не придет время веять. (5) Господь терпелив к ним: их развращенностью Он укрепляет веру и разум избранных Своих. А кроме того, многие из их числа исправляются: стремясь угодить Богу, скорбя о душах своих, обращаются в страстном порыве они к Нему. (6) Не все пользуются терпением Божиим, чтобы собирать на себя гнев ко дню гнева и праведного Его Суда: многих это терпение Всемогущего приводит к такой спасительной покаянной скорби! А пока это случится, Господь — через них — упражняет тех, кто идет уже верным путем, не только в терпимости, но и в милосердии. (7) Ты увидишь много пьяниц, скупцов, обманщиков, игроков, прелюбодеев, развратников; людей, носящих кошунственные амулеты, увлесающихся нечестивым искусством чародеев, гадателей. Ты заметишь, что в дни христианских праздников церкви наполняют те же толпы, которые в дни языческих торжеств наполняют театры. И, видя это, ты почувствуешь соблазнительное желание поступать как они. (8) Ты увидишь и то, о чем я тебе сказал, и то, о чем ты, конечно, уже знал: ты ведь знаешь многих, которые называются христианами и творят все то злое, что я вкратце упомянул. И может быть, тебе известно, что люди, которые, как ты знаешь, называются христианами, совершают преступления и более тяжкие. (9) Но если ты пришел с таким расчетом, что теперь ты спокойно можешь делать то же самое, то ты очень ошибаешься: имя Христа не поможет тебе, когда так строго начнет судить Тот, Кто удостоивал нас раньше такой милостивой помощи. Он заранее сказал об этом в Евангелии: «Не каждый, кто говорит Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но тот, кто творит волю Отца Моего. Многие скажут Мне в тот день: «Господи, во имя Твое мы ели и пили». Для всех, упрямо предающихся такой жизни, концом будет осуждение. (10) Поэтому, когда ты увидишь, что

многие не только живут так, но и защищают такую жизнь и склоняют к ней, держись за Божий Закон и не следуй за идущими кривым путем. Ты будешь судим не по их разумению, но по Его правде.

35

(1) Ступай к хорошим людям, которые, как ты увидишь, любят вместе с тобой Царя твоего. Ты найдешь много таких, если и сам начнешь становиться таким, как они. И если на зрелищах ты хотел сидеть и быть вместе с людьми, которые любовались тем же возницей, охотником или актером, что и ты, то насколько же тебе должно быть приятнее общение с теми, кто вместе с тобой любит Бога, — эта любовь никогда не заставит покраснеть, ибо не только Его нельзя победить, но и тех, кто Его любит, Он делает непобедимыми³¹. (2) Ты не должен, однако, возлагать надежд на хороших людей, которые или идут впереди тебя, или сопутствуют тебе на пути к Богу; не должен и на самого себя, как бы ты ни преуспел; возложи их на Того, Кто сделал этих людей такими, чтобы они показали тебе правый путь. Будь уверен в Боге: Он не изменяется; никто разумный в человеке не уверен. (3) Но если и тех, кто еще неправеден, мы должны любить — да станут праведны, то какой же горячей любви заслуживают уже ставшие праведными. Но одно — любить человека, а другое — надеяться на него; разница велика: одно Бог велит, другое запрещает.

(4) Если, претерпев обиды и притеснения за имя Христово, ты не отпадешь от веры и не свернешь с правого пути, получишь большую награду; те, кто в таких обстоятельствах уступят диаволу, потеряют и малую. (5) Смирись перед Господом: да не позволит Он искушать тебя сверх сил.

36

(1) Окончив эту речь, спроси: верит ли он в это и желает ли соблюдать. Когда он ответит утвердительно, торжественно ознаменуй его крестом и обращай с ним по обычаям Царства.

(2) Хорошенько растолкуй ему значение таинства, которое он принимает; следует благоговейно чтить то невидимое, что скрывается под видимыми знаками священнодействия; нельзя ставить стихию, освященную благословением, в один ряд с водой, употребляемой в быту; объясни значение проповеди, которую он слышал, чем она увлекает, чему уподобляется все таинство.

(3) Убеждай его по этому случаю, что если он услышит в Писании нечто, звучащее по-плотски, то пусть он, хотя бы и не понимая, верит, что тут вложен некий духовный смысл, имеющий в виду будущую жизнь и добрую нравственность. Он таким об-

разом заучит вкратце следующее: он должен верить, что в канонических книгах все, чего нельзя связать с любовью к вечности, истине и святости и с любовью к ближнему, сказано или совершенно прообразовательно: пусть он старается понять все таким образом, чтобы связать это с заповедью о той и другой любви. (4) Пусть, конечно, он понимает под ближним не находящегося вблизи, но всякого, кто может оказаться вместе с ним в этом святом граде — уже в нем находящегося или еще не появившегося: пусть не отчаивается в исправлении того, кого терпение Божие оставляет жить только затем, чтобы, по словам апостола, довести его до покаяния.

37

(1) Если тебе кажется длинной эта речь, которой я наставлял как бы находящегося передо мной ничего не знающего человека, то можешь сократить ее; говорить распространеннее, по-моему, не следует. Тут, впрочем, есть большая разница: чего требует от тебя самая тема твоей речи и что твоя аудитория не просто выслушает, а что она явно хочет послушать. Если же надо торопиться, то смотри — как легко все можно объяснить. (2) Допустим, пришел человек, желающий стать христианином; на твой вопрос он ответил, как и выше упомянутый. Если он ответит не так, скажи ему, что он должен отвечать. А затем продолжай таким образом.

38

(1) Да, брат, велико то истинное блаженство, которое обещано святым в будущем веке. Все видимое пройдет, вся пышность этого мира, его удовольствия и диковинки погибнут и увлекут за собой в погибель своих поклонников. (2) От этой гибели, т.е. от вечных мук, милосердный Господь пожелал освободить людей — если они не будут себе врагами и не станут противиться своему милосердному Создателю — и послал Своего Единородного Сына, т.е. Слово Свое, равное Отцу, через Которого создал все. (3) Оставаясь Богом, не отходя от Отца, ни в чем не изменяясь, Он стал человеком и пришел к людям, являясь в смертной плоти. И как через одного, первого, человека, т.е. Адама, смерть вошла в род человеческий, ибо Адам послушался жены своей, соблазненной диаволом, да преступят заповедь Божию, — так и через одного Человека, который в то же время есть Бог и Сын Божий, через Иисуса Христа уничтожены все прежние грехи, и верующие в Него вступят в жизнь вечную.

(4) Все то, что ты видишь теперь в Церкви Божией и что, под именем Христа, творится по всему свету, предсказано было до века: мы видим то, о чем читаем, и тем самым наставля-

емся в вере. (5) Некогда был по всей земле потоп, и грешники погибли; те же, кто уцелели в ковчеге, явили прообраз будущей Церкви, которая плывет сейчас по бурному морю житейскому и спасается от потопления древом — Крестом Христовым. (6) Предсказано было Аврааму, верному рабу Божию, что от него, от одного человека, произойдет целый народ, который будет чтить Единого Бога; прочие племена чтили идолов. Все, что произойдет с этим народом, было предсказано, и так и случилось, как было предсказано. (7) Возвещено было, что к этому народу придет Христос, Царь и Бог всех святых. Он произойдет от семени самого Авраама, по плоти, которую примет, чтобы сынами Авраама стали все, кому Авраам был примером веры. Так и сбылось: Христос родился от Девы Марии, происшедшей из этого рода³². (8) Предсказано пророками, что Он пострадает на кресте от того же народа иудейского, из которого и пришел по плоти, — так и сбылось. Предсказано, что он воскреснет — Он воскрес; согласно предсказаниям пророков взойшел на небеса и ученикам своим послал Духа Святого. (9) Предсказано не только пророками, но и Самим Господом Иисусом Христом, что Церковь Его, насаждаемая свидетельством и мучениями святых, распространится по всему свету, — предсказано тогда, когда имя Его было скрыто от людей и когда, уже известное, было осмеяно, и однако весть о чудесах, совершенных Им Самим или Им через рабов Своих, расходилась, и появлялись верующие. Мы видим, что это было предсказано и исполнилось. Сами цари земные, преследовавшие раньше христиан, покорились имени Христову. (10) Предсказано также, что из Церкви Его выйдут расколы и ереси, которые, где только смогут, прикрываясь Его именем, будут искать славы себе, а не Христу. И это исполнилось.

(11) И разве то, что осталось, не придет? Ясно ведь, что если все произошло так, как было предсказано, то так же произойдет и то, что предсказано для будущего: праведников еще ждут бедствия; еще не пришел день Суда, когда отделены будут по воскресению мертвых беззаконники от праведников — и не только стоящие вне Церкви, но и мякина в самой Церкви, которую надлежит терпеть и терпеть, пока не придет срок последнего веяния и она не будет по заслугам отмечена для огня. (12) Те же, кто смеется над воскресением, думая, что не может воскреснуть эта сгнившая плоть, в ней и понесут наказание, воскресши. Господь покажет им, что Тот, Кто смог создать тела, раньше не существовавшие, может в один миг восстановить их в том виде, в каком они были. (13) Верные же все, которые будут царствовать с Христом, воскреснут в том же самом своем теле, но, по заслугам их, оно изменится и приобретет нетленность, как у ангелов; да станут равны ангелам Божиим, как обещал сам Господь, да восхваляют Его непорочно и радостно, всегда живя в Нем и о Нем, в такой радости и блаженстве, ко-

торые человек не может ни выразить словом, ни представить себе.

39

(1) Итак, уверовав в это, остерегайся искушений (диавол ведь ищет, кого погубить с собой): пусть этот враг не совратит тебя не только через тех, кто вне Церкви — язычников ли, иудеев или еретиков, но ты увидишь и членов Православной Церкви, которые плохо живут: преданных чревоугодию и гортанобесию; бесстыдников, увлеченных любопытством к пустому или запретному; любителей зрелищ; пользующихся диавольскими гаданиями и снадобьями; живущих в роскоши; надменных богатством и гордостью, — вообще увидишь людей, ведущих жизнь, которую Закон осуждает и наказывает: не подражай им. Общайся с хорошими людьми, которых ты легко найдешь, если сам станешь таким: вместе любите и почитайте Бога бескорыстно, ибо вся награда наша в Нем Самом, как и в той жизни, доброй и прекрасной, которой будем наслаждаться. (2) Его любить надо не так, как любишь то, что видишь глазом, а так, как любят мудрость, истину, святость, справедливость, любовь и другие такие же качества, только не людские, а исходящие из самого источника мудрости, не знающей ущерба и перемены. Общайся с людьми, которые это любят, чтобы через Христа, Который стал Человеком, дабы быть посредником между Богом и людьми, примириться тебе с Богом. (3) И не думай, что если люди развращенные входят в здания храмов, то они войдут и в Царство Небесное; в свое время они будут отделены, если не переменятся к лучшему. (4) Людям хорошим подражай, плохих терпи, всех люби: ты ведь не знаешь, каким станет завтра тот, кто сегодня плох. Люби не их неправду: люби их самих, чтобы они постигли правду: нам ведь предписана не только любовь к Богу, но и любовь к ближнему — в этих двух заповедях весь Закон и пророки. (5) Его может исполнить только тот, кто примет в дар Духа Святого, равного Отцу и Сыну, ибо Бог Троичен, и на Бога надо возлагать всю надежду. На человека, каков бы он ни был, нельзя ее возлагать. Одно — Тот, Кем мы оправданы, и другое — те, с кем вместе мы оправданы.

(6) Диавол искушает не только желаниями, но и страхом унижений, боли и самой смерти. Что бы человек ни перенес за имя Христово в чаянии жизни вечной — если он устоит в терпении, дана ему будет великая награда; если уступит диаволу, будет осужден вместе с ним. (7) Но по делам милосердия благочестивые и смиренные люди получают от Бога милость: да не позволит Он искушать рабов Своих сверх их сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Deogratias («Богу благодарение»: характерные для Африки имена, в которые всегда входит слово «Бог»: Quodvultdeus, «что хочет Бог» — имя одного карфагенского епископа, Adeodatus, «данный Богом» — сын Августина) был впоследствии епископом в Карфагене.

2 Rudes — те, кто ничего не знает о христианстве и которых надо catechizare, «огласить» — ввести в ряды «оглашенных».

3 Любопытная подробность: катехизатор обязан был заняться даже с одним человеком, не ожидая, чтобы собралось много желающих креститься. Послушать его, однако, могли все желающие.

4 Complexum — compellere.

5 Августин любил метафоры. Писание представляется ему сокровищницей, из которой раздают слово Божие «казначей» (dispensatores) — рабы или отпущенники, ведавшие деньгами, своего рода «министры финансов» в каждом хозяйстве.

6 Августин умел быть «всем для всех». Скромный диакон должен был, конечно, утешиться, услышав, что знаменитый епископ, уже признанный глава Западной Церкви, тоже недоволен своими проповедями.

7 *Сенека*. Dial. III (de ira), I. 1. 4: «глаза горят и мигают, все лицо багровеет от прилившей от сердца крови; губы дрожат, зубы стиснуты, волосы стоят дыбом; с трудом вырывается свистящее дыхание».

8 Августин считал проповедь одной из важнейших своих обязанностей и никогда не упускал случая ее произнести.

9 Блаженный Августин отводит пять периодов на время до пришествия Христа, шестой — после Его пришествия, в котором живут и будут жить люди до наступления седьмого периода, когда после Страшного суда отделены будут праведники от грешников, каждый получит по делам своим, и наступит «суббота суббот».

10 Августин имеет в виду евреев.

11 В своем отношении к дружбе Августин был истинно античным человеком: у него был культ ее, он умел «быть другом для друга» и умел собрать вокруг себя людей, которые до конца дней своих оставались ему друзьями.

12 «Судящего — грешащего»: iudicante — peccante. Августин любил эти риторские фиоритуры, особенно ассонансы и даже рифмы. При переводе мы старались сохранить их.

13 Longe peregrinantem: «пошел в дальнюю страну». Лк. 15, 13 (притча о блудном сыне).

14 Августин имеет в виду человека, пришедшего с желанием не креститься, а поспорить о вере.

15 Вера в вещи сны и предзнаменования была широко распространена в Африке и среди христиан, и среди язычников. В «Исповеди» Августин рассказывает о вещем сне своей матери. Исп. 3. 11.

16 Учителя грамматической («средней») школы, преподаватели литературы.

17 Мф. 3:12; Лк. 3:17.

18 Разумеются приворотные зелья.

19 Люди, составлявшие страшные заклинания, которыми обеспечивали себе успех, а врагу гибель. Несколько свинцовых табличек с такими заклинаниями были найдены и в Африке, и в Италии.

20 См. 13-ю книгу «Исповеди».

21 Риторская школа — в античности это то же, что для нас университет. Философией в этих школах не занимались; основательное знакомство с ней и имел в виду Августин, говоря о людях, «размышляющих о высоком». Риторика в те времена пользовалась большим уважением; будучи сам блистательным ритором, Августин хорошо видел недостатки риторских школ и неоднократно на них указывал.

22 Ср. «Исповедь», 1. 18. 29: «если человек... произнесет слово *homo* без придыхания..., то люди возмутятся больше, чем если вопреки заповедям Твоим он, человек, будет ненавидеть человека».

23 Писание, за которое Августин взялся после Цицерона, «показалось мне недостойным даже сравнения с Цицероном. Моя кичливость не мирилась с его простотой...». Исповедь 3. 5.

24 Августин настаивал на символическом толковании Ветхого Завета.

25 Ср. «Исповедь» 5. 6. 10: «Я выучил у Тебя, что красноречивые высказывания не должны казаться истиной потому, что они красноречивы, а нескладные... лживы, потому что они нескладны...»

26 Древние писали, не отделяя слова одно от другого. Для того чтобы их правильно разделять, требовалась известная культура и навык. Поэтому в школе учитель предварительно сам читал текст, заданный ученикам, а они, следя за ним, разделяли слова в своих экземплярах.

27 Имеются в виду церковные неурядицы, обозначаемые им обычно словом *scandalum*.

28 В подлиннике «курица покрывает цыплят истомленными перьями» (*longitudinis plumis*) — обычная *spalage*, когда определение переносится с предмета, им точно определяемого, на какую-то особенность этого предмета: не *ira fulvi leonis*, «гнев рыжего льва», а *ira fulva leonis*, «рыжий гнев льва». В данном случае определение перенесено с курицы на ее перья; по-русски «истомленные перья» не скажешь, но эти «истомленные перья» свидетельствуют об удивительной наблюдательности Блаженного Августина: перья наседки, помятые, грязные, кое-где надорванные имеют действительно вид «истомленный».

29 Исаия 40, 14—31.

30 1 Петр. 1:24; Исаия 40:6—8.

31 Августина интересовала психология толпы; о «психической заразе», распространяющейся с быстротой и неотвратимостью чумной заразы, он говорит и в «Исповеди»: его участие в краже груш, совершенной группой сорванцов, к которой принадлежал и он («один я не сделал бы этого»); поведение его друга Алипия в амфитеатре, куда его, сопротивляющегося, силой затащили товарищи. Здесь он в нескольких строчках дал превосходную картину этой заразы. Кого из гладиаторов называли синтами, неизвестно. Гладиаторов обычно различали по их вооружению. Среди разных видов гладиаторов, известных по изображениям и упоминаемых в литературных памятниках, синтов называет только Августин. Может быть, их вооружение и одежда были местными, специфически «африканскими».

32 Манихеи — считали, что Христос не мог быть «запятнан плотью», которая, по их представлениям, была зло. Августин, бывший сам довольно долго манихеем, не упускал случая опровергнуть их заблуждения.

ПРОПОВЕДЬ 59. О МОЛИТВЕ ГОСПОДНЕЙ*

I

Вы прочли наизусть, во что должны веровать, вы услышали, чего должны просить в молитве. Так как невозможно было призвать Того, в Кого не уверовали, по слову апостола, «как призывать Того, в Кого не уверовали» (*Рим 10:14*), вы прежде выучили *Символ*, где содержится правило веры, одновременно краткое и великое: краткое по числу слов, драгоценное по весомости содержания. А молитва, которую вам сегодня было поручено запомнить и прочесть наизусть на восьмой день, как вы уже слышали при чтении Евангелия, Самим Господом была передана Его ученикам и от них дошла до нас, «ибо по всей земле проходит звук их» (*Пс 18:5*).

II

Итак, не привязывайтесь к земному, обрета Отца, сущего на Небесах. Ведь вы должны будете сказать: «Отче наш, Иже еси на Небесах». Поистине, к великому роду вы вознамерились присоединиться. У этого Отца братьями являются богатый и бедный, у этого Отца братьями являются господин и раб, у этого Отца братьями являются полководец и простой воин. На земле все верующие христиане имеют различных отцов, одни знатных, другие нет, призывают же Единого Отца, Который на Небесах. Если на Небе наш Отец, то и наследство нам уготовливается на Небе. Ведь Отец наш таков, что дарует нам в совместное с Ним владение [то, что Сам имеет]. И действительно, Он дает нам наследство, но не так [как обычно бывает, когда человек] умирая, нам что-либо оставляет. Ибо Он не уходит, чтобы мы унаследовали, но пребывает, чтобы мы присоединились. Теперь, когда мы узнали, у Кого просим, следует узнать, и чего просить, да не оскорбим Такого Отца дурным прошением.

* Пер. М.Козлова. Приводится по изданию: Патристика. Новые переводы, статьи /Под. ред. М.Журинской. Н.-Новгород, 2001. С. 114—119.

III

Итак, чего Господь Иисус [Христос] научил нас испрашивать у Отца, сущего на Небесах? — «Да святится имя Твое». Какое же благодеяние мы испрашиваем у Бога, говоря: «Да святится имя Твое»? Ведь не может случиться так, чтобы имя Его не было свято. Имя Божие всегда свято; стало быть, не потому ли мы просим: «Да святится», как не для того, чтобы нам самим через Него освятиться? Мы молим, чтобы то, что всегда свято, святилось и в нас. Будет и в вас святиться имя Божие, когда примете Крещение, но и после Крещения будете молить об этом, дабы то, что приняли, в вас пребывало.

IV

Следует затем второе прошение: «Да придет Царствие Твое». Будем мы просить или не будем, Царствие Божие придет; стало быть, не потому ли мы просим, как с той целью, чтобы и для нас пришло [Царство], которое придет для всех святых, чтобы причислил и нас Бог к числу святых, для которых придет Его Царство?

V

В третьем прошении мы говорим: «Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли» О чем тут речь? Подобно тому как ангелы служат Тебе на Небе, так и мы да послужим Тебе на земле. Святые ангелы, любя Бога, повинуются Ему, не прегрешают перед Ним, исполняют Его повеления. Следовательно, мы молимся о том, чтобы и мы смогли в любви исполнять заповеди Божии. Слова: «Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли» — могут быть поняты и по-другому. Небо в нас — душа, земля в нас — тело. Как тогда [истолковать]: «Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли»? Как мы вняли Твоим заповедям, так пусть будет нам послушна плоть наша, дабы из-за раздора между плотью и духом мы не оказались менее усердными в исполнении Божиих заповедей. Однако, дражайшие, когда плоть желает противного духу, как земля Небу, тогда пусть и дух возжелает противного плоти, дабы не возобладала земля над Небом. И если мы не можем упразднить этого несогласия, то откажем [плоти] в согласии.

Слова: «Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли» понимаются еще и так: Небо — это верующие, которые облеклись в образ небесного человека, то есть Христа. Неверующие же, носящие образ земного человека, называются землей. Поэтому, говоря: «Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли», мы молим нашего Благого Отца: как уверовали в Тебя верующие, так и неверующие да уверуют. Тем самым мы учимся молиться за врагов наших.

VI

Ниже в молитве следует: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Просим ли мы у Отца потребное для тела пропитание, обозначая хлебом все необходимое, или понимаем под насущным хлебом тот, который вы примете из алтаря, правильным будет говорить: «Даждь нам днесь», то есть в настоящее время.

Хлеб необходим в сем веке, когда нам свойственно алкать. Когда же наступит иная жизнь и умолкнет голод, будет ли у нас нужда просить хлеб? А если иметь в виду хлеб, который, как я сказал, мы принимаем из алтаря, то опять же хорошо молиться, чтобы Бог его нам дал. Ведь о чем нам молить, как не о том, чтобы не допускать в себе всего того зла, которое отделяет нас от сего [святого] хлеба?

Хлебом является и ежедневно возглашаемое Слово Божие.

Ибо не являясь хлебом для желудка, не есть ли оно хлеб для души? Когда же пройдет эта жизнь, мы не будем искать хлеба, которого ищет голод; не будет нужды принимать таинство алтаря, ибо станем едины со Христом, Чье Тело ныне принимаем; не потребуются, чтобы говорились слова, которые мы теперь говорим вам, и чтобы читался кодекс [Священного Писания], ибо мы увидим Того, Который является Словом Божиим, Которым «все начало быть» (*Ин 1:3*), Которым окормляются, просвещаются, умудряются ангелы, не взыскующие слов уклончивой речи, но пьющие Единое Слово, от избытка восклицающие похвалы и не оскудевающие в славословиях. Блаженны живущие в доме Твоём, они непрестанно будут восхвалять Тебя (*Ис 83:5*), — говорит псалмопевец.

VII

К настоящей жизни относится и следующее прошение: «Остави нам долги наша». В Крещении все ваши долги, то есть прегрешения, вам отпускаются, совершенно все. Но так как никто не может прожить здесь без греха, — ведь никто не может прожить на этой земле если не без большого греха, из-за которого отсекаемся от [святого] хлеба, то вообще без прегрешений, а Крещение мы можем принять единожды, — то нам и дана эта молитва как источник ежедневного очищения, так что нам ежедневно отпускаются грехи, но только если исполняем, что затем следует [в молитве]: «якоже и мы оставляем должником нашим».

Итак, братья мои, предупреждаю вас: вы будете детьми Бога, а не какого-то великого человека. Разве начальник провинции соизволит усыновить кого-либо из вас? А Божия благодать всех делает Его детьми.

Вы будете произносить эту молитву ежедневно после Крещения, и даже главным образом после Крещения. Собственно молиться этой молитвой до Крещения вы и не будете: до восьмого

дня это будет чтение наизусть, а не молитва; будете ею молиться после Крещения, ибо кто же может говорить «Отче наш», не будучи рожден?

Итак, поскольку вы будете произносить эту молитву ежедневно, убеждаю вас, по Божией благодати сыновей моих, а по Отцу [Небесному] братьев моих: когда кто-либо оскорбит вас или прегрешит против вас, а [затем] придет, исповедует свой грех и испросит у вас прощения, тотчас от всего сердца отпустите ему, дабы не удалиться вам от нисходящей от Бога милости. Ведь если вы не отпускаете, то и Он не отпустит вам. Смотрите, что говорит вам Бог: «Справедливо [именно] у Меня вы просите прощения, ибо Я согрешать не могу. И вот когда во Мне нельзя найти никакого греха, Я прощаю, вы же простить не желаете. Хорошо, Я уступаю, не прощайте. Но тогда живите так, чтобы Я не обрел в вас ничего заслуживающего наказания».

Бог разрешает тебе воздать человеку, который тебя оскорбляет, но просит милости. Тот был врагом, но, испрашивая прощения, разрушает вражду. «Нет, — говоришь ты, — желаю отомстить». Остерегись, как бы в тебе самом не нашлось основания для мести; ты ли, человек, пребывающий во грехе, хочешь, чтобы был наказан грех? Смотри, как бы не наказал тебя Тот, в Ком нельзя найти греха.

Таким образом, это прощение относится к теперешней жизни, ибо грехи где совершаются, там и отпускаются; в иной жизни они за неимением отпущаться не будут.

VIII

После того мы молимся, говоря: «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Тот впадает в искушение, кто сочувствует искушителю. И действительно, в теперешней жизни полезно быть искушаемым, но не полезно впадать во искушение. Когда тебя искушают, стремясь соблазнить деньгами на какой-либо дурной поступок, ты искушаем, но [именно как человек] честный. И если не дашь согласия, будешь найден невинным. Советую тебе: осуди [в душе] сребролюбие — и деньги не соблазнят тебя. Затвори дверь перед искушением и задвинь засов — любовь Божию. А сделать это возможно лишь с помощью Того, Кого призываем в молитве. Люди искушаются различными способами: одни искушаются посулами, другие — угрозами; чтобы тот, кого не удалось совратить посредством соблазна, был соvrрачен посредством устрашения. Но человек, который укрепляется в Боге и на устах которого Бог слышит слова: «не введи нас во искушение», побеждает дурные пристрастия, побеждает пустые страхи.

Опять же просить: «не введи нас во искушение» — необходимо в сей жизни, ибо здесь суть искушения; равно и: «избави нас от лукавого», ибо здесь есть лукавый.

IX

Таким образом, всего прошений семь: три относятся к жизни вечной, четыре — к жизни нынешней.

«Да святится имя Твое» — всегда будет.

«Да придет Царствие Твое» — вечным будет это Царство.

«Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли» — всегда будет.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь» — не всегда будет.

«Остави нам долги наша» — не всегда будет.

«Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» — не всегда будет; но где есть искушение и где есть лукавый, там необходимо это прошение.

Молитва Господня побуждает вас к тому, чтобы вы не только учились просить желаемого у Бога Отца, сущего на Небесах, но и учились желать должного. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ 258. СЛОВО В ДЕНЬ ГОСПОДЕНЬ*

Воспев Богу: «Сей день, который сотворил Господь» (*Пс 117:24*)¹, скажем, что даст нам Господь [сказать на эту тему].

Этими пророческими словами Священное Писание стремится возвысить наш ум до понимания истинного смысла этого события. День Господень — это не тот обыкновенный день, зримый только очами плоти, не тот, который начинается с восходом и кончается с заходом, но который увидел восход, захода же не имеет!

В псалме сказано: «Камень, который отвергли строители, тот самый соделался главою угла; от Господа соделался и дивен в очах наших» (*Пс 117:22–23*). И затем следует продолжение: «Сей день, который сотворил Господь» (*Пс 117:24*). Почему? Начало этого дня возьмем от краеугольного камня. Кто является краеугольным камнем, который отвергли строители? Сам Господь Иисус Христос, ибо сведущие в Законе иудейские книжники отвергли Его, говоря: «Не от Бога Сей, Который нарушил субботу» (*Ин 9:16*). Вот сказали вы, книжники иудейские: не от Бога Сей, Который нарушил субботу, и отвергли Того, Кто соделался во главу угла.

Каким же образом Христос стал во главу угла? Почему Он назван краеугольным камнем? Потому что всякий угол соединяет две различные стены. Пришли апостолы из рода иудейского, пришли через обрезание. Пришли вместе с ними и те толпы, которые сопровождали Господа, шествующего на осленке, восклицая словами нашего сегодняшнего псалма: «Благословен грядущий во имя Господне!» (*Пс 117:26*). Пришли оттуда и многие Церкви, о которых говорит апостол Павел: «Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру <...> и прославляли за меня Бога» (*Гал 1:22–24*). Все они были иудеями, но последовали за Христом подобно апостолам, пришли, поверили Христу — и образовали одну стену.

* Пер. М.Козлова. Приводится по изданию: Патристика. Новые переводы, статьи /Под. ред. М.Журинской. Н.-Новгород, 2001. С. 119–125.

¹ Цитаты даны по латинскому переводу Библии. — Пер.

Оставалась другая стена. Ее составила Церковь язычников. И они, эти две Церкви, обрели друг друга, обрели, соединились во Христе, краеугольном камне, ибо Он есть мир наш, «соделавший из обоих одно и разрушивший стоящую посреди преграду» (Еф 2:14). Поэтому в псалме дальше следуют слова: «Сей есть день, который сотворил Господь» (Пс 117:24). Под этим днем в целом духовно понимаем единство Главы и Тела: «Глава Церкви — Христос, Тело Христово — Церковь» (Еф 1:22—23).

«Сей день, который сотворил Господь» (Пс 117:24).

Вспомните изначальное состояние мира: «тьма была над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет <...> И отделил Бог свет от тьмы, и назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт 2:2—5). Подумайте о тьме, в которой находились новокрещенные до того, как пришли к отпущению грехов. Они были — тьма над бездною до того, как прощенья были грехи их, но Дух Божий носился над водою. Они погрузились в воды [Крещения], над водами носился Дух Божий, разогнана была тьма греховная. И вот теперь они — тот день, который сотворил Господь. К ним, новокрещенным, как к ново-созданному дню, обращается апостол: «Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе» (Еф 5:8). Разве сказал он: вы были тьма в Господе? Нет. Тьма — в вас, свет — в Господе. Но Бог назвал свет днем, и вот благодатью Божией день есть то, что есть. Сами по себе они могли лишь оставаться тьмой, стать же светом не могли, если бы не сотворил того Господь. И вот они день, который сотворил Господь: не сам день соделался, но Господь его сотворил.

Разве не обычным человеком был Фома, один из учеников, почти человек из толпы? Говорили ему соученики: мы видели Господа. Но он сказал: «Если не коснусь, если не вложу перста моего в ребра Его, не поверю» (Ин 20:25). Евангелисты тебе возвещают, Фома, им ли ты не веришь? Мир поверил, ученик ли не верит? Ведь сказано пророчески о евангелистах: «По всей земле проходит звук их и до пределов вселенной слова их» (Пс 18:5). Благовестие их достигает даже пределов земли, верит весь мир, все ученики возвещают одному — а он не верит. Почему? Ибо не был он еще тем днем, который сотворил Господь. Все еще тьма была над бездною — во глубине сердца человеческого, там была тьма. Поэтому да придет Господь, да придет Глава сегодня, и скажет терпеливый, снисходительный, не имеющий гнева Целитель: «Приди, приди, коснись и веруй. Ты, Фома, сказал: «Если не коснусь, если не вложу перста, не уверую». — Приди, коснись, вложи перст и не будь неверующим, но верующим» (Ин 20:27). Приди, вложи перст. Зная раны твоей души, Я сохранил для тебя Свои раны». И вот, явно вложив руку [в язвы Господни], Фома обрел полноту веры. В чем же она заключается? В том, чтобы веровать, что Христос есть не только человек или только Бог, но человек и Бог вместе. Такова полнота веры, ибо

«Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин 1:14). И вот этот ученик, которому Спаситель позволил коснуться ран Своего Тела, когда коснулся, воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» (Ин 20:28). Он коснулся человека, но познал Бога. Он коснулся плоти, но узрел Слово, ибо «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин 1:14).

Это Слово претерпело, чтобы плоть Его на древе была повешена.

Это Слово претерпело, чтобы в плоть Его гвозди вбивались.

Это Слово претерпело, чтобы плоть Его копьем была пронзена.

Это Слово претерпело, чтобы плоть Его во гробе была положена.

Это Слово воскресило плоть Свою, сохранило ее неврежденной для взоров учеников, позволило дотронуться до нее руками.

Они касаются, они восклицают: Господь мой и Бог мой! Сей день, который сотворил Господь!

ПРОПОВЕДЬ ГВЕЛЬФЕРБИТОНСКАЯ 3. О СТРАДАНИЯХ ГОСПОДА*

I

Страдания Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа суть залог славы и учение терпения. И действительно, почему не могут надеяться на благодать Божию сердца верных, ради которых Единственный Сын Божий, совечный Отцу, счел малым только родиться Человеком от человека, но и умер от рук людей, которых Сам создал? Велико то, что по обетованию Господа должно совершиться с нами, но значительно более велико то, что — вспоминаем мы вновь и вновь — уже ради нас было совершено. Когда Христос умер за нечестивых (см. Рим 5:6), где они были и кем они были? Кто усомнится, что дарует Свою жизнь святым Тот, Кто уже даровал им Свою смерть? Почему человеческая тленность медлит уверовать, что люди некогда будут жить с Богом? Куда более невероятное уже совершилось: Бог умер за людей. Ведь Христос и есть Слово, [о Котором сказано]: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1:1). Это Слово Божие «стало плотью, и обитало с нами» (Ин 1:14). Ибо Оно не могло умереть за нас, не восприняв от нас смертную плоть.

Так Бессмертный смог умереть, так Он жизнь пожелал даровать смертным, намереваясь сделать причастниками Себе тех, кому Сам прежде сделался причастным.

Мы не имели в себе, чем жить, Он не имел в Себе, чем умереть; поэтому [Спаситель] совершил с нами — взаимообразным способом — удивительный обмен: мы дали то, чем Он умер, Он даст то, чем мы будем жить.

Однако плоть, которую Он принял от нас, дабы умереть, Он и даровал нам, как Творец, жизни же, имея которую, мы будем жить с Ним и в Нем, Он от нас не принимал. Поэтому со стороны нашей природы, по которой мы люди, Он умер не в Своем, но в нашем [естестве], так как Его природа, по Которой Он Бог,

*Гвельфербитонские проповеди Блаженного Августина названы по латинизированной форме немецкого топонима Вёльфенбюттель — города, где хранится множество ценных документов раннего христианства. Пер. М.Козлова. Приводится по изданию: Патристика. Новые переводы, статьи /Под. ред. М.Журинской. Н.-Новгород, 2001. С. 123—125.

смерти совершенно не подвержена, но со стороны творения, которое Он создал как Бог, Он умер еще и в Своем, ибо и плоть, в которой умер, создал Он Сам.

II

Стало быть, нам не только не следует стыдиться смерти Господа Бога нашего, но, напротив, и верить в нее всецело и хвалиться ею. Ибо [Христос], восприняв смерть, которую нашел в нас, непреложно обещал даровать жизнь в Себе, которую мы сами иметь не можем. Тот, Кто возлюбил нас так, что, не имея греха, претерпел за грешников заслуженное нами по грехам, как не даст нам того же, что и праведникам, — Он, Который оправдывает? Тот, Чье обещание истинно, как не дарует нам награду святых, — Он, Который безропотно перенес казнь от ропотников? Поэтому, братья, будем бесстрашно исповедовать и проповедовать, что Христос за нас был распят. Будем возвещать Христа распятого не робея, но радуясь, не стыдясь, но похваляясь. Апостол Павел знал и передал нам источник для хвалы. Хотя Павел многое мог поведать о величии и божественности Христа, он не сказал, что будет хвалиться чудесами Христа, Который, будучи Богом Словом у Отца, сотворил мир и, даже став человеком, подобным нам, правил миром, но сказал: «Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа» (*Гал 6:14*). Апостол видел, Кто, ради кого и где висел, и в таком унижении Бога предвосхищал наше божественное возвышение.

III

А люди, которые глумятся над нами за то, что мы чтим Господа распятого, хотя кажутся себе разумными, на самом деле безумствуют — неисцелимо и безнадежно, — не будучи способными понять ни нашей веры, ни нашей проповеди. Ведь мы и не утверждаем, что Христос умер по Божеству, — но по человечеству.

Когда умирает какой-либо человек, тогда та часть его, которая по существу делает его человеком, — та, которой он отличается от [бессловесного] скота, которая имеет разум, которая различает человеческое и божественное, временное и вечное, ложное и истинное, то есть его разумная душа, не претерпевает смерти вместе со своим телом, но отходит живой; и однако говорится: человек умер. Почему же тогда нельзя сказать: умер Бог, — не подразумеваемая, конечно, что в Боге могло умереть Его Божество, но что умерло Его смертное [человечество], которое Он воспринял ради смертных. Ибо, как со смертью человека душа его не умирает во плоти, так и при смерти Христа Его Божество не умерло в человеке. Но Бог, говорят они, не мог со-

единиться с человеком и во Христе стать с ним одним. Если придерживаться этого плотского и пустого воззрения и человеческих мнений, значительно труднее было бы поверить в то, что дух мог соединиться с плотью, чем в то, что Бог — с человеком, и все же ни один человек не был бы человеком, если бы дух человеческий не соединился с человеческим телом. Итак, если дух и тело являются более сложным и удивительным сочетанием, чем дух и дух, и если дух человека, раз он не тело, и тело человека, раз оно не дух, все же соединены воедино, дабы образовался человек, то куда скорее мог Бог, «Который есть дух» (Ии 4:24), не с телом, не имеющим духа, но с человеком, его имеющим, соединиться духовным сочетанием, дабы из двух стал единый Христос.

IV

Стало быть, и мы будем хвалиться крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для нас мир и мы для мира распинаемся; не стыдясь, будем полагать его на челе, этом средоточии стыда. Но если попытаться развернуто изложить, какое и сколь спасительное учение терпения проповедуется этим крестом, хватит ли нам слов для предмета, хватит ли времени для слов? [Скажем лишь]: какой человек, если он искренне и горячо верует во Христа, дерзнет превозноситься, когда Господь учит смирению не только словом, но и Своим примером? А о том, сколь полезно для нас это учение, кратко напоминает следующее изречение Священного Писания: «Пред падением возносится сердце и перед славой пребывает в смирении» (Притч 18:13); с ним созвучно другое: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак 4:6); и еще одно: «Возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 4:2). Равным образом, когда апостол призывает нас не высокоумствовать, но стать единомысленными со смиренными, следует задуматься, в какую бездну гордости впадает человек, противящийся смиренному Богу, и сколь губительным для человека является нетерпеливо переносить то, что пожелал ему [ниспослать] Праведный Господь, если Бог терпеливо перенес то, что пожелал ему [назначить] не праведный враг. Аминь.

ИСПОВЕДЬ*

Книга 1

Что хочу я сказать, Господи, Боже мой? — только, что я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту — сказать ли — мертвую жизнь или живую смерть? Не знаю. Меня встретило утешением милосердие Твое, как об этом слышал я от родителей моих по плоти, через которых Ты создал меня во времени; сам я об этом не помню. Первым утешением моим было молоко, которым не мать моя и не кормилицы мои наполняли свои груди; Ты через них давал мне пищу, необходимую младенцу по установлению Твоему и по богатствам Твоим, распределенным до глубин творения. Ты дал мне не желать больше, чем Ты давал, а кормилицам моим желание давать мне то, что Ты давал им. По внушенной Тобою любви хотели они давать мне то, что в избытке имели от Тебя. Для них было благом мое благо, получаемое от них, но оно шло не от них, а через них, ибо от Тебя все последствии, хотя Ты взывал ко мне и тогда — дарами извне и в меня вложенными. Уже тогда я умел сосать, успокаивался от телесного удовольствия, плакал от телесных неудобств — пока это было все.

Затем я начал и смеяться, сначала во сне, потом и бодрствуя. Так рассказывали мне обо мне, и я верю этому, потому что то же я видел и у других младенцев: сам себя в это время я не помню. И вот постепенно я стал понимать, где я; хотел объяснить свои желания тем, кто бы их выполнил, и не мог, потому что желания мои были во мне, а окружающие вне меня, и никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу. Я барахтался и кричал, выражая немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям — но знаки эти не выражали моих желаний. И когда меня не слушались, не понимали меня или чтобы не повредить мне, то я сердился, что старшие не подчиняются мне и свободные не служат как рабы, и мстил за себя плачем. Что младенцы таковы, я узнал по тем, которых смог

* Текст сочинения в переводе М.Е. Сергеевко публикуется по изданию: *Аврелий Августин. Исповедь. М., 1991. С. 56—85.*

узнать, и что я был таким же, об этом мне больше поведали они сами, бессознательные, чем сознательные воспитатели мои...

Исповедую Тебя, Господи неба и земли, воздавая Тебе хвалу за начало жизни своей и за свое младенчество, о которых я не помню. Ты позволил человеку догадываться о себе по другим, многому о себе верить, полагаясь даже на свидетельство простых женщин. Да, я был и жил тогда и уже в конце младенчества искал знаков, которыми мог бы сообщить другим о том, что чувствовал...

Услыши, Господи! Горе грехам людским. И человек говорит это, и Ты жалеешь его, ибо Ты создал его, но греха в нем не создал. Кто напомнит мне о грехе младенчества моего? Никто ведь не чист от греха перед Тобой, даже младенец, жизни которого на земле один день. Кто мне напомнит? Какой-нибудь малютка, в котором я увижу то, чего не помню в себе?

Итак, чем же грешил я тогда? Тем, что, плача, тянулся к груди? Если я поступлю так сейчас и, разинув рот, потянусь не то что к груди, а к пище, подходящей моему возрасту, то меня по всей справедливости осмеют и выбранят. И тогда, следовательно, я заслуживал брани, но так как я не мог понять бранившего, то было и не принято и не разумно бранить меня. С возрастом мы искореняем и отбрасываем такие привычки. Я не видел сведущего человека, который, подчищая растение, выбрасывал бы хорошие ветви. Хорошо ли, однако, было даже для своего возраста с плачем добиваться даже того, что дано было бы ко вреду? жестоко негодовать на людей неподвластных, свободных и старших, в том числе и на родителей своих, стараться по мере сил избить людей разумных, не повинующихся по первому требованию потому, что они не слушались приказаний, послушаться которых было бы губительно? Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей. Я видел и наблюдал ревновавшего малютку: он еще не говорил, но, бледный, с горечью смотрел на своего молочного брата. Кто не знает таких примеров? Матери и кормилицы говорят, что они искупают это, не знаю, какими средствами. Может быть, и это невинность — при источнике молока, щедро изливающегося и преизбыточном, не выносить товарища, совершенно беспомощного, живущего одной только этой пищей? Все эти явления кротко терпят не потому, чтобы они были ничтожны или маловажны, а потому, что с годами это пройдет. И Ты подтверждаешь это тем, что то же самое нельзя видеть спокойно в возрасте более старшем...

...Этот возраст, Господи, о котором я не помню, что я жил, откровенно которого полагаюсь на других и в котором, как я догадываюсь по другим младенцам, я как-то действовал, мне не хочется, несмотря на весьма справедливые догадки мои, причислять к этой моей жизни, которой я живу в этом мире. В том, что касается полноты моего забвения, период этот равен тому, который я провел в материнском чреве. И если «я зачат в беззаконии,

и во грехах питала меня мать во чреве»¹, то где, Боже мой, где, Господи, я, раб Твой, где и когда был невинным? Нет, пропускаю это время; и что мне до него, когда я не могу отыскать никаких следов его?

Разве не перешел я, подвигаясь к нынешнему времени, от младенчества к детству? Или, вернее, оно пришло ко мне и сменило младенчество. Младенчество не исчезло — куда оно ушло? и все-таки его уже не было. Я был уже не младенцем, который не может произнести слова, а мальчиком, который говорит, был я. И я помню это, а впоследствии я понял, откуда я выучился говорить. Старшие не учили меня, предлагая мне слова в определенном и систематическом порядке, как это было немного погодя с буквами. Я действовал по собственному разуму, который Ты дал мне, Боже мой. Когда я хотел воплями, различными звуками и различными телодвижениями сообщить о своих сердечных желаниях и добиться их выполнения, я оказывался не в силах ни получить всего, чего мне хотелось, ни дать знать об этом всем, кому мне хотелось. Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называется именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигиванья, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания. Таким образом, чтобы выразить свои желания, начал я этими знаками общаться с теми, среди кого жил; я глубже вступил в бурную жизнь человеческого общества, завися от родительских распоряжений и от воли старших.

Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда. Мне, мальчику, предлагалось вести себя как следует: слушаться тех, кто убеждал меня искать в этом мире успеха и совершенствоваться в красноречии, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство. Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым нас заставляли проходить; умножены были труд и печаль для сыновей Адама. Я встретил, Господи, людей, молившихся Тебе, и от них узнал, постигая Тебя в меру сил своих, что Ты Кто-то Большой и можешь, даже оставаясь скрытым для наших чувств, услышать нас и помочь нам. И я начал молиться Тебе, «Помощь моя и Прибежище мое»² и, взывая к Тебе, одолел косноязычие свое. Маленький, но с жаром немалым, молился я, чтобы меня не били в школе. И так как Ты не услышал

меня — что было не во вред мне, то взрослые, включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключалось хоть что-нибудь плохое, продолжали смеяться над этими боями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем.

Есть ли, Господи, человек, столь великий духом, прилепившийся к Тебе такой великой любовью, есть ли, говорю я, человек, который в благочестивой любви своей так высоко настроен, что дыба, кошки и тому подобные мучения, об избавлении от которых повсеместно с великим трепетом умоляют Тебя, были бы для него ничем? (Иногда так бывает от некоторой тупости.) Мог ли бы он смеяться над теми, кто жестоко трусил этого, как смеялись наши родители над мучениями, которым нас, мальчиков, подвергали наши учителя? Я и не переставал их бояться, и не переставал просить Тебя об избавлении от них, и продолжал грешить, меньше упражняясь в письме, в чтении и в обдумывании уроков, чем это от меня требовали. У меня, Господи, не было недостатка ни в памяти, ни в способностях, которыми Ты пожелал в достаточной мере наделить меня, но я любил играть, и за это меня наказывали те, кто сами занимались, разумеется, тем же самым.

В *«Делом детства» называет Августин то, что современные педагоги называют ведущей деятельностью дошкольного возраста, и это «дело детства» — игра.*

Забавы взрослых называются делом, у детей они тоже дело, но взрослые за них наказывают, и никто не жалеет ни детей, ни взрослых. Олобрит ли справедливый судья побон, которые я терпел за то, что играл в мяч и за этой игрой забывал учить буквы, которыми я, взрослый, играл в игру более безобразную? Наставник,

бывший меня, занимался не тем же, чем я? Если его в каком-нибудь вопросе побеждал ученый собрат, разве его меньше душили желчь и зависть, чем меня, когда на состязаниях в мяч верх надо мною брал товарищ по игре?

И все же я грешил, Господи Боже, все в мире сдерживающий и все создавший; грехи же только сдерживающий. Господи Боже мой, я грешил, нарушая наставления родителей и учителей моих. Я ведь смог впоследствии на пользу употребить грамоту, которой я, по желанию моих близких, каковы бы ни были их намерения, должен был овладеть. Я был непослушен не потому, что избрал лучшую часть, а из любви к игре: я любил побеждать в состязаниях и гордился этими победами. Я тешил свой слух лживыми сказками, которые только разжигали любопытство, и меня все больше и больше подзуживало взглянуть собственными глазами на зрелища, игры старших. Те, кто устраивает их, имеют столь высокий сан, что почти все желают его для детей своих, и в то же время охотно допускают, чтобы их секли, если эти зрелища мешают их учению; родители хотят, чтобы оно дало их детям возможность устраивать такие же зрелища. Взгляни на это, Господи, милосердным оком и освободи нас, уже призывающих Тебя;

освободи и тех, кто еще не призывает Тебя; да призовут Тебя, и Ты освободишь их...

В детстве моем, которое внушало меньше опасностей, чем юность, я не любил занятий и терпеть не мог, чтобы меня к ним принуждали; меня тем не менее принуждали, и это было хорошо для меня, но сам я делал нехорошо; если бы меня не заставляли, я бы не учился. Никто ничего не делает хорошо, если это против воли, даже если человек делает что-то хорошее. И те, кто принуждали меня, поступали нехорошо, а хорошо это оказалось для меня по Твоей воле, Господи. Они ведь только и думали, чтобы я приложил то, чему меня заставляли учиться, к насыщению ненасытной жажды нищего богатства и позорной славы. Ты же, «у Которого сочтены волосы наши»³, пользовался, на пользу мою, заблуждением всех настаивавших, чтобы я учился, а моим собственным — неохотой к учению — Ты пользовался для наказания моего, которого я вполне заслуживал, я, маленький мальчик и великий грешник. Так через поступавших нехорошо Ты благодетельствовал мне и за мои собственные грехи справедливо воздавал мне. Ты повелел ведь — и так и есть, — чтобы всякая неупорядоченная душа сама в себе несла свое наказание.

В чем, однако, была причина, что я ненавидел греческий, которым меня пичкали с раннего детства? Это и теперь мне не вполне понятно. Латынь я очень любил, только не то, чему учат в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков⁴. Первоначальное обучение чтению, письму и счету казалось мне таким же тягостным и мучительным, как весь греческий. Откуда это, как не от греха и житейской суетности, ибо «я был плотью и дыханием, скитающим и не возвращающимся»⁵. Это первоначальное обучение, давшее мне в конце концов возможность и читать написанное, и самому писать, что вздумается, было, конечно, лучше и надежнее тех уроков, на которых меня заставляли заучивать блуждания какого-то Энея, забывая о своих собственных; плакать над умершей Дидоной, покончившей с собой от любви, — и это в то время, когда я не проливал, несчастный, слез над собою самим, умирая среди этих занятий для Тебя, Господи, Жизнь моя...⁶

Почему же ненавидел я греческую литературу, которая полна таких рассказов? Гомер ведь умеет искусно сплетать такие басни; в своей суетности он так сладостен, и тем не менее мне, мальчику, он был горек. Я думал, что таким же для греческих мальчиков оказывается и Вергилий, если их заставляют изучать его так же, как меня Гомера. Трудности, очевидно, обычные трудности при изучении чужого языка, окропили, словно желчью, всю прелесть греческих баснословий. Я не знал ведь еще ни одного слова по-гречески, а на меня налегали, чтобы я выучил его, не давая ни отдыха, ни сроку и пугая жестокими наказаниями. Было время, когда я, малюткой, не знал ни одного слова по-латыни, но я выучился ей на слух, безо всякого страха и мучений, от кормилиц,

NB Если детство счастливо свободной игрой, то процесс обучения счастливо связан со свободной познавательной деятельностью.

шутивших и игравших со мной, среди ласковой речи, веселья и смеха. Я выучился ей без тягостного и мучительного принуждения, ибо сердце мое понуждало рожать зачатое, а родить было невозможно, не выучи я, не за уроками, а в разговоре, тех слов, которыми я передавал слуху других то, что думал. Отсюда явствует, что для изучения языка гораздо важнее свободная любознательность, чем грозная необходимость...

Позволь мне, Господи, рассказать, на какие бредни растрчивал я способности мои, дарованные Тобой. Мне предложена была задача, не дававшая душе моей покоя: произнести речь Юноны, разгневанной и опечаленной тем, что она не может повернуть от Италии царя тевкров⁷. Наградой была похвала; наказанием — позор и розги. Я никогда не слышал, чтобы Юнона произносила такую речь, но нас заставляли блуждать по следам поэтических выдумок и в прозе сказать так, как было сказано поэтом в стихах. Особенно хвалили того, кто сумел выпукло и похоже изобразить гнев и печаль в соответствии с достоинством вымышленного лица и одеть свои мысли в подходящие слова. Что мне с того, Боже мой, истинная Жизнь моя! Что мне с того, что мне за декламации мои рукоплескали больше, чем многим сверстникам и соученикам моим? Разве все это не дым и ветер?..

NB Быть человеком не по науке, а по сути — это и есть Ното. Гуманизм человеческих отношений воспитывал и Августин. Как это важно и для современных учителей. Педагогика, освещенная нравственными человеческими отношениями, является гуманной педагогикой, и Августин осознанно вводит это понятие, опираясь на слово Ното.

и терпеливо, как Ты и смотришь, посмотри, как тщательно соблюдают сыны человеческие правила, касающиеся букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров речи, и как пренебрегают они от Тебя полученными непреложными правилами вечного спасения. Если человек, знакомый с этими старыми правилами относительно звуков или обучающий им, произнесет вопреки грамматике слово ното без придыхания в первом слоге, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если, вопреки заповедям Твоим, он, человек, будет ненавидеть человека. Ужели любой враг может оказаться опаснее, чем сама ненависть, бушующая против этого врага? можно ли, преследуя другого, погубить его страшнее, чем губит вражда собственное сердце? И, конечно, знание

грамматики живет не глубже в сердце, чем запечатленное в нем сознание, что ты делаешь другому то, чего сам терпеть не пожелаешь.

Вот на пороге какой жизни находился я, несчастный, и вот на какой арене я упражнялся. Мне страшнее было допустить

варваризм, чем остережешься от зависти к тем, кто его не допустил, когда допустил я. Говорю Тебе об этом, Господи, и исповедую пред Тобой, за что хвалили меня люди, одобрение которых определяло для меня тогда пристойную жизнь. Я не видел пучины мерзостей, в которую «был брошен прочь от очей Твоих»⁸. Как я был мерзок тогда, если даже этим людям доставлял неудовольствие, без конца обманывая и воспитателя, и учителей, и родителей из любви к забавам, из желания посмотреть пустое зрелище, из веселого и беспокойного обезьянничанья. Я воровал из родительской кладовой и со стола от обжорства или чтобы иметь чем заплатить мальчикам, продававшим мне свои игрушки, хотя и для них они были такою же радостью, как и для меня. В игре я часто обманом ловил победу, сам побежденный пустой жадной превосходства. Разве я не делал другим того, чего сам испытать ни в коем случае не хотел, уличенных в чем жестоко бранил? А если меня уличали и бранили, я свирепел, а не уступал.

И это детская невинность? Нет, Господи, нет! позволю мне сказать это, Боже мой. Все это одинаково: в начале жизни — воспитатели, учителя, орехи, мячики, воробьи; когда же человек стал взрослым — префекты, цари, золото, поместья, рабы — в сущности, все это одно и то же, только линейку сменяют тяжелые наказания. Когда Ты сказал, Царь наш: «Таковых есть Царство Небесное»⁹, Ты одобрил смирение, символ которого — маленькая фигурка ребенка.

И все же, Господи, совершеннейший и благой Создатель и Правитель вселенной, благодарю Тебя, даже если бы Ты захотел, чтобы я не вышел из детского возраста. Я был уже тогда, я жил и чувствовал; я заботился о своей сохранности — след таинственного единства, из которого я возник. Движимый внутренним чувством¹⁰, я оберегал в сохранности свои чувства: я радовался истине в своих ничтожных размышлениях и по поводу ничтожных предметов. Я не хотел попадать впросак, обладал прекрасной памятью, учился владеть речью, умилялся дружбе, избегал боли, презрения, невежества. Что не заслуживает удивления и похвалы в таком существе?..

Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей не потому, что я люблю их, но чтобы полюбить Тебя, Боже мой. Из любви к любви Твоей делаю я это, в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути свои. <...>

Что же доставляло мне наслаждение, как не любить и быть любимым? Только душа моя, тянувшаяся к другой душе, не умела соблюдать меру, остановясь на светлом рубеже дружбы; туман поднимался из болота плотских желаний и бившей ключом возмужалости, затуманивал и помрачал сердце мое, и за мглою похоти уже не различался ясный свет привязанности. Обе кипели, сливаясь вместе, увлекали неокрепшего юношу по крутизнам страстей и погружали его в бездну пороков.

Возобладал надо мною гнев Твой, а я и не знал этого. Оглох я от звона цепи, наложенной смертностью моей, наказанием за гордость души моей¹¹. Я уходил все дальше от Тебя, и Ты дозволял это; я метался, растрчивал себя, разбрасывался, кипел в распутстве своем, и Ты молчал. О, поздняя Радость моя! Ты молчал тогда, и я уходил все дальше и дальше от Тебя, в гордости падения и беспокойной усталости выращивая богатый посев бесплодных печалей...

NB *Перед нами жанр дневника, самонаблюдение, то есть исповедь — не что я сделал, а как душа моя отозвалась на то или иное событие. В данном отрывке речь идет о психологии толпы, о немотивированности содеянного проступка ее членом (хотя этот разговор о грушах, сворованных в чужом саду в компании мальчишек-сверстников, нельзя назвать преступлением) и о раскаянии об этом и стыде, посетившим уже взрослого человека. Феномен преступного сознания исследуется сегодня очень активно психологами. Оно есть определенная мыслительная ограниченность и отсутствие персональной ответственности: делаем как все, испытывая «ложную» гордость от совместного действия. Августин прослеживает и исследует ущербность стадного чувства.*

Где был я? Как далеко скитался от счастливого дома Твоего в этом шестнадцатилетнем возрасте моей плоти, когда надо мною подъяла скипетр свой целиком меня покорившая безумная похоть, людским неблагообразием дозволенная, законами Твоими неразрешенная. Мои близкие не позаботились подхватить меня, падающего, и оженить; их заботило только, чтобы я выучился как можно лучше говорить и убеждать своей речью...

Воровство, конечно, наказывается по закону Твоему, Господи, и по закону, написанному в человеческом сердце, который сама неправда уничтожить не может. Найдется ли вор, который спокойно терпел бы вора? И богат не терпит человека, принужденного к воровству нищетою. Я же захотел совершить воровство, и я совершил его, толкаемый не бедностью или голодом, а от отвращения к справедливости и от объедения грехом. Я украл то, что у меня имелось в изобилии и притом было гораздо лучше: я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом.

По соседству с нашим виноградником стояла груша, отягощенная плодами, ничуть не соблазнительными ни по виду, ни по вкусу. Негодные мальчишки, мы отправились отрясти ее и забрать свою добычу в глухую полночь; по губительному обычаю наши уличные забавы затягивались до этого времени. Мы унесли оттуда огромную ношу не для еды себе (если даже кое-что и съели); и мы готовы были выбросить ее хоть свиньям, лишь бы совершить поступок, который тем был приятен, что был запрещен. Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое, над которым Ты сжалился, когда оно было на дне бездны. Пусть ска-

жет Тебе сейчас сердце мое, зачем оно искало быть злым безо всякой цели. Причиной моей испорченности была ведь только моя испорченность. Она была гадка, и я любил ее; я любил погибель; я любил падение свое; не то, что побуждало меня к падению, самое падение свое любил я, гнусная душа, скатившаяся из крепости Твоей в погибель, ищущая желанного не путем порока, но ищущая самый порок.

Есть своя прелесть в красивых предметах, в золоте, серебре и прочем; только взаимная приязнь делает приятным телесное прикосновение; каждому чувству говорят воспринимаемые им особенности предметов. В земных почестях, в праве распоряжаться и стоять во главе есть своя красота; она заставляет и раба жадно стремиться к свободе. Нельзя, однако, в погоне за всем этим отходить от Тебя, Господи, и удаляться от закона Твоего. Жизнь, которой мы живем здесь, имеет свое очарование: в ней есть некое свое благолепие, соответствующее всей земной красоте. Сладостна людская дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Ради всего этого человек и позволяет себе грешить и в неумеренной склонности к таким, низшим, благам покидает лучшее и наивысшее, Тебя, Господи Боже наш, правду Твою и закон Твой. В этих низших радостях есть своя услада, но не такая, как в Боге моем, Который создал все, ибо в Нем наслаждается праведник, и Сам Он наслаждение для праведных сердцем...

Что же было мне, несчастному, мило в тебе, воровство мое, ночное преступление мое, совершенное в шестнадцатилетнем возрасте? То не было прекрасно, будучи воровством; представляешь ли ты вообще нечто, о чем стоило бы говорить с Тобой? Прекрасны были те плоды, которые мы украли, потому что они были Твоим созданием, прекраснейший из всех, Творец всего, благий Господи, Ты, высшее благо и истинное благо мое; прекрасны были те плоды, но не их желала жалкая душа моя. У меня в изобилии были лучшие: я сорвал их только затем, чтобы украсть. Сорванное я бросил, отведав одной неправды, которой радостно наслаждался. Если какой из этих плодов я и положил себе в рот, то приправой к нему было преступление. Господи Боже мой, я спрашиваю теперь, что доставляло мне удовольствие в этом воровстве? В нем нет никакой привлекательности, не говоря уже о той, какая есть в справедливости и благоразумии, какая есть в человеческом разуме, в памяти, чувствах и полной сил жизни; нет красоты звезд, украшающих места свои; красоты земли и моря, полных созданиями, сменяющимися друг друга в рождении и смерти; в нем нет даже той ущербной и мнимой привлекательности, которая есть в обольщающем пороке...

Что извлек я, несчастный, из того, вспоминая о чем я сейчас краснею, особенно из того воровства, в котором мне было мило само воровство и ничто другое? Да и само по себе оно было ничто, а я от этого самого был еще более жалок. И однако, на-

сколько я помню мое тогдашнее состояние духа, я один не совершил бы его; один я никак не совершил бы его. Следовательно, я любил здесь еще сообщество тех, с кем воровал. Я любил, следовательно, кроме воровства еще нечто, но и это нечто было ничем. Что же на самом деле? Кто научит меня, кроме Того, Кто просвещает сердце мое и рассеивает тени его? Зачем приходит мне в голову спрашивать, обсуждать и раздумывать? Ведь если бы мне нравились те плоды, которые я украл, и мне хотелось бы ими наесться, если бы мне достаточно было совершить это беззаконие ради собственного наслаждения, то я мог бы действовать один. Нечего было разжигать зуд собственного желания, расчесывая его о соучастников. Наслаждение, однако, было для меня не в тех плодах; оно было в самом преступлении и создавалось сообществом вместе грешивших.

Что это было за состояние души? Конечно, оно было очень гнусно, и горе мне было, что я переживал его. Что же это, однако, было? «Кто понимает преступления?»¹² Мы смеялись, словно от щекотки по сердцу, потому что обманывали тех, кто и не подумал бы, что мы можем воровать, и горячо этому бы воспротивился. Почему же я наслаждался тем, что действовал не один? Потому ли, что наедине человек не легко смеется? Не легко, это верно, и однако иногда смех овладевает людьми в полном одиночестве, когда никого другого нет, если им представится или вспомнится что-нибудь очень смешное. А я один не сделал бы этого, никак не сделал бы один. Вот, Господи, перед Тобой живо припоминаю я состояние свое. Один бы я не совершил этого воровства, в котором мне нравилось не украденное, а само воровство; одному воровать мне бы не понравилось, я бы не стал воровать. О, вражеская дружба, неуловимый разврат ума, жажда вредить на смех и в забаву! Стремление к чужому убытку без погони за собственной выгодой, без всякой жажды отомстить, а просто потому, что говорят: «пойдем, сделаем», и стыдно не быть бесстыдным.

Кто разберется в этих запутанных извилах? Они гадки: я не хочу останавливаться на них, не хочу их видеть. Я хочу Тебя, Справедливость и Невинность, прекрасная честным Светом Своим, насыщающая без пресыщения. У Тебя великий покой и жизнь безмятежная. Кто входит в Тебя, входит в «радость господина своего» и не убьется, и будет жить счастливо в полноте блага. Я в юности отпал от Тебя, Господи, я скитался вдали от твердыни Твоей и сам стал для себя областью нищеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Пс. 50:7.

2 Пс. 93:22.

3 Мф. 10:30.

4 Законченное образование во всем римском мире получали лица, прошедшие три школы: начальную, где обучались чтению, письму и счету; грамматическую, где занимались, главным образом, чтением и толкованием поэтов и прозаиков, введенных в канон школьного обучения; и риторскую, в которой юноша готовился к ораторской карьере.

5 Пс. 77:39.

6 Эней — главный герой «Энеиды» Вергилия, на которой воспитывалось все римское общество. Один из троянских героев, Эней бежит из объятай пожаром Трои. В Карфагене он принят царицей Дидоной, любившей его. После отъезда Энея она покончила с собой.

7 Царь тевкров (т.е. троянцев) — Эней. Юнона старалась помешать Энею прибыть в Италию, где ему судьбой было определено основать великое царство. Подобные задачи по составлению прозаических речей от имени мифологических персонажей были обычным упражнением в школе грамматической.

8 Пс. 30:23.

9 Мф. 19:14.

10 Личностное сознание, коррелирующее данные органов чувств.

11 «Смертностью моей» — смертным телом. Желания тела оглушили юношу. Это было наказанием за гордость, выразившуюся в стремлении быть независимым от Бога.

12 Пс. 18:13.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ КНИГ БИБЛИИ

Ветхий Завет

- Быт. — Бытие
Исх. — Исход
Лев. — Левит
Числ. — Числа
Втор. — Второзаконие
Иис. Н. — Книга Иисуса Навина
Суд. — Книга Судей Израилевых
Руф. — Книга Руфь
1 Цар. — Первая книга Царств
2 Цар. — Вторая книга Царств
3 Цар. — Третья книга Царств
4 Цар. — Четвертая книга Царств
1 Пар. — Первая книга Паралипоменон
2 Пар. — Вторая книга Паралипоменон
1 Ездр. — Первая книга Ездры
Неем. — Книга Неемии
2 Ездр. — Вторая книга Ездры
Тов. — Книга Товита
Иудифь. — Книга Иудифи
Есф. — Книга Есфири
Иов. — Книга Иова
Пс. — Псалтирь
Притч. — Книга Притчей Соломоновых
Еккл. — Книга Екклезиаста, или Проповедника
Песн. П. — Песнь Песней Соломона
Прем. — Книга Премудрости Соломона
Сир. — Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова
Ис. — Книга пророка Исаяи
Иер. — Книга пророка Иеремии
Плач. — Книга Плач Иеремии
Посл. Иер. — Послание Иеремии
Вар. — Книга пророка Варуха
Иез. — Книга пророка Иезекииля
Дан. — Книга пророка Даниила
Ос. — Книга пророка Осии

Иоил. — Книга пророка Иоиля
Ам. — Книга пророка Амоса
Авд. — Книга пророка Авдия
Иона — Книга пророка Ионы
Мих. — Книга пророка Михея
Наум. — Книга пророка Наума
Авв. — Книга пророка Аввакума
Соф. — Книга пророка Софонии
Агг. — Книга пророка Аггея
Зах. — Книга пророка Захарии
Мал. — Книга пророка Малахии
1 Мак. — Первая книга Маккавейская
2 Мак. — Вторая книга Маккавейская
3 Мак. — Третья книга Маккавейская
3 Ездр. — Третья книга Ездры

Новый Завет

Мф., Мат. — Евангелие от Матфея
Мк., Мар. — Евангелие от Марка
Лк., Лук. — Евангелие от Луки
Ин., Иоан. — Евангелие от Иоанна
Деян. — Деяния святых Апостолов
Иак. — Послание Иакова
1 Пет. — Первое послание Петра
2 Пет. — Второе послание Петра
1 Иоан. — Первое послание Иоанна
2 Иоан. — Второе послание Иоанна
3 Иоан. — Третье послание Иоанна
Иуд. — Послание Иуды
Рим. — Послание Апостола Павла к Римлянам
1 Кор. — Первое послание Апостола Павла к Коринфянам
2 Кор. — Второе послание Апостола Павла к Коринфянам
Гал. — Послание Апостола Павла к Галатам
Еф. — Послание Апостола Павла к Ефесянам
Фил. — Послание Апостола Павла к Филиппийцам
Кол. — Послание Апостола Павла к Колоссянам
1 Фес., 1 Сол. — Первое послание Апостола Павла к Фессалонийцам (Солунянам)
2 Фес., 2 Сол. — Второе послание Апостола Павла к Фессалонийцам (Солунянам)
1 Тим. — Первое послание Апостола Павла к Тимофею
2 Тим. — Второе послание Апостола Павла к Тимофею
Тит. — Послание Апостола Павла к Титу
Фил. — Послание Апостола Павла к Филимону
Евр. — Послание Апостола Павла к Евреям
Откр. — Откровение Апостола Иоанна Богослова (Апокалипсис)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сочинения Августина

Избранные проповеди /Пер. Д.Садовского. Сергиев Посад, 1913.
Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского /Пер. М.Е.Сергеевко. М., 1991.

О благодати и свободном произволении /Пер. О.Е.Нестеровой // Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. — М.: Мысль, 1987. С.532—557.

О свободе воли /Пер. М.Ермаковой и А.Шарнина //Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. Т.1. СПб. 2001. С. 25—65.

О Христианском учении /Пер. С.С.Неретиной //Там же, с. 66—112.

Проповеди // Альфа и Омега, 1 (8), 1996.

Проповедь 258. Слово в день Господень /Пер. М.Козлова // Патристика. Новые переводы, статьи /Под ред. М.Журинской. Н.Новгород, 2001. С.119—122.

Проповедь 59. О Молитве Господней /Пер. М.Козлова // Патристика. Новые переводы, статьи /Под ред. М.Журинской. Н.Новгород, 2001. С.114—119.

Проповедь гвельфербитонская 3. О страданиях Господа /Пер. М.Козлова // Патристика. Новые переводы, статьи /Под ред. М.Журинской. Н.Новгород, 2001. С.122—125.

Против академиков /Пер. О.В.Головой. М., 1999.

Слово о разорении города Рима /Пер. С.А.Степанцова // Вестник древней истории, 2, 2001. С.245—250.

Творения Блаженного Августина. Изд. 1-е. Части 1—11. Киев, 1880—1908. Изд. 2-е. Части 1—8. Киев, 1901—1915.

Творения. М., 1997.

Толкование на Псалом сто двадцать пятый /Пер. С.Степанцова // Патристика. Новые переводы, статьи /Под ред. М.Журинской. Н.Новгород, 2001. С.126—151.

Цветы благодатной жизни. СПб., 1997.

Шесть книг о музыке [I,1,2; II,1—3,7,9,14; III,1] /Пер. Е.М.Двоскиной // Музыкальная академия, 1, 1995. С.131—139.

Энхиридион, или О вере, надежде и любви. Киев, 1996.

Литература об Августине

Баткин Л.М. «Не мечтайте о себе». О культурно-историческом смысле «Я» в «Исповеди» бл. Августина. М., 1993.

Буддакова Е.В. Принципы государственного строительства в теософии Аврелия Августина // Вера и церковь в средние века и раннее новое время (Западная Европа и Византия). Тезисы докладов Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 7—8 февраля 2001 года /Под ред. А.А.Талызиной. М., 2001. С.4—6.

Бычков В.В. Античные традиции в эстетике раннего Августина // Традиция в истории культуры. М., 1978.

Бычков В.В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984.

Видельбад В. Августин и средние века // Он же. История древней философии /Пер. с нем. А.И.Введенского. Киев, 1995. С.312—337.

Гайденко В.П., Смирнов Г.А. Раннесредневековая концепция человека // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981.

Герье В.И. Блаженный Августин. М., 1910.

Евтухов И.О. «Энхиридион» Аврелия Августина и раннесредневековая концепция человека // Вестник Белорусского государственного университета, сер.3, 1991, 1. С.14—17.

Евтухов И.О. Концепция человека в произведениях Аврелия Августина периода Тагаста (388—392) // Вестник Белорусского государственного университета, сер.3, 1989, 2. С.18—21.

Евтухов И.О., Федосик В.А. К вопросу о формировании антропологии Аврелия Августина // Вестник Белорусского государственного университета, сер.3, 1988, 2. С.22—24.

Карсавин Л. Святой Августин и наша эпоха // Символ, 28, 1992. С. 233—241.

Кибардин Н.П. «Новая школа» бл.Августина. СПб., 1912.

Кибардин Н.П. бл.Августин, епископ Иппонский, как воспитатель клира // Историческое обозрение, 10, 1915. Отдельный оттиск. Казань, 1915.

Кибардин Н.П. Система педагогики по творениям блаженного Августина. Казань, 1911.

Копылев И.А. «Два града» Блаженного Августина (онтологические основания философии истории) // Человек, 1—2, 1998.

Лебедев А. Блаженный Августин и нравственные проблемы его эпохи // Духовный мир, 1, 1994. С. 51—60.

Марру А. Святой Августин и августинизм // Символ, 8, 1982. С. 95—174.

Марру А.-И. Святой Августин и августинианство /Пер. О.Головой. Долгопрудный, 1999.

Нестик Т.А. Тема внутреннего слова у Августина: мышление и время // Вопросы философии, 10, 1998. С.112—125.

Писарев Л.И. Учение бл.Августина о человеке в его отношении к Богу. Казань, 1894.

Попов И.В. Личность и учение блаженного Августина. В 2-х тт. Сергиев Посад, 1916—1917.

Трубецкой Е. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Мирозерцание блаженного Августина. М., 1892.

Уманская Т.А. Структура учения Августина о душе. К вопросу о психологических воззрениях Августина и их эволюции // Проблемы истории домарксистской философии (средневековый способ философствования). М., 1985. С.36—52.

Федотов Г.П. Письма бл. Августина // Федотов Г.П. Собрание соч.: В 12-ти тт. Т.1. М., 1996. С.51—79.

СОДЕРЖАНИЕ

Учитель веры Аврелий Августин: рецептура для христианского образования души. <i>Безрогов В.Г.</i>	5
Об обучении христианина (О христианском учении)	13
Об обучении оглашаемых	152
Проповедь 59. О Молитве Господней	197
Проповедь 258. Слово в день Господень	202
Проповедь гвельфербитонская 3. О страданиях Господа	205
Исповедь (фрагменты)	208
<i>Сокращенные обозначения книг Библии</i>	219
<i>Список литературы</i>	221

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН

Составитель и автор предисловия:

Виталий Григорьевич Безрогов

Работа составителя над данной книгой поддержана грантом Российского гуманитарного научного фонда 02-06-00141а.

Первый читатель

Ольга Григорьевна Панченко

Редакционно-издательская подготовка, оформление и макет
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 20.10.2001 г.

Подписано к печати 19.12.2002. Формат 60 × 90^{1/16}.

Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Заказ № 2562.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили

МГПУ лаборатория гуманной педагогики

113184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16,

тел.: (095) 959-55-54 доб. 121, 120.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова,
214000, Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-89147-038-1

9 785891 470385

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В «Антологии...»
используется ранее
неприменявшийся
в практике российского
учебного книгоиздания
прием фокусирования
на страницах книги
не всегда совпадающих
позиций —
автора классического
наследия;
составителя тома, ученого,
излагающего свои взгляды
во вступительной статье
и комментариях,
и **первого читателя**,
учителя, сегодня смотрящего
в глаза своим ученикам,
призванного сегодня
реализовывать **идеи**
гуманной педагогики.

«Тесен дом души моей.
Чтобы Тебе войти туда:
расширь его. Есть в нем,
чем оскорбиться взору Твоему:
сознаюсь, знаю,
но кто приберёт его?» -
признавался Августин в своей
«Исповеди» перед Богом.
На вопрос «кто приберёт»
дом души и отвечает Августин
в своих педагогических трактатах
— образце педагогической
мудрости древних.

Шалва Амонашвили